

Глава I

ОПРЕДЕЛИМСЯ С ТЕРМИНАМИ

1. Я, либерал, заявляю.
2. О какой свободе идет речь.
3. Что не есть либерализм.
4. Острый дефицит либерализма в постсоциалистических странах.
Миф о поражении интервенционизма.
5. Почему люди по умолчанию выбирают коллективизм и антилиберализм.
Идеологический гамбит социалистов.
6. Запад против Запада. В поисках новой опознавательной
системы «свой – чужой».
7. Время как точный индикатор качества жизни.
Социальная ловушка интервенционизма.
8. Деньги и мораль либеральной системы.
9. Ты принадлежишь сам себе.
10. Человек действующий и рациональный.
Можно ли знать счет до начала игры?
11. Многозначительные ярлыки. Определитесь с философской,
политической и экономической ориентацией.
12. Тест «К какой экономической школе ты относишься?»

1. Я, либерал, заявляю

Я – либерал. Люблю и ценю свободу. Свою и других людей. Однаково. Люблю и ценю жизнь. Свою и других людей. Однаково сильно. Люблю и ценю независимость. Свою и других людей. Цвет кожи, религия или пол значения не имеют. Я люблю и принимаю ответственность за свои действия. Ожидая такого же от других людей. Так жить безопаснее, легче и веселее.

Я – либерал, потому что глупо любить несвободу. Унизительно поддерживать рабство. Аморально устанавливать себе и другим разные правила игры, когда ты находишься на одном игровом поле. В одной стране, на одной Земле. Человек рожден свободным. Права дала ему природа, а не правительство. Быть либералом – значит уважать и ценить природу человека, сущность Вселенной. Значит, уважать традиции предков и создавать традиции для будущих поколений. Значит, отвергать принцип «после меня – хоть потоп». Значит, жить за свой счет, за счет товаров и услуг, которые ты получаешь в результате добровольного обмена с другими. Значит, жить по принципу романтических героев Айн Рэнд: «*Я клянусь своей жизнью и любовью к ней, что никогда не буду жить ради другого человека и никогда не попрошу и не заставлю другого человека жить ради меня*».

Я ценю свою свободу, которая заканчивается у кончика носа. Я люблю, когда у меня есть добровольный большой выбор вариантов работы, отдыха, реализации себя. Когда я сам оцениваю и выбираю религию, не нарушая такого же права другого человека. Когда я решаю, как заинвестировать или потратить свои деньги – без санкций чиновника. Когда я вступаю в политическую партию или создаю благотворительную организацию. Когда я действую по своим убеждениям, вкусам или даже настроению.

Мне нравится самому заботиться о своих мозгах, работе, старости, здоровье и безопасности. При этом я считаю важным помогать своим близким и людям, которых я уважаю и ценю. Я уверен, что люди от природы разные. Их нельзя равнять под одну гребенку. Люди разные физически. У нас разные вкусы и приоритеты, ценности и цели. Каждый человек – уникальная информационная система. Уравниловка – это насилие над природой и обществом.

Я – за равенство возможностей, а не за равенство зарплаты. Я рад за соседа, который покупает дорогой автомобиль или вселяется в новый дом. Если он заработал деньги в условиях честного рынка, т. е. когда для всех его участников правила игры были равные. Я не считаю достижением, достойным уважения и восхищения, добиваться богатства при помощи государства. Скотолить состояние через инфляцию, девальвацию, коррумпированные сделки при приватизации, через «серые» схемы при госзакупках или сдаче в аренду казенного имущества – это не пример для подражания. Это предмет не восхищения, а осуждения, если не уголовного права.

Я горжусь предками, которые смогли создать, сохранить и передать материальное и духовное. Они выжили, несмотря на варварство тоталитариев и интервенционистов разных красок и мастей. Они передали нам остатки института частной собственности. Они остались людьми, хотя власти хотели превратить их в винтики. Они не разучились творить и верить, радоваться и шутить, хотя часто хотелось выть. Либерал строит свою жизнь, опираясь на вековые традиции свободных, гордых и ответственных людей, а не на мимолетные кодексы строителей жизни в одной большой казарме. К тому же, за чужой счет.

Я не приемлю монополию одной группы лентяев и халевщиков выступать от имени государства. Мне противно, когда они указывают мне, как тратить мои деньги, какие книги читать в школе, какие товары покупать в магазинах, как выезжать к друзьям за границу. Я не приемлю диктата политиков, которые считают, что они могут распоряжаться и торговать тем, что им не принадлежит, – моей жизнью, свободой, собственностью и будущим моих детей. Они начинают с малого: возведения торговых барьеров, лицензирования, регулирования цен, регистрации всего и вся. Постепенно они забирают все больше нашего времени и ресурсов в виде налогов и инфляции. Человек не успевает сообразить, как оказывается в клетке интервенционистов. Все это проходит под благозвучными лозунгами защиты человека, природы и чего-нибудь социального. На самом деле абсолютно неважно, под каким соусом у тебя забирают твои деньги и время. Я считаю безнравственным такое поведение и призываю не клевать на приманку словесной шелухи.

Я уважаю право каждого человека делать свой выбор, иметь свое мнение по любому вопросу. Главное, чтобы он не принуждал меня принять его мнение и жить по нему. Главное, чтобы сохранялся диалог и сотрудничество между людьми раз-

ных взглядов. Я против того, чтобы для затыкания рта оппоненту использовать кулак, автомат или закон. Особенно опасно для человека принуждение через государство. Став политиком или посадив политиков «на иглу», отдельные люди монополизируют право декларирования истины в последней инстанции. Они навязывают нормы и стандарты в экономике, искусстве и даже семейной жизни. Я не использую силу принуждения. Я использую исключительно силу убеждения.

Человеку свойственно ошибаться. Идеальных людей не бывает. Природа также не гарантирует нам легкой прогулки по жизни. Чтобы жизнь удалась, надо думать, внимательно изучать окружающий мир и себя, анализировать свой опыт и знания, извлекать уроки из истории жизни других людей.

Государство часто считает человека слабаком, дураком и размазней. Дескать, тот-де не способен адаптироваться к реалиям жизни, и его нужно вести за руку от коляски до гроба. Такое отношение оскорбляет человека, унижает чувство его собственного достоинства. Я считаю, что аморально и неэффективно защищать человека от его собственных ошибок, за его же деньги. Я верю в способность человека определить, что такое хорошо, и что такое плохо – без подсказки чиновника. В либеральной среде человек быстро сокращает до минимума число совершаемых им ошибок. Ему выгодно познавать житейскую мудрость, потому что ошибки на работе, в личных отношениях или в семье стоят очень дорого. Так человек реализует свое право на стремление к счастью, каким он его видит.

Интервенционисты называют меня «буржуем», «капиталистом», «эгоистом», потому что я работаю с утра до ночи, обеспечиваю себя и своих близких кровом, пищей и знаниями. Я не лежу весь день на диване с бутылкой пива или стаканом водки. Я не прогибаюсь перед чиновниками и политиками, требуя своей доли национального пирога. Пот, нервы, время, деньги – это мой вклад в мое личное благосостояние. Это мой вклад в благосостояние общества и страны.

Лесть, погоня за формальными «корочками», участие в бессмысленных тусовках, уход от реальной жизни в алкоголь, наркотики или мир Интернета – это выбор халевищиков. Это выбор людей, которым всегда не хватает летом снега, а зимой – зноя. Они боятся жизни, рассчитывают на то, что кто-то принесет им счастье на тарелочке. Другие, как говорится, с жиру бесятся, прожигая деньги своих родителей.

Я люблю работать, обменивать свои товары и услуги на товары и услуги других людей. Я не жду милостыни и жалости от своих соотечественников. В экономике я готов предоставить им то, за что они готовы заплатить, здесь и сейчас, сегодня и завтра. В личной жизни я развиваю те качества, которые люди ценят: честность, порядочность, справедливость, чувство юмора и уважение к себе и другим. Я не признаю право другого человека на мою жизнь, свободу и собственность. Я неполиткоректен: называю зло злом, хамство хамством, дурака дураком, сколько бы денег у него ни было и какую бы должность он ни занимал.

Интервенционисты культивируют во мне чувство вины, чувство долга. Его суть часто сводится к тому, что большую часть своей жизни я должен отдать на «всеобщее благосостояние», «национальные интересы» или «устойчивое развитие». Не уточняется кого, на сколько и за чей счет. Меня не устраивает такая форма обмена. Благо общества, нации или государства нельзя строить на грабеже или обмане даже

одного гражданина. Какая разница, с какой формулировкой у меня забирают время, деньги или голос на выборах?!

Благо общества аморально, если оно предполагает насилие надо мной. Когда речь идет о работе, уплате налогов, то мне говорят, что я – неотъемлемая часть этого самого общества. Когда же речь заходит о получении моей доли «национального богатства» или хотя бы каких-то услуг от него в виде справедливого суда или честной милиции, я слышу: «Извини, твоя очередь еще не подошла! Заработай сам!»

Нет, я не за анархию. Государство должно быть. По контракту с гражданами оно обеспечивает порядок, защиту и исполнение контрактов. Однако если чиновники позволяют «приватизировать» государство, если мафия и бритоголовые выполняют его функции качественнее, делают за него работу (захищают граждан и бизнесменов, обеспечивают возвращение долгов, судят преступников по их же законам), то зачем мне такое государство? В таком виде оно хуже любого преступника, потому что само ворует, выманивает и унижает. И не столько богатых, сколько самых бедных. При этом политики строят невинные глазки и переводят стрелки на «кровожадных бизнесменов», членочников, фермеров или иностранцев. Мол, это они, несознательные элементы, шпионы Запада, виноваты в нашей нищете, плохих дорогах и низкой грамотности. Я поддерживаю прозрачное и ответственное государство, честную конкуренцию политических партий при активном участии гражданского общества в диалоге с властью.

Мне часто завидуют, что я езжу на хорошей машине, каждый день ем мясо или морепродукты, а летом вывозжу семью на отдых к морю. Я отказываюсь извиняться за свой успех в жизни. Я работаю, чтобы содержать себя и свою семью. Мой выбор факторов производства и умение торговать высоко оценивает потребитель. Я отказываюсь извиняться за то, что я профессионал в своем деле и делаю его качественно. Не моя вина, что большинство людей добровольно покупает услуги и товары именно у меня, а не моих конкурентов. Я их не заставляю. Потребителям выгодно иметь дело со мной. При этом я понимаю, что такая популярность у потребителей вечной не бывает. На нее надо работать каждый день: экспериментировать, инвестировать в новые технологии, поддерживать науку и инновации, развивать человеческий капитал.

Я отказываюсь извиняться за свой успех, за свои способности и честно заработанные деньги. Источник моего успеха не в умении находить своих людей в кабинетах бюрократов, а в удовлетворении потребностей людей. Мне не нужен посредник в лице государства, чтобы продавать свои услуги и товар. Посредник всегда накручивает цены и увеличивает риск обмана как продавца, так и покупателя.

Мне не нужен посредник, чтобы помогать людям, строить храмы, одевать деток-сирот или поддерживать дома престарелых. Я сам добровольно отдаю средства на борьбу с бедностью и нищетой, на образование талантливых детей из деревень. Нет денег и образования, нет благополучной семьи – и человек идет воровать или совершает другие преступления. Я это понимаю и готов поддерживать учителей, врачей и милицию. Но когда заставляют снимать последнюю рубаху, когда имитируют бесплатную медицинскую помощь и образование, когда вменяют в обязанность делиться с профессиональными нищими как на улицах, так и в высоких кабинетах, я протестую против такой формы принудительной благотворительности.

Рыночная цена подсказывает мне твой экономический выбор и степень твоего удовлетворения. Общение с тобой позволяет мне понять, какие человеческие качества ты ценишь, какие знания тебе нужны и за какие услуги ты готов обменивать свое время и ресурсы. Я работаю именно в этом направлении. В реальной жизни, а не в рамках некоей теоретической схемы якобы оптимального распределения. Я не апеллирую к твоей жалости. Я предлагаю диалог, сотрудничество равных партнеров. Либерал человеку – партнер, а не хозяин или слуга. В этом его личный интерес. В этом условие создания зажиточного, культурного и нравственного общества.

Вот мои принципы. Я не заставляю других людей их принимать. Я вообще никого никогда не заставляю. Я предлагаю «товар» в виде материальных и нематериальных активов, в виде духовных ценностей, услуг или просто подарков и пожертвований. Если тебе что-то не нравится, не покупай, не обменивай, не принимай. Это твое право. Я его уважаю, без обид.

1. Не проси политика забрать у соседа то, что тебе самомустыдно просять. Полагайся на себя, на свои ресурсы и силу убеждения. Сделал хорошо – получай удовольствие. Сделал плохо – получай убытки или проходи процедуру банкротства. Твои ошибки могут вылезти и в потерю друзей и партнеров. Но не пеняй на соседа, коли сам ленив, неразборчив в связях, имеешь детей от трех браков и не можешь их нормально одеть и обучить, потому что предпочитаешь топить свое горе в алкоголе, а не воспитывать детей. Чаще смотришь в зеркало. Уважай себя, но не обвиняй соседа в том, что у тебя проблемы со здоровьем или возвращением кредита. Не обвиняй политиков в том, что ты не умеешь профессионально делать свою работу. Не поноси страну, когда в твоей собственной квартире бардак и грязь.

Политики и бюрократы приходят и уходят. Придет человек, который везде будет видеть свое отражение, но он будет служить не тебе, а другому соседу. Тому, который сильнее и больше дает. Ты же останешься у разбитого корыта. Вот тут-то тебя заставят жить по их правилам. Так стоит ли обращаться к политикам с просьбой решить проблемы, которые эффективнее, дешевле и надежнее решить без посредника в лице политика?

2. Даешь деньги – требуй отчет. Не имеет значения, о чем идет речь: о нескольких рублях на булочку сыну или о миллионах долларов, которые ты платишь в виде налогов государству. Ты должен конкретно знать, кто, на что и сколько потратил. При этом всегда сравнивай, а не дешевле ли было бы сделать ту же работу в другом месте, в том числе за границей. Не стесняйся приглашать профессиональных контролеров. Только они могут раскрыть хитрые схемы профессиональных жуликов. Суди политиков по результатам их работы. Хорошо сработал – переизбирая еще на один срок. Нарушил закон – за решетку.

3. Не торгуй совестью и принципами. Не обманывай ближнего своего, ибо всегда найдется другой ближний, который обманет тебя и возрадуется. На компромисс можно идти по мелочевке. Халявщик, прохиндей, преступник – это не только тот, кто постоянно продаётся, кто изо дня в день занимается мошенничеством. Украв, убив, изнасиловав, обманув партнера, клиента, покупателя, налогоплательщика даже один раз, ты получаешь это клеймо надолго. Пусть тебя и не застукали, но будь уверен, что найдется еще более изощренный комбинатор. Лучше играть по

одним правилам. Если собираешься с кем-то играть, уточни с самого начала, в какую игру вы будете играть и по каким правилам. ИграТЬ в шахматы доской, а не фигурами, опасно и бесперспективно. Всегда найдется тот, у кого кулаки больше и у кого доска крепче.

4. Суди, ибо засуженным будешь. Всегда умей отстаивать свою точку зрения. Хаму скажи, что он хам, вору – что он вор, мошеннику – что он мошенник. Молчание – это все, что нужно злу, чтобы править бал. Не бойся голосовать «против», даже если весь парламент, все избиратели голосуют «за». Не исключено, что это не ты, а весь мир сошел с ума. Если тебе есть что сказать – говори. Но не бейся лбом в стену, если тебе надо ее разрушить, – лучше найди пачку динамика.

Самозванным пастырям на госслужбе проще использовать молчаливое согласие покорного большинства. Имея свое мнение, не считай его единственным правильным. Умей слушать и других. Не жалей слабых и униженных. Лучше научи их, как стать сильными и обрести себя. Не давай бедняку рыбу – дай удочку, научи ловить рыбу и позволь торговать на общих условиях на мировом рынке.

5. Думай! Это же не больно! Всегда задавай вопрос «Почему?». У тебя нет сильных лап, больших крыльев, крепких клыков, зорких глаз, как у животных. Для выживания природа дала тебе мозг, дала тебе способность думать. Ты можешь и не думать. Никто тебя не заставляет. Не будешь думать – не получишь удовольствия ни в работе, ни в общении, ни в кино, ни даже в сексе. Природа наделила тебя разумом не для того, чтобы ты ограничивал свою жизнь проявлением животных инстинктов. Зачем нужна такая жизнь? Чем быстрее научишься думать, тем скорее обеспечишь себе успешную, счастливую жизнь.

Сначала научись думать в масштабах своего узкого круга общения, своей семьи и работы. Экспериментируй. Находи партнеров и друзей среди профессионалов, а не подхалимов. Профессионалам всегда есть что предложить в обмен на твои идеи, товары или услуги, на твою духовность или капитал. Цени и уважай профессионализм. Остерегайся «серости» и «болота». Принцип «моя хата с краю, ничего не знаю» – это убежище лентяев и трусов. «Серое большинство» способно только кланчить и проклинатъ. Рано или поздно оно клюет руку дающего, потому что ненавидит свою зависимость, но не может и не хочет стряхнуть свою лень, чтобы что-то изменить. Уважай традиции, но не вгоняй себя в комплексы по поводу их незыблности. Традиции и обычаи придумали люди, такие же, как ты, только сто или тысячу лет назад. Тогда они обладали иным объемом информации. Глупо слепо выполнять все то, что, возможно, было практически и разумно давным-давно. Не менее глупо тратить деньги налогоплательщиков на современных аристократов, поддерживая исторические институты прошлых веков.

6. Не прячься перед угрозами и вызовами реальной жизни. Проблемы есть у каждого человека. Не думай, что твои сложности уникальны. Во многих виноваты ты сам. Возможно, ты сам сделал неправильный выбор. Часто ты не контролировал ситуацию. Тебе надо точно разобраться в причинах и следствиях.

Важно быстро начать решать проблемы, а не притворяться, будто их нет. Собери силы, средства, волю, мобилизуй все ресурсы, составь план действий, если надо, сформируй команду – и вперед. Если что-то не получается, лучше спроси у

профессионала, а не пытайся самостоятельно изобретать велосипед. Пойми, в этой жизни трудно найти уникальную, только тебе присущую проблему. Где-то с кем-то подобное происходило. Умей учиться на уроках истории. Только не пей самогон, если хочешь избавиться от похмелья. Не ешь семь раз в день и перед сном, если хочешь похудеть. Помимо жестких причинно-следственных связей реального мира, твоего тела, существуют точно такие же объективные закономерности в поведении человека. Не пытайся изменить природу. Изучи ее и адаптируйся к ней. Попытки изобрести сейлки-молотилки с вертикальным взлетом или повернуть реки вспять у нас уже были. Закончились они плачевно. У тебя нет волшебной палочки, ковра-самолета и золотой рыбки. Поэтому не надейся на чудо, а рассчитывай на трезвый анализ ситуации и реально доступные ресурсы.

Никогда не недооценивай силу недумающего большинства и толпы. Но и не преуменьшай возможности и потенциал активного меньшинства. Самое малое меньшинство – это ты. Твоя инициатива, энергия, твои знания могут изменить не только ход твоей жизни. Ты можешь изменить ход истории. Такое было много раз. Такое будет в будущем. Ты можешь быть Гераклом, Эдисоном, матерью Терезой или Сахаровым. Ты можешь сделать себя сам.

7. Не проходи мимо чужого несчастья. Когда можешь помочь соседу – помоги. Не плой в его колодец, пригодится воды напиться. Отравленный колодец уже никому не послужит. Конфликт и война – это всегда разрушение, а не создание богатства. Государство – это, как правило, минус, а не плюс в семейном бюджете.

Далеко не все в этом мире имеет рыночную цену. Часто удовольствие от вида благородных стариков или детей может во сто крат превышать прибыль от очередной челночной поездки или удачной сделки. Однако прежде чем отдать, надо сначала заработать. Не хлебом единственным жив человек. Не спекулируй на благотворительности. Не заставляй прессу на каждом углу кричать, какой ты добрый. Не делай добрые дела только для личного PR и тщеславия. Просто возьми и помоги. Потому что это нужно тебе. Потому что такова твоя внутренняя потребность. Потому что завтра и ты будешь старым и немощным. Завтра и тебе может понадобиться помочь. Добрые дела, помочь людям – важная форма инвестиций в собственное будущее, в развитие своей личности. Я уверен, что люди по природе не сволочи. Люди – добрые, порядочные и отзывчивые, особенно если они живут в рамках естественного права, не испорченного нормотворчеством политиков.

Я, либерал, верю в человека. Я люблю людей. У меня есть все основания считать, что это взаимно. Однако я не позволю другому человеку садиться мне на шею и не сяду на шею другому, кем бы он ни был. Это либерально. Это перспективно. Это основа будущей цивилизации Просвещения и Прогресса.

2. О какой свободе идет речь

Мы ценим свободу. Мы боремся за нее. Многие люди погибли за нашу и вашу свободу. Свобода, как правило, открывает список самых важных ценностей для человека. Без свободы нет счастья. К ней стремятся подростки, протестуя против «диктата» родителей или школы. Ее не хватает предпринимателю, который вынуж-

ден платить высокие налоги. За нее продолжают бороться сотни миллионов людей во многих странах мира. В погоне за ней наркоманы стремятся освободиться от пут этого бренного мира. Создаются народные движения, общественные организации, пишутся трактаты и памфлеты, зажигательные песни и гимны, ставятся фильмы (одно «Храброе сердце» с М. Гибсоном чего стоит!) – все во имя свободы. Все для того, чтобы ее обрести или защитить.

Многие люди, говоря о свободе, имеют в виду совершенно разные вещи. Чтобы мы могли понимать друг друга, соглашаться или критиковать, важно прежде всего определиться с терминами. «Свобода» – это абстрактное понятие. Люди пытались определить его еще в 2400 г. до н. э., в Шумерском царстве. К этому периоду относится первое известное упоминание слова «свобода». Любопытно, что оно использовалось в контексте налоговой реформы в месопотамском городе Лагаш.

Желание и каприз – плохая основа для определения свободы

С тех пор появились сотни определений свободы. Условно их можно разбить на три группы. Типичным представителем первой является британский философ и математик, лауреат Нобелевской премии Берtrand Рассел. Суть его определения следующая: «Свобода – это способность достигать того, чего ты хочешь». Сразу скажу, что сторонник и любитель свободы по Расселу – это не то, что мы имеем в виду, говоря о либерализме и либералах.

Из данного определения следует целый ряд логических выводов. Главное в нем – «я хочу». И все. Если я хочу, но не могу, то, какие бы причины ни существовали, я не свободен. Каприз ребенка и его требование получить желанную игрушку, желание студента добиться нужную оценку, менеджера – запланированный объем прибыли или рабочего – «нормальную» зарплату – все эти желания должны быть удовлетворены. Иначе свободы нет. Люди несвободны. Мир несправедлив. Надо начинать борьбу за освобождение. А что если кому-то придет в голову черная мысль убить другого? Двоечник из средней школы вдруг захотел поступить в престижный университет. Рабочим в погоне за свободой показалось, что собственникам надо было бы по справедливости поделиться с ними акциями. И это еще не все.

Кому-то под воздействием постмодернистских фильмов или книг, наркотиков или алкоголя вдруг захочется походить по потолку или полетать. Отсутствие крыльев или наличие силы притяжения, как им видится, ограничивают их свободу. Многие могут подумать, что само состояние свободы получается не таким уж важным, если оно недостижимо. Зачем напрягаться? Другие все равно будут настаивать на большей свободе, какой ее видят Б. Рассел и его сторонники.

Исходя из этого, можно считать, что система, позволяющая каждому достигать того, чего он хочет, является хорошей, и наоборот. И здесь начинается самое интересное. А что если 80%, 60% или 50% плюс один голос граждан страны решат, что меньшинство нужно лишить имущества и загнать в казармы? Их большинство. Они желают обрести свободу путем реализации своего желания. Все вроде демократично – реализация желаний и власти большинства. На практике получается, что капризы и желания одних людей, сколько бы их ни было, превращаются в кошмар тота-

литарного государства. С другой стороны, если большинству запретить избивать меньшинство или национализировать имущество меньшинства (так оно проголосовало), то будет ли решение Конституционного суда нарушением свободы этого самого большинства?

Таким образом, следование определению Б. Рассела приводит к нарушению свободы человека в реальном мире. Нарушаются права других людей, права меньшинства. Б. Рассел подводит нас к мысли, что свобода – это не всегда хорошо. Достижение полной свободы невозможно. Ты хочешь походить по потолку, но не можешь? По Б. Расселу, твоя свобода ограничена, потому что существуют природные и физические ограничения. Данное определение значительно снижает ценность свободы. Оно превращает ее в относительное понятие. Ценность свободы резко падает. Либерал, ценивший свободу, не может принять определение Б. Рассела и всех тех, кто во главу угла ставит только желание человека и возможность его удовлетворения.

Экономический империализм

Вторая группа определений свободы ассоциируется с именем еще одного Нобелевского лауреата, Джорджа Стиглера. Он упростил сложные рассуждения и свел их к простой максиме: «Свобода – это богатство». Чем больше у тебя богатства, тем больше у тебя свободы действий. Каждый день человек сталкивается с большим количеством вещей, услуг или явлений, которые действительно имеют денежный эквивалент. Поэтому Дж. Стиглер предложил мерить свободу денежными единицами. Следуя такой логике, мы можем сказать, что самый богатый человек планеты американец Билл Гейтс в несколько миллиардов раз свободнее, чем пенсионер Иванов, рабочий Сидорович или учитель Петренко. Есть у тебя деньги и активы – ты свободен, нет – ты свободен, но по-другому, т. е. проваливай.

Недостатки такого подхода к определению свободы очевидны. Деньги и свобода – это абсолютно разные явления. Разве люди шли в бой за чек или счет в банке? Абсурдно было бы пытаться определить денежный эквивалент ценностей человека. Далеко не все в этом мире продаются и покупаются на рынке. Только «экономические империалисты» могут говорить о том, что совесть одного человека на 15% дешевле совести другого. Только люди, не понимающие природы человека, могут пытаться построить модель стоимости ценностей в зависимости от целого ряда переменных факторов.

За последние сто лет ВВП мира увеличился во много раз. Значит ли это, что на столько же увеличилась свобода? Существует ли в природе мультипликатор, показывающий взаимосвязь между ростом ВВП и свободой? Если следовать логике Дж. Стиглера, то получается, что если вы хотите проследить динамику свободы, то достаточно посмотреть, как менялись доходы населения. Каждый разговор о свободе следовало бы начинать с рассуждения о чистой экономике.

С таким подходом могут согласиться многие преподаватели экономики и сторонники эконометрического моделирования. Если принять определение Дж. Стиглера, то спрос на их услуги по определению уровня свободы резко возрастет. Защитники свободы в реальном мире не могут согласиться с таким подходом к определению одного из базовых понятий философии. Либерал в нашем понимании не приемлет экономического империализма.

Свобода – наше определение

Третья группа определений свободы ассоциируется с именем еще одного Нобелевского лауреата, австрийского экономиста Фридриха фон Хаека. Его определение является негативистским, т. е. автор определяет состояние, когда свободы нет. Здесь главное, установить, навязывает ли один человек свою волю другому. Твоя свобода нарушается, если твои действия определяются волей другого человека или института. Энциклопедия *Encarta* дает похожее по смыслу определение: «*Свобода – это право человека действовать по своему усмотрению*», т. е. по своей воле, а не по воле других.

Таким образом, мы не определяем, что такое свобода. Мы говорим, что не есть свобода. Если кто-то подходит к тебе с пистолетом и говорит: «Иди направо», ты едва ли сможешь идти налево. Свобода предполагает наличие ситуации, когда тебе не навязывается ничья воля. По логике определения Хаека, нет нарушения свободы, если закон запрещает большинству избивать меньшинство, если даже подавляющее большинство не может национализировать активы самого богатого бизнесмена или иностранного инвестора.

Свобода относится исключительно к отношениям между людьми. Говорить о свободе человека по отношению к природе бессмысленно. Для человека на необитаемом острове не возникает проблема свободы. Если на него упало дерево, он не жалуется на потерю свободы. Ему просто не повезло. Свобода относится к состоянию, когда интервенция извне возможна. Природа не может забрать у тебя свободу. Нарушением свободы является любая форма принуждения человека к выполнению действий, которые он по своей воле не выполнял бы. К ним относится, например, обязательная воинская служба. Сторонники государственного интервенционизма утверждают, что служба в армии – это важнейший общественный долг каждого гражданина. Если брать критерий важности, то можно найти массу аргументов в пользу того, что почтовая служба, уборка мусора или изготовление сапог также является важным общественным долгом. Каждый человек имеет свои приоритеты. Если мы берем критерий важности для определения перечня услуг, которые граждане должны оказывать государству бесплатно, т. е. инвестируя свое время и ресурсы без получения вознаграждения, но под угрозой штрафа или тюрьмы, то мы получаем ситуацию, когда политики и чиновники навязывают гражданам свою шкалу преференций и ценностей. Естественно, с учетом их личных интересов и за наши с вами деньги.

Практическое применение того или иного определения понятия «свобода» можно проследить в следующей ситуации. Кто-то стучится в дверь вашей квартиры. Вы открываете и видите на пороге некоего подозрительного типа. Он говорит, что ему негде переночевать. Ему показалось, что лучше всего это сделать в вашей квартире. Является ли ваш отказ впустить незнакомца к себе домой нарушением его свободы? По Б. Расселу, вы нарушили свободу незнакомца. Логика его определения такова, что частная собственность противоречит свободе.

На самом деле вопрос не в том, кто в конечном итоге будет спать в вашей квартире. Главное, определить, навязываете ли вы свою волю другому человеку. В данной ситуации вы действуете в рамках своей собственности. На ней вы принимаете

решения. Вы определяете правила игры. Нарушение свободы начинается тогда, когда правительство принимает закон, запрещающий вам, к примеру, оставлять у себя на ночь афроамериканца или иностранца без регистрации или справки. В этой ситуации имеет место навязывание вам чужой воли.

У вас нет права использовать чужую собственность вне рамок, которые определил сам собственник. При этом ваша свобода не нарушается. К примеру, вы не можете кричать «Пожар!» в переполненном кинотеатре, потому что в этом случае нарушили права собственности владельца данного заведения. Вы купили билет – заключили договор – на определенные условия использования собственности. Нарушение этих условий влечет за собой ответственность и возмещение возможных убытков. Если вы снимаете квартиру под жилье, вы не имеет права размещать в ней производство самогона или лекарств. Если хозяин квартиры запретит вам это делать и суд примет решение выплатить владельцу компенсацию, это совсем не значит, что ваша свобода будет нарушена.

Я полностью поддерживаю позицию Л. фон Мизеса: «Термин «свобода» может обрасти смысл только в рамках общественной системы»¹. Человек выбирает между различными способами действия. Либо он сам выбирает цели и средства для их достижения, либо ему кто-то их навязывает, т. е. заставляет действовать по чужой воле. При этом человек действует в реальном мире, который заставляет людей жить в определенной системе координат. Неотъемлемой частью свободы являются три группы объективно существующих ограничений.

Первая группа – законы природы. Законы притяжения и силы тока, скорость света, химические реакции и генетические взаимосвязи действуют вне зависимости от желаний человека. Глупый человек пытается игнорировать или отменить законы природы. Свободный человек изучает и подчиняется им.

Вторая группа – анатомические ограничения человека. Каждый из нас является уникальной биогенетической системой. Мы отличаемся по росту, весу, метаболизму, по интенсивности работы органов чувств и головного мозга. Один человек не может пробежать 100 метров за 10 секунд. Другому не дано прыгать, как Майкл Джордан. Редко кто сравнится с Пеле в умении играть в футбол. Один человек может простоять за станком шестнадцать часов, другому и шести будет слишком много. На этих разницах построен весь наш мир. Глупый человек считает такое состояние природы несправедливым и требует равенства, стараясь игнорировать анатомические особенности. Свободный человек внимательно изучает свой организм, выявляет его особенности, сильные и слабые стороны и в соответствии с данной информацией ставит свои жизненные цели и выбирает средства для их достижения.

Наконец, третья, но не менее важная группа ограничений связана с самой природой человеческой деятельности. Они называются праксеологическими². Нельзя одновременно достигнуть двух взаимоисключающих целей. Нельзя, к примеру, ставить цель быть здоровым и получать удовольствие от регулярного потребления героина. Нельзя рассчитывать на получение пользы от системы разделения труда и одновременно защищать внутренний рынок страны, возводя торговые и административные барьеры на пути движения денег, товаров и рабочей силы. Или ты выбираешь жизнь по закону, единому для всех, при строгом соблюдении прав собственности и получаешь мирное, благополучное общество вежливых людей. Или ты делаешь

ставку на национализацию, расширение функций государства, ценовое регулирование, административное перераспределение ресурсов госбанков в выбранные сектора экономики и получаешь тотальный контроль государства над человеком и обществом, дефицит товаров и инвестиций, утечку мозгов и капиталов, деградацию производства и падение уровня жизни.

Л. фон Мизес пишет: «*Для того чтобы установить и сохранить общественное сотрудничество и цивилизацию, необходим комплекс мер, препятствующих асоциальным индивидам делать то, что может разрушить все достигнутое человеком за период развития с неандертальского уровня. Чтобы сохранить положение дел, где индивид защищен от неограниченной тирании со стороны более здорового и крепкого собрата, необходим институт, который бы обуздал любого антиобщественного субъекта*»³. Таким образом, существование государства никак не исключает свободу человека. Государство как аппарат сдерживания и принуждения – это обязательный институт цивилизованной общественной системы.

Естественно, услуги этого института по защите граждан стоят денег. Поэтому сам факт наличия налогов также не означает конец свободы человека. Однако очень важно, чтобы государство не выходило за рамки своих изначальных функций, иначе налоги начинают служить эффективным инструментом постепенной ликвидации личной свободы человека. Говоря о свободе по отношению к функционированию государства, Л. фон Мизес считает, что свобода – это «*такое положение дел, при котором право свободного выбора индивидов не ограничивается государственным принуждением сильнее, чем в любом случае оно ограничивается практическими законами*»⁴.

В данной книге изложена точка зрения либерала, который разделяет определение свободы Л. Мизеса и Ф. Хаека. Мы используем слово «либерал» не так, как оно используется сегодня в политическом лексиконе США. Не так, как его используют во многих странах Европейского Союза. Здесь очень часто термин «либеральный» используется для описания государства с высокой налоговой нагрузкой, отношений к сексуальным меньшинствам, легализации наркотиков, ношения оружия или эвтаназии.

Либерал в моем понимании сильно отличается от того человека, которого так часто называют либералом российские или украинские СМИ, элиты и простые люди. Многие чиновники и политики в этих странах под флагом либерализма увеличивали размер государства, в условиях отсутствия открытой конкуренции перераспределяли государственные активы в собственность нескольких групп, нарушили права собственности и не выполняли обязательства государства перед гражданами. Если взять за основу определение свободы великих австрийских экономистов, то такое поведение ни при каких обстоятельствах нельзя назвать либеральным. Поэтому мы не принимаем на свой счет критику явлений, поступков и аргументов тех людей, которые либо используют философское наследие Б. Рассела, либо грубо спекулируют на естественном стремлении людей в Беларуси, России, на Украине и в других постсоциалистических странах к настоящей свободе.

3. Что не есть либерализм

Политики и чиновники, идеологи и пиарщики, в газетах и на телевидении часто спекулируют на чистом, светлом стремлении людей к свободе. Они подменяют само понятие «свобода». Либералами называют людей, ничего общего с этой идеологией не имеющими. Либеральными объявляются решения власти, которые ограничивают свободу человека. После полного поражения социализма, т. е. системы централизованного планирования, люди естественным образом обратились к либерализму. К той альтернативе, которая создала беспрецедентный в истории уровень благосостояния.

Для большинства людей все, что называлось Западом, едва ли не автоматически воспринималось как либеральное. Многочисленные западные эксперты, политики, в том числе советологи, подтверждали эти предположения жителей бывших социалистических стран. Они выступали в качестве носителей не только новой экономики, но и новой философии, новых ценностей. Пиетет перед всем иностранным (одежда, кино, продукты питания и напитки, автомобили, бытовая техника) легко трансформировался в некритическую акцептацию доминирующей (*mainstream*) философии и идеологии ведущих стран Запада, в первую очередь ЕС и США. Начался процесс механического копирования западных экономических институтов и систем. Находившиеся в глубоком кризисе советские партхозработники, встрепенулись, увидев в новой прозападной системе вполне комфортную нишу для себя.

Одним приглянулись одежды политиков в новых политических партиях, членов парламента или местных органов власти. Другие выбрали бизнес, в том числе создание с нуля финансового рынка. Третьи, умея обращаться оружием и орудовать кулаками, «приватизировали» монополию государства на применение силы для принуждения к исполнению формальных и неформальных контрактов. Четвертые, поняв бесперспективность преподавания марксизма и политэкономии социализма, быстро перепрофилировались в учителей маркетинга, экономикс, менеджмента или эконометрического моделирования. Не было проблем с трудоустройством и у партийных идеологов. Они начали активно развивать рынок PR-услуг, формировать новые СМИ. Часть из них превратились в экспертов по вопросам внешней политики и интеграции. Растворимость большинства руководителей советской системы быстро прошла. С подачи и при помощи западных экспертов они быстро сформировали спрос на свои услуги в новой системе. Для успешной «продажи» своих взглядов и обмана легковерных граждан новую политику и систему взглядов они назвали либеральными.

Цена этикеток «либерал» и «демократ»

Цена получения новых синекур была не такой уж высокой. Во-первых, надо было называть себя демократом и либералом. Советских руководителей столько лет учили произносить разные кодовые слова и клятвы, что они легко заменили одни «речевушки» другими, не особо утруждая себя изучением смысла. Еще никогда в истории мир не видел такого бурного рождения столь огромного числа «либералов». Любой порядок приватизации автоматически именовался либеральным. Ограничения торговли вводились во имя защиты внутренних «либеральных» производите-

лей. Высокие налоги, обширное государственное регулирование, сохранение монополий на рынке информации и образования – все это джентльменский набор реальных действий «демократов» и «либералов». На самом деле они заменили одну форму ручного управления другой, одни инструменты эксплуатации другими.

Во-вторых, надо было принять как данное стандартные государственные и общественные *mainstream*-институты Запада. Речь шла не только о демократии, принципе разделения властей, независимости судебной власти, свободы СМИ, но и о денежной политике, налоговой системе, регулировании бизнеса и администрировании огромных государственных активов. Вашингтонский консенсус «стабилизация – либерализация – институциональные изменения» стал основой системных реформ практически всех постсоциалистических стран. У полисимейкеров не было проблем с тем, чтобы согласиться с предлагаемой парадигмой реформ. Благо МВФ, Всемирный банк и другие международные организации без проблем выдавали под реализацию своих идей дешевые кредиты. И, что очень нравилось новоиспеченным «либералам», без требований проведения настоящих реформ. Из обломков советской системы они быстро воспроизвели институты перераспределения собственности, установления контроля над потоками и активами. Кулунарно, в одну калитку, дискриминируя «чужих».

Они декларировали либерализацию цен. Магазины, рынки наполнились товарами. За кадром осталась «либеральная» политика регулирования рентабельности, установления минимальных и максимальных цен, нормирования затрат и определения пределов роста цен в месяц.

Наконец, от людей, называвших себя либералами, ждали поддержки внешнеполитических, экономических, социальных и военных инициатив Запада. Делать это было нелегко, поскольку по многим позициям мнения ЕС и США сильно расходились. «Либералы» попали в клетку западных геополитиков: надо стать игроком большой шахматной игры, вступить в тот или иной союз, передать часть полномочий неким наднациональным органам. Желательно распрощаться с концепцией национального государства (*nation state*) во имя неких глобальных институтов: единая Европа, глобальная система безопасности или ассамблея во имя борьбы с бедностью. Под разными соусами правительствам новых постсоциалистических государств предлагали профинансировать или поддержать политически международные проекты по решению целого сонма глобальных проблем, озвученных из Женевы, Брюсселя, Вашингтона или Москвы. Такой расклад очень выгоден не только бывшим специалистам по «буржуазным» идеологиям, мидовцам и экспертам «геополитических шахмат», но и политикам национального уровня. Свои собственные провалы можно было списать на требования наднациональных органов. Достижения же неизменно приписывались партиям власти вне зависимости от реальных причинно-следственных связей.

Черный PR интервенционистов

После упорядоченной советской жизни без безработицы, инфляции, иностранной валюты, религии и секса новый, «либеральный» порядок был тяжелым шоком для большинства граждан России, Беларуси, Украины. В равной степени это относится к жителям стран Центральной и Восточной Европы. У обыкновенного чело-

века⁵ складывалось мнение, что высокоморальный, упорядоченный строй добропорядочных граждан вдруг рухнул. Его место заняли спекулянты, малиновые пиджаки и спортивные костюмы с бычьими шеями. Лживые министры и парламентарии, продажные судьи и милиционеры, наглые бюрократы и монополии – для многих людей новая жизнь ассоциировалась именно с ними. Кто был никем, тем и оставался. Кто был при власти, богател на глазах.

Деньги, прибыль, жажды наживы, по мнению ошелевших телезрителей, заменили моральные ценности якобы самой читающей страны мира (это был очевидный миф советских идеологов). На фоне съеденных гиперинфляцией рублевых накоплений целых поколений, растущей безработицы, кризиса производства реформы под флагом либерализма воспринимались как несправедливые и аморальные. Появление голого тела на экранах и в газетах, проституции на улицах, легализация сленга, вульгаризмов в СМИ и в повседневной жизни убедили обыкновенного человека в аморальности, безнравственности «либеральной» системы, которая пришла на смену социализму.

Не искушенным в теории людям, лишенным доступа к классическим работам последовательных либералов, было от чего прийти в смятение. Новая жизнь воспринималась через призму витрин магазинов, шикарных автомобилей, качественной бытовой техники и яркой масс-культуры Запада. Либеральная жизнь обеспечивала высокий уровень материального достатка. Потеря же духовности, нравственности, релятивизм ценностей воспринимался как необходимая цена якобы либерального порядка. Люди настолько устали от нищеты, очередей, жестокости и унижения тоталитарного государства, что были готовы пойти на предложенный обмен. Хотелось новой, красивой, благополучной жизни. Каждый знал, что философией и идеологией социализма являлся марксизм. Но где искать философскую основу нового либерального порядка, никто точно сказать не мог. Интервенционисты специально делали все для того, чтобы отвлечь людей от установления реальных причин провала социализма, чтобы спрогнозировать, как долго будет проходить процесс излечения от болезней прошлого и сколько он потребует ресурсов. Этот искусный маневр позволил им впоследствии назвать общественности «реального», с их точки зрения, виновника трудностей переходного периода – либерализм. Так нерожденный «ребенок» стал виновником всех проблем взрослого мира.

Либерализм и родимые пятна социализма

Либерализм обвиняют в инфляции, нестабильности курса национальной валюты, проблемах с выплатой зарплаты и пенсий. Он-де несет ответственность за высокую безработицу и банкротство предприятий. На самом деле причиной этих экономических явлений является все что угодно, только не либерализм. Начнем с инфляции, т. е. роста цен. Гиперинфляция начала 90-х – это результат бездумного, бесконтрольного печатания пустых фантиков, именуемых советскими рублями. В советской системе понятие «деньги» относилось совершенно к иному явлению, но не к деньгам, которыми пользовались рыночные страны. Цены не были результатом свободного, добровольного выбора потребителей, информационными индикаторами. Они были условными единицами. Печатали фантиков много, а тратить их было не на что. Автомобиль – только после десяти лет стояния в очереди. Квартиры

получали, а не покупали. Телевизоры, холодильники и другие предметы для дома были большим дефицитом.

Когда первые реформаторы разрешили людям пользоваться своими же деньгами, в оборот попало огромное количество фантиков, не обеспеченных товарами. Денежных фантиков много, товара мало – цены автоматически пошли вверх. Это аксиома экономики. Фантики печатали не реформаторы, а коммунисты. Дальше сохранять статус-кво было невозможно. Нефтелодлы проели. Дефицит товаров стал пугающим. Народ нечем было кормить, не во что одевать. Это был естественный конец системы централизованного планирования. Об этом убедительно и точно писал Л. фон Мизес в своей замечательной книге «Социализм». Таким образом, не либерализм похоронил сбережения сотен миллионов людей. Это интервенционисты разных мастей десятилетиями обманывали людей, платя за их тяжелый труд не реальными деньгами, а фантиками. В начале 90-х реформаторы раскрыли этот коммунистический денежный заговор. Нельзя обвинять почтальона в том, что он принес вам дурные вести. Реформаторы открыли людям глаза, сказали правду. Либерализм означает ответственность, выполнение обещаний, в том числе по обеспечению денег товарами. Либерализм и ограничения прав собственности несовместимы. Либерализм означает четкое выполнение договоров. В советской системе государство долго и жестко обманывало своих граждан. Оно стало причиной многих экономических болезней страны, но не предложило ни одного эффективного лекарства.

Либерализм и хроническая безработица несовместимы. Экономика свободного обмена между инвесторами, предпринимателями и потребителями никогда в истории мира не приводили к структурной безработице. Конечно, в любой стране всегда есть люди, которые по разным причинам не хотят работать. Через систему свободных цен инвесторы и предприниматели узнают, чего хотят потребители, каковы их предпочтения. Для удовлетворения их желаний они организуют свое производство: нанимают людей, привлекают деньги, закупают сырье, технологическое оборудование и т. д. Они производят не больше и не меньше того, что, с их точки зрения, захотят купить потребители. Иногда случаются ошибки. Тогда предприниматели несут убытки. Иногда случаются банкротства, закрытие предприятий. Люди временно остаются без работы. Это очередная аксиома экономики. На рынке постоянно есть спрос на руки и мозги, на товары и услуги. Что важно, не в одном и том же месте и не за одну и ту же цену. Спрос на рабочую силу – следствие спроса потребителей. Он часто меняется, поэтому человеку надо быть к этому готовым: постоянно развивать навыки и умения, инвестировать в образование, понимать нужды и желания других людей.

Безработица после раз渲ла советской системы, равно как и системы европейского образца, имеет совершенно иную природу. На протяжении десятилетий партизноменклатура приказывала предприятиям, что, за сколько, в каком объеме производить и кому продавать. Советское правительство отменило систему цен и лишило себя самой важной, ценнейшей информации о предпочтениях потребителей. Она заменила деньги фантиками. Сотрудники Госплана и Госснаба были наделены полномочиями планирования экономических решений сотен миллионов людей. Они открывали производства – по своему усмотрению. Они создавали рабочие

места – по своему усмотрению. Они готовили специалистов – под свой план. Делали это, подчеркиваю, десятилетиями.

За это время расстояние между реальными предпочтениями и спросом потребителей и мнением плановиков-«затейников» стало пропастью. Многотысячные заводы работали там, где на их продукцию не было спроса. Людям предлагали товары, за которые они не хотели платить или не на тех условиях, на которых они хотели покупать. Нет спроса – нет выручки, нет прибыли, нет развития производства. Пока были нефтедоллары и Железный занавес, пока работали концентрационные лагеря и психбольницы, пока люди получали информацию от советского телевидения и газеты «Правда», наконец, пока люди довольствовались минимальным набором продуктов питания и мирились с хроническим дефицитом, система как-то крутилась. Брали от тех, кто зарабатывал, давали тем, кто хронически проедал. Создавалось предприятие – вокруг него вырастал город. Людям внущили, что работа – это пожизненный дар от власти и партии. Ком инвестиционных и производственных ошибок нарастал до тех пор, пока удерживать его уже не было мочи.

Система трещала по швам. И треснула. Реформаторов-«врачей» позвали не для профилактики экономических болезней, а для реанимации тяжело больной экономики. Экономики, в которой десятки тысяч заводов и фабрик производили то, что никто не покупал. Они были в ненужном месте. Были неадекватны требованиям времени. Спасти систему таблетками было невозможно. Слишком запущенными были болезни. Потребовалось хирургическое вмешательство – появилась безработица. Не потому, что она стала следствием решений экономических субъектов в либеральной политической и экономической системе. Рабочие места, которые создавались пархозактивом, плановиками якобы ради страны и людей, оказались лишними. Это были грубые ошибки. Их десятилетиями не замечали, игнорировали симптомы болезни.

Новые рабочие места, которые требуют потребители, не создаются по мановению волшебной палочки. Нужны новые идеи, предприниматели, тщательный анализ рынка. Они не появляются по решению парламента или президента. Чем больше свободы на рынке, тем быстрее исчезает безработица. К сожалению, эту экономическую аксиому до сих пор не усвоили многие политики и экономисты. Они по-прежнему моделируют рынок труда и производство под свои вкусы и предпочтения. Они пытаются угадать рынок, т. е. решения миллионов потребителей. Они навязывают работодателям нормы поведения, ограничивают вход на рынок, подыгрывая национальным монополиям. В результате старые рабочие места разрушаются, а новые создаются очень медленно. Отсюда безработица. Это результат действий власти.

Либерализм – самое быстрое и дешевое решение этой сложнейшей проблемы. Это смелое, ответственное поведение в реальной жизни. Структурная безработица создавалась десятилетиями. Либералы не боги, чтобы решить ее одним махом, за год или даже за пять лет. Но за декаду, за 15 лет либеральная экономика справляется с безработицей, потому что она не мешает людям принимать собственные решения.

Абсурдны обвинения либерализма в резком ухудшении уровня жизни, в невыплате зарплаты и пенсий. Уровень жизни при социализме казался высоким разве что с точки зрения Садового кольца Москвы и столичных кабинетов высших партработников. Дефицит самых простых вещей для быта, личной гигиены, лекарств и книг в

Советском Союзе стал предметом анекдотов. Несмотря на грубые ошибки реформаторов, на жесткое дозирование либерализма, сегодня уровень жизни значительно выше, а число бедных меньше, чем было при социализме. Это видно не только по такому показателю, как ВВП на душу населения, но и по количеству вещей долгосрочного пользования в домашних хозяйствах, по числу автомобилей, туристических поездок за рубеж. Очень яркий индикатор преимущества даже сильно ограниченной либеральной модели – количество времени, которое необходимо отработать, чтобы купить базовые товары и услуги. Ни в одной стране либерализм не приводил к падению уровня жизни. Экономическая свобода неизменно генерирует богатство, более высокие социальные и экологические стандарты, т. е. устойчивое развитие страны и мировой экономики в целом.

Невыплата пенсий и зарплаты – типичный пример нарушения своих обязательств государством или работодателями. Чаще всего это происходило на государственных предприятиях. Присутствие такого явления говорит о наличии одного или нескольких факторов: 1) не работает судебная система, защищающая права наемного рабочего; 2) не работает процедура банкротства должников; 3) нет конкурентного рынка труда, на котором такое поведение немедленно наказывалось бы утечкой мозгов и квалифицированных рук; 4) в кризисном состоянии находится государственная пенсионная система; 5) не сбалансирована система государственных финансов в целом; 6) министры и руководители отраслевых концернов не несут ответственности за деятельность предприятий, они покрывают такое поведение директората, демонстрируя низкое качество корпоративного и административного управления.

В либеральной системе такого явления, как регулярные невыплаты зарплаты и пенсий, просто быть не может. Не потому, что там работают только ангелы и мотивированные общественным благом рыцари. Работодателям невыгодно не выполнять свои обязательства. Вся система стимулов построена таким образом, что им выгодно держать слово. Не из-за страха проверок со стороны контрольных органов, а по причине действия замечательного, социально ориентированного механизма – конкуренции. Этот механизм, если ему не мешает государство, неизменно награждает за творческий, упорный, производительный труд, наказывает за расхлябанность, лень и ошибки. В либеральной системе, если правительство задерживает выплату зарплат бюджетникам или пенсий, ему на смену приходит другое – таковы законы открытой политической конкуренции, которые действуют в настоящей либеральной системе. За нарушение своих обязательств перед рабочими бизнесмены наказываются сокращением прибыли или убытками. Политики несут наказание отстранением от должности или крушением политических структур. Так что наличие такого явления, как невыплата зарплаты или пенсий или падение реальной их стоимости (через инфляцию или девальвацию национально валюты), – яркий пример острого дефицита либерализма в стране. Не надо называть либерализмом то, чем он никогда не был. Не надо приписывать либерализму то, к чему он никогда не приводил.

Жизнь в либеральной стране – это не утопия, где все всем доступно, где гарантирована занятость на тех условиях и в том месте, где захочет каждый человек, где изобилие и безопасность приходят автоматически. Где нет жуликов, воров и нищих.

Где все фирмы ведут себя, как ангелы, и дисциплинированно платят налоги, не забывая давать деньги на благотворительность. Где предприятия по определению экологически сознательны, а люди не мусорят на улицах, привычно разделяя отходы на пять групп. Где все политики имеют безупречную репутацию, не тратят не по назначению бюджетные деньги и не пытаются вмешиваться в экономические процессы. Где все граждане высокоморальны и духовны, слушают классическую музыку, игнорируют фаст-фуд и занимаются физкультурой. Где нет места порнографии, наркотикам и азартным играм. Где люди читают Александра Пушкина, Тараса Шевченко, Якуба Коласа, а не бульварное чтиво. Либерализм – это не молочные реки и кисельные берега. Это не система, где по щучьему велению благородные чиновники передают просьбы достопочтенных граждан профессиональным, всегда трезвым сантехникам, а те всегда быстро чинят краны или унитазы. Иными словами, либерализм – это не утопия, не сказка, которую успешно «продали» для сотен миллионов на Земле марксисты и разного рода коллективисты. Они сознательно шли на обман, подменяя реальность мифами, человека – неким роботом-гуманоидом, науку – пропагандой.

Интервенционисты привычно подменяют понятия, называя либерализмом что угодно, только не то, что он есть на самом деле. Они атакуют созданный ими жупел, убеждая людей в бесчеловечности либерализма, в его жесткости, бездуховности, где человек человеку волк. На самом деле они говорят о несуществующей системе, о продукте своего больного воображения и изощренного на разные логические уловки ума.

В либеральной системе живут, работают, отыдахают такие же люди, как и мы с вами: все разные, со своими вкусами, ценностями, со своим представлением о добре и зле. Люди автоматически не становятся ангелами, после того как правительство начало приватизацию, снизило налоги и либерализовало цены. Никуда не деваются человеческие пороки, слабости и лень. В отличие от интервенционистской системы либерализм поощряет творческий труд, честность, умение держать свое слово и нести ответственность за свои поступки. Поощряет создателей ценностей, которые никуда не исчезают, не аккумулируются за высокими заборами элитных коттеджных поселков, а работают на все страну, на общество.

Либерализм и беззаконие

После раз渲ала Советского Союза люди столкнулись с глубоким кризисом правоохранительной системы. Милиция была бессильна перед наглыми бандитами и рэкетирами. Суды продавали приговоры, как будто торговали пончиками. Армия была деморализована и часто задавала себе вопрос о смысле своего бытия. Широкие сети спецслужб вдруг лишились явного врага и начали адаптироваться к небывалому уровню свободы. Люди узнали о конкуренции бандитских группировок, беспределе мафиозных структур, перевертышах в погонах. Люди на своей шкуре почувствовали, что никто не защищает их жизнь и имущество. Никто не гарантирует справедливое рассмотрение споров в судах. Некому предъявить счет за потерянные сбережения всей жизни. Нельзя спросить с государства, которое не выполняет взятых на себя обязательств.

Когда милиционеры, представители спецслужб, люди в погонах в целом не могли оказывать те услуги, на предоставление которых их наняло государство, они

самовольно начали поставлять их на рынок. Случилось страшное: в стране, где люди понятия не имели о сути прав собственности, где не было независимой судебной власти, а все активы формально принадлежали государству, началась бурная приватизация силовых функций государства (защита жизни и имущества, обеспечение порядка, принуждение к исполнению контрактов). Причем правила работы на рынке определялись каждой группировкой отдельно. Они прямо вытекали из закона джунглей: прав сильнейший. Так была открыта прямая дорога к правовому хаосу и беспределу, дорога в феодальное средневековье. Конкуренция появилась там, где по определению должна была быть исключительно монополия государства, – в сфере инициации применения силы и запуска механизмов принуждения во имя защиты жизни и имущества граждан. Собственно, для этого люди и создают государство, чтобы оно оказывало им данные услуги.

Силовые структуры советских республик, партхозноменклатура все поставили с ног на голову. Они воспользовались хаосом и неопределенностью и под шумок начали создавать организации и предпринимать действия, чтобы стать формальными или теневыми хозяевами самых прибыльных активов. Поскольку начатые реформы проводились под флагом демократии, рынка и либерализма, простые люди подумали, что творящееся беззаконие, правовой беспредел и есть либеральное общество, в котором прав тот, у кого больше прав. У кого мощнее охрана и современнее оружие. У кого все схвачено в органах власти. Кто при помощи своих связей может решить любой вопрос.

Подмена понятий была частью мощной *PR*-акции советской партхозноменклатуры, направленной на то, чтобы создать жупел, мишень для атак десятков недовольных, разочарованных и обманутых. Авторы акции пошли по привычному, много-кратно испытанному в истории пути – наполнению часто используемых слов совершенно иным содержанием. СМИ делали акцент не на реальных причинах творящегося беспредела. Продажа со страниц газет и экранов ТВ жареных фактов, сцены насилия, «чернуха» – все это эффективно отвлекало внимание людей от очевидной слабости государства. Перед нами шел процесс сползания в феодализм, а людям внушили, что это и есть истинное лицо либеральной демократии. На наших глазах люди в погонах становились частью криминального мира, а нам говорили об опасностях западной культуры. Мы были свидетелями тотального нарушения прав собственности и других фундаментальных прав человека, а нам внушали, что русский, белорусский или украинский менталитет не приемлет европейскую демократию и американский «чистый» рынок.

Аксиома либерализма – это безусловное соблюдение людьми законов и заключенных ими договоров. Либеральное общество – общество, построенное на силе добровольного договора. Человеку не навязывают рамки взаимоотношений с другими людьми, не устанавливают параметры межличностного обмена. Ни государство, ни церковь не решают за него, что для него наиболее ценно, эффективно, перспективно или опасно. Он сам решает, с кем дружить, к кому ходить в гости, как устраивать свое жилье или как учить своего ребенка. Он сам решает, по какой цене и на каких условиях вступать в отношения обмена с другими людьми. Он договаривается о цене, качестве, условиях платежа и поставки и т. д. В либеральном обществе он ждет от других точно такого же поведения. Если другой человек для осуществления

обмена вдруг решил применить не силу убеждения, а силу физического принуждения, угрозу или обман, тогда стороны конфликта обращаются в суд, к милиции, т. е. к государству. Они не нанимают рэкетиров для разборки. Они обращаются в правоохранительные органы.

В либеральной стране государство имеет исключительную монополию на инициацию применения силы по отношению к тем, кто не выполняет условия договора. Заметим, не государство само навязывает условия договора. Оно выступает судьей, арбитром. Аналогия с футболом здесь вполне уместна. Судья следит за выполнением правил игры. Он не представляет интересы одной из играющих команд. Не он установил правила. Команды добровольно согласились с тем, что именно он будет следить за исполнением игроками этих правил. При этом всегда остается возможность арбитража. В случае нарушения футбольистом правил следует применение судьей силы: желтая или красная карточка. При особо серьезных нарушениях может последовать дисквалификация.

С точки зрения взаимоотношений «игроки – судья» футбол прекрасно отражает суть взаимоотношений между гражданином и государством в либеральной системе. Если перевести на футбольный язык то, что происходило в России, Беларуси или на Украине после распада Советского Союза, то получится следующая картинка. В чемпионате одни команды выходили на поле в составе по пятнадцать человек, потому что могли подкупить или запугать судью и федерацию футбола. Игрокам другой команды в исключительных случаях (их количество и частота произвольно определялась судьей по договоренности с тренером и собственником команды) разрешалось играть руками и ставить подножки. Третьим иногда можно было применять допинг и опять же в особых случаях (ради интересов футбола и повышения его зрелищности и конкурентоспособности) считать один забитый гол за два или даже за три. В такой среде судьи, поняв силу корпоративного единства, также начали торговлю результатами матчей, возглавив при этом компании-тотализаторы. В случае возникновения споров отдельные команды могли использовать силу своих охранников или применять оружие.

У кого-нибудь повернется язык назвать такую игру футболом? Едва ли. На тех же основаниях мы не можем назвать либеральной систему, которая была в постсоциалистических странах в 90-х годах. В России, на Украине, тем более в Беларуси, ее нет до сих пор.

Либерализм и семья

Либерализм очень часто обвиняют в том, что он сконцентрирован исключительно на материальных благах, выгоде, прибыли и на деньгах. Духовность, нравственность, человеческие отношения либо полностью игнорируются в либеральном обществе, либо имеют второстепенное значение. Черные пиарщики интервенционистов делают особый акцент на том, что либералы антагонистичны по отношению к институту семьи. Им чужда любовь, настоящая дружба, сочувствие и сострадание. По их мнению, в обществе, где на вершине пьедестала находится доллар, евро или рубль, нет места настоящим семейным ценностям. Здесь браки заключаются исключительно по расчету материальных активов, но никак не по любви и взаимному уважению. Общество интенсивно зомбировали такими клише, как «либералы – это оди-

ночки, гомосексуалисты или лесбиянки, они противники традиционной семьи», «за возможность получения прибыли либерал продаст мать родную», «либералы поддерживают распутство, разврат и привычно покупают «любовь» на рынке».

На протяжении более двух веков интервенционисты специально пытаются очернить либерализм именно с позиции семейных ценностей, нравственности и морали. Они спекулируют на чувствах людей, потому что фактов у них нет. Они отчаялись показать преимущества интервенционистской системы с точки зрения социальных и экономических показателей, потому что все цифры однозначно показывают социальные, экономические и экологические преимущества либеральных систем. Поэтому черные пиарщики направили свои уколовы на тему семьи, морали и нравственности. При этом они полностью игнорируют как работы классиков либеральной мысли, так и логику самой либеральной теории. Естественно, они умалчивают о том, каким семьянином был тот же К. Маркс или Дж. Кейнс, как вели себя по отношению к своим друзьям и семьям Л. фон Мизес или Ф. фон Хаек.

Тезис о том, что либерализм выступает против семьи, очевидно абсурден. Он лжив и не подтвержден высказываниями людей, которые считаются теоретиками либерализма. Интервенционисты не говорят правды о классиках либерализма. Они описывают Адама Смита едва ли не как вульгарного экономиста, который предлагал все отдать на откуп невидимой руке рынка и которого заботило только богатство народов. Редкий человек, не занимающийся экономической историей, знает, что задолго до публикации своей знаменитой книги «Исследование природы и причин богатства народов» в 1776 г. Адам Смит, будучи главой кафедры моральной философии в университете Глазго, опубликовал замечательный труд «Теория моральных чувств». В ней он пишет: *«Человек идеальной добродетели... – это тот, кто совмещает полный контроль своих природных и эгоистических чувств с тонкой чувствительностью по отношению к природным чувствам других»*⁶. Для А. Смита этика является естественной юриспруденцией, из которой вытекает экономическая теория. Шотландский философ подробно описывает добродетель, которая, по его мнению, состоит из предусмотрительности, доброжелательности, справедливости и самообладания. Он пишет о важности семьи, местного сообщества, хороших взаимоотношений с людьми как тех институтов, где лучше всего реализуется добродетель. Более чем через 150 лет великий либеральный экономист Л. фон Мизес пишет: *«Брак представляется морально оправданным, когда он заключается по любви: заключенный без любви брак представляется неприличным»*⁷. Он твердо выступает в поддержку традиционной семьи, приводит много примеров того, как социалисты разлагают этот институт и проповедуют разврат. Обратимся к мнению Вильгельма Репке, еще одного известного экономиста-либерала. В своей книге «Человеческая экономика» он так описывает либеральную систему, в то время еще называемую буржуазной: *«Это индивидуальный успех и ответственность, абсолютные нормы и ценности, независимость, основанная на собственности, благородумие и смелость, расчет и сбережение, ответственность за планирование своей жизни, адекватные связи с сообществом, семейное чувство, чувство традиций и смена поколений, сопряженная с открытым взглядом на настоящее и будущее, характерным напряжением между человеком и обществом, жесткие моральные принципы, уважение к ценности денег, смелость брать свою жизнь в свои руки и справляться с ее неизвестными поворотами, чувство естественного уклада и твердая искана цен-*

ностей». В работах известных либеральных экономистов и философов можно найти много аналогичных высказываний. А вот призывов к разрушению семьи, к игнорированию морали во имя получения прибыли там точно нет.

Либерализм и права человека

Либерал выступает за естественное право человека на жизнь и собственность. Он сам выбирает сферу деятельности, способ и средства достижения целей. Он сам решает, счастлив ли он в результате своего выбора. Только он несет ответственность за этот выбор. При этом он ожидает такого же отношения к себе со стороны других людей. Либерал уверен, что без разрешения нельзя вторгаться в личное пространство другого человека, нельзя нарушать его *privacy*. Все взаимоотношения между двумя людьми должны быть добровольными и взаимовыгодными с позиции каждого из участников договора. Неважно, идет ли речь о сделке на \$10 млн., о взятой на какое-то время книге или проведении вечеринки в общежитии. Отношения складываются в рамках частной собственности и личного пространства каждого человека. Ни у кого нет права нарушать права другого человека. Поэтому четкое определение границ собственности, где строго соблюдаются права человека, либерал считает основой общества.

У тебя есть право высказать свою точку зрения, но без согласия собственника ты не имеешь права требовать разместить свою статью в его газете. Надо договариваться, находить взаимовыгодные условия. Оттого, что ты не имеешь права кричать «Пожар!» в переполненном кинотеатре, свобода слова не страдает.

Сложнее обстоят дела в тех случаях, когда права собственности не определены, когда речь идет о взаимоотношениях не в рамках квартиры или дома, а на улице, площади, в любом другом общем для всех людей месте. Далеко не все нюансы взаимоотношений между людьми прописаны в законах. Поэтому либерал считает важным сохранение и поддержку традиций добрососедства. Быть вежливым, дружелюбным, действовать по принципу «не делай другому того, чего бы ты не хотел, чтобы он сделал с тобой» – так создается цивилизованное, либеральное общество. Не за год или пять, а в течение десятилетий. Не хамить, не сорить, не ругаться в общественных местах и не требовать себе особых прав – по таким принципам живет последовательный либерал. При этом в рамках своей собственности ты вправе сам определять правила жизни.

Особый разговор – права человека на труд, образование, здравоохранение, отдых и другие блага или товары. Либерал придерживается простого правила: «Возьми, что хочешь. Только заплати за это». Человеку дается жизнь, но выживать он должен сам. В детстве ему помогают родители, родственники и друзья. Он взрослеет, готовится к самостоятельному выживанию в мире. Ни в звездах, ни в священных книгах не написано, что человеку на блюдечке с золотой каемочкой предоставляется высокооплачиваемый труд, качественное образование или полноценный отдых. Либерал против аристократии, каст, неких групповых интересов, которые должны удовлетворяться за счет других.

Хочешь быть зажиточным, иметь высокооплачиваемую работу, диплом престижного вуза – научись адекватно соединять существующие факторы производства. Научись правильно инвестировать свое время, внимание и сбережения.

Пойми, за что готовы платить другие люди, что им больше всего нужно, и научись производить эти товары и услуги. Если выбор твой правильный, будет у тебя и работа, и образование, и здоровье. Если же ты требуешь неких прав, но счет за их предоставление пересылаешь соседу, то будь готов к тому, что другие могут оказаться сильнее и наглее. В результате ты сам будешь платить за других.

Успех в жизни никому не гарантирован. Ни у кого нет долга обеспечить удовлетворение и удовольствие другого человека. Как показывает история, все попытки построить общество, основанное на метафизической халяве, заканчиваются плачевно. По щучьему велению вход в пещеру сокровищ не открывается. Скатерть-самобранка, ковер-самолет, золотая рыбка – это только в сказках можно получить все и сразу, бесплатно и без усилий. Мечтать, конечно, можно, но жить-то надо в реальном мире. В нем бесплатный товар или услуга для одного – это обуза, ярмо для другого. А между ними привычно и вполне прилично живут бюрократы. Чем большее количество прав себе за счет других мы требуем, тем больше появляется бюрократов, тем благополучнее их жизнь, тем в большую зависимость от этой касты мы попадаем. Либерал против каст вне зависимости от принципа, на котором они формируются. Нелиберально дискриминировать на законодательном уровне людей по принципу принадлежности к той или иной религии, расе, национальности, профессии или по уровню дохода. Поэтому в либеральной стране законы, которые создавали бы привилегии или наделяли бы отдельные группы особым статусом, быть не может. К числу таких нормативных актов относится прогressive налогобложение, предоставление отдельным предприятиям или секторам налоговых льгот, субсидий и дотаций, дискриминация иностранных товаров высокими таможенными пошлинами, запрет на оказание определенных услуг без получения разрешения от государства и т. д.

Хотите права человека на достойный труд? Не вопрос. Запретим работодателям увольнять рабочих, в каком бы состоянии ни было предприятие. Обяжем хозяина платить, скажем, не меньше \$200 в месяц. Введем налоги на фонд заработной платы под 40% – чтобы создать страховой фонд на случай безработицы и для оплаты пенсий. Запретим работать в выходные и больше 8 часов в день. Обяжем хозяина оплачивать больничные и отпускные. Чего добьемся? Огромной власти для бюрократов. Безработицы. Бегства капиталов и развития «серой» занятости. «Не требуй от другого через государство того, чего он не согласен добровольно предоставить тебе напрямую» – это либеральный принцип.

Настаиваете на реализации права на качественную бесплатную медицину? Чиновники и политики всегда будут готовы помочь. Назначат цены на лекарства. Зафиксируют уровень оплаты труда врача и медперсонала. Обяжут производителей выпускать определенный ассортимент. Ограничят конкуренцию со стороны иностранных производителей. Создадут очереди. Введут систему талонов, потому что на всех сразу бесплатно не наберешься. Запретят частную врачебную практику или обложат ее высокими налогами. Задушат проверками и разрешениями. Что мы получим на выходе? Обыкновенные люди будут томиться в очередях в общеплановых поликлиниках. Дефицит лекарств. Отсутствие инвестиций в фармацевтику, производство медицинского оборудования. Коррупция среди медработников. Рост количества медицинских ошибок, грубость по отношению к пациентам и падение пре-

стижа профессии врача. Лучшие и одновременно бесплатные услуги – «слугам» народа (политикам, номенклатуре, госслужащим). Потребовали право на качественное здравоохранение, но не уточнили, кому именно. Выделили деньги в бюджете на государственную медицину, но забыли обязать чиновников отчитаться публично, как эти ресурсы были израсходованы. Таким образом, навязанное право становится источником бесправия и эксплуатации. Аналогичная ситуация складывается в сфере образования и других секторах, где производятся так называемые общественные блага. Либерал уверен, что в обществе всегда найдется частный производитель любой услуги или товара, пользующихся реальным спросом людей. Монополия на любое производство – это нелиберально. Либерально договариваться и выполнять обещания, а не «кидать». Либерально убеждать, а не принуждать. Законодательно оформленное право на достойный труд, современное образование или качественное здравоохранение – это принуждение. Это насилие над теми, кто в конечном итоге платит за предоставление этих прав другим. За создание коммунизма, т. е. островка бесплатных благ, для политической и экономической элиты.

Либерализм и провалы рынка

Интервенционисты разных мастей сходятся на том, что либерализм в экономике порождает так называемые провалы рынка. Их наличие и предопределяет существование государства и его-де важную роль для процветания человека и общества. Теория провалов рынка неверна. Ее можно было бы оставить в покое, если бы полисимейкеры не использовали ее для оправдания государственного вмешательства в экономику и жизнь человека. Многие отрицают либерализм потому, что он порождает экологические проблемы, не может создать эффективную систему защиты прав граждан, обеспечить минимальные социальные стандарты, устойчивое экономическое развитие. Антилибералы утверждают, что без государственного контроля либеральная экономика не производит достаточного количества важных товаров, не дает потребителю достаточной информации для осуществления правильного выбора.

Концепция провалов рынка – теоретическая и идеологическая фальшивка. Это не либерализм проваливается. Это противники либерализма требуют от него выполнения абсолютно нереальных задач. Люди действуют в реальном мире, а не в среде, где нет транзакционных издержек, где вся информация одновременно доступна всем, где производство не имеет отходов. Либеральная экономика – это отношения не автоматических роботов, а живых людей. Она дает лучший из всех возможных результатов в реальном мире, а не в мире идеальных конструкций. Либеральная экономика не порождает провалов. Само понятие «провал» – это смешение сказки с реальностью. Это попытка представить людей в виде частей большого уравнения благосостояния. Очевидно, что такой подход для науки неприемлем. Наука должна описывать исключительно факты и взаимозависимости реального мира.

В конце XIX века британский экономист Артур Пигу пытался подсчитать общую полезность общества. Перепутав математику с экономикой, он начал выдавать рекомендации для политиков. Он призывал нейтрализовать негативные экстерналии налогами, а позитивные экстерналии – субсидиями. Ни А. Пигу, ни его многочисленные сторонники не приняли во внимание издержки, вытекающие из вмешательства государства в экономику. Они оставили их за кадром общего анализа. Полу-

чилось, что рынок – это плохо, а государство – хорошо. К несчастью для мировой экономики, это опасное заблуждение стало основой экономической политики большинства стран мира. Как часто бывает, социальное и экономическое зло творил один (государство), а все шишки летели в другого (либеральный рынок). Убедительные доказательства тех людей, которые назвали вещи своими именами (представители австрийской школы, школы общественного выбора), до сих игнорируются как правительствами стран Запада, так и переходных экономик. Отсюда и все беды с неспособностью четко сформулировать задачи экономической политики, определить функции государства и защитить человека от всесильного, никому не подконтрольного бюрократа.

Не принимая критически выводы А. Пигу и его товарищей по *welfare economics*, в общественные блага быстро включили здравоохранение, программы помоши различным социальным группам, образование, дороги, научно-исследовательскую деятельность, внутреннюю и внешнюю безопасность и охрану окружающей среды. По мере социализации экономики количество общественных благ росло. Советский тип экономики представлял собой доведенную до логического конца теорию экстерналий. И все в рамках борьбы с несуществующим врагом, т. е. либерализмом. Дошло до абсурда. Автор популярных учебников «Экономикс» П. Самуэльсон доказывал необходимость государственного интервенционизма и реализации концепции общественных благ, приводя в пример работу маяков в морских портах. Мол, они должны быть государственными, т. к. частный бизнес не находит данный вид оказания услуг прибыльным. Он грубо проигнорировал тот факт, что в XIX веке на побережье Англии маяки были частными.

Как убедительно доказал Р. Коуз, лучший способ решения проблемы так называемых экстерналий – четкое определение индивидуальных прав собственности. Проблема очистки озера или реки становится проблемой фрирайдерства, если у озера нет владельца. В этом случае собственник может взимать плату с различных пользователей его собственности. Во многих странах мира тысячи озер, сотни тысяч гектаров лесов находятся в частной собственности. Через институт прав собственности можно решить и проблему использования земли, редких видов животных и растений. В отдельных африканских странах (Зимбабве, Малави, Намибии, Ботсване) количество слонов растет, потому что там разрешено их коммерческое разведение. Так, в Зимбабве популяция слонов выросла с 30 тыс. в 1979 г. до 70 тыс. к концу 90-х гг. В странах же, которые запрещают охоту на слонов, количество этих животных резко уменьшилось. Когда Кения ввела запрет на охоту на слонов, их было 140 тыс. (1970). К концу 90-х их осталось всего 16 тыс.

Провал централизованной плановой системы (социализма), в которой все решения принимались структурой или человеком (президент, Генеральный секретарь, Политборо, Госплан или Госснаб), убедительно доказал правильность теоретических гипотез, выдвинутых представителями австрийской школы экономики. Экономический расчет в социализме невозможен, потому что для акторов рынка цена перестает нести необходимую информацию о предпочтениях потребителей. Механизм «прибыль – убытки» не работает. Функция предпринимателя, которая заключается в поиске и использовании преимуществ обнаружения рыночной информации первым, заблокирована. Механизмы компенсации убытков не связаны с теми, кто эти убытки получил. Потребитель отстранен от управления экономикой в том плане,

что его решения не являются определяющими для собственников факторов производства и предпринимателей в плане размещения ресурсов и максимизации прибыли. Само слово «плановая» неадекватно отражает процессы, происходящие в социалистической экономике. Слово «план» относится не к корпоративному уровню, а к подавляющему большинству видов экономической деятельности, которые в принципе нельзя планировать, если мы сохраняем приверженность принципам свободы выбора, ценностям жизни и собственности.

Попытки добиться эффективного централизованного планирования закончились экономическим хаосом. Переходные экономики столкнулись с целым рядом серьезных проблем. Не либералы породили их, а как раз те, кто на протяжении десятилетий предпринимал попытки максимизировать общую полезность общества. Среди этих проблем отметим следующие: 1) сильные структурные искажения, когда бизнес-циклы различных групп товаров были искусственно, через административные механизмы централизованного планирования сведены в одном месте; 2) серьезные последствия для окружающей среды в виде сильного загрязнения воды, воздуха, земли и леса; ученые на цифрах и фактах убедительно доказали, что вне системы частной собственности загрязнение окружающей среды гораздо сильнее; 3) разрушение неформальных институтов, которые служат своеобразной стабилизационной подушкой во время системных кризисов или временных рецессий; 4) искажение информации, на основании которой экономический субъект принимает все решения (производственные, инвестиционные, потребительские); 5) монополизация большого количества секторов экономики с вытекающими негативными последствиями для потребителя (высокие цены, низкое качество, дефицит, резко ограниченный ассортимент) и для бюджета (хроническая дотационность производства, резкое завышение издержек, коррупция и разрушение производства посредством перекачки государственных ресурсов в личные проекты администраторов); во всех этих негативных явлениях виноват не либерализм, а попытки теоретиков и практиков подменить механизм свободного выбора человека в рамках своих активов и ресурсов выбором чиновников и политиков, которые без зазрения совести и ответственности навязывали людям свою концепцию общественного блага и справедливости; особо отметим вредоносность установления монополии на профессию врача и учителя – из производителя важных услуг государство превратило представителей этих специальностей в своеобразных идеологических солдат, правда, без военной формы; 6) строгая иерархизация (кастизация) всего общества, в котором имущественное неравенство проявляется гораздо ярче, чем в капиталистическом обществе. Доступ к товарам и услугам обеспечивается не способностью экономического субъекта производить товары и услуги, убеждать потребителя купить их, а способностью служить чиновнику, быть политически корректным и устанавливать выгодные отношения с монополями.

Напомним, что недовольные либерализмом политики придумали социализм и другие формы интервенционизма, чтобы исправить так называемые провалы рынка. В результате реализации их теорий и предложений созданные государственной интервенцией экстерналии имеют гораздо более негативные последствия для социально-экономического развития, чем либерально функционирующий рынок. Уровень материального обеспечения, качество системы образования и здравоохранения, социальные стандарты в либеральных странах гораздо выше, чем в интервенционистских государствах.

4. Острый дефицит либерализма в постсоциалистических странах. Миф о поражении интервенционизма

В начале 90-х гг. западные политики и эксперты в один голос экзальтированно заявляли о полной и безоговорочной победе капитализма. Коммунизм поспешили похоронить, Либералы торжествовали. Что бы ни принимали правительства, все сразу же получало определение «либеральный». Грохот разваливающейся коммунистической системы, экзальтация от демократии и свободы слова затмили способность критически анализировать все возможные варианты реформ. К тому же, молодые реформаторы в переходных странах не обладали достаточными знаниями и опытом для того, чтобы оценить все последствия внедрения рекомендуемых Западом моделей.

После шестнадцати лет трансформаций мы можем уверенно сказать, что за редким исключением переход бывших социалистических стран к либеральной экономике так и не завершился. Чехия, Польша, Венгрия, не говоря уже о России, Украине или Беларуси, застяли между планом и рынком. Кто-то прошел половину пути, кто-то четверть. Беларусь вообще застяла на старте. Интервенционизм государства по-прежнему сильно проявляется на рынке денег, товаров и услуг, на рынке рабочей силы. Ключевые сектора экономики, деньги до сих пор сильно политизированы. Выбор человека сильно ограничен. Государство живет по правилам, которые сильно отличаются от правил частного рынка. Социализм не проиграл. Он лишь переоделся в более приличные европейские одежды. Он, как хамелеон, мимикировал к существующему идеологическому и экономическому *mainstream*. Главные игроки остались при своем. Партиапарат, красный директорат и министерские работники, профсоюзы и комсомол – менеджеры советской системы – быстро адаптировали предложенные матрицы проведения реформ для личного обогащения. Чтобы не было подозрений, по крайней мере на первом этапе, все в один голос заявляли о построении либеральной демократии.

Конечно, созданная система гарантирует гораздо больше свобод человеку. Но язык не поворачивается называть доминирующую модель либеральной. Все переходные страны сохранили, пожалуй, самую вредную из всех монополий – монополию на рынке денег. За редким исключением государственные финансы разбалансированы. Растиут внешние долги. Деловой климат отличается чрезмерной зарегулированностью. Бюрократия живет, как у Христа за пазухой, а малый бизнес, предприниматели до сих пор борются за право стать равным партнером с государством. «Серая» экономика в бывших странах СССР составляет около половины ВВП. Динамику этих показателей можно проследить в таблицах данного раздела. Известие о кончине социализма оказалось газетной и телевизионной уткой. Попробуем это доказать, делая акцент на самом главном экономическом институте любой страны – деньгах.

Экономическое и социальное банкротство системы централизованного планирования застало врасплох ведущие политические и экономические научно-исследовательские центры и университеты. В конце 80-х гг. никто и не думал о том, чтобы теоретически обосновать и описать основанную на объективной экономической теории, адекватную имевшимся ресурсам, в том числе человеческим, качеству имевшихся в социалистических странах институтов парадигму системных трансформа-

ций. Никто толком не знал, как переходить от стопроцентного социалистического плана к свободному рынку. Неясным был не только механизм перехода, но и сама целевая модель.

Поспешной и лишь схематической была попытка описать программу перехода от плана к рынку в рамках так называемого Вашингтонского консенсуса, который на самом деле был лишь консенсусом политиков и экономистов доминирующего экономического течения (*mainstream*). Неокейсианский, неомарксистский синтез, основанный на агрегатных подходах к экономическому анализу, делает акцент на состоянии равновесия, на экономической политике широкого государственного интервенционизма. Он не мог стать адекватной теоретической базой для выработки парадигмы построения экономики свободного рынка в постсоциалистической среде. Политики и экономисты постсоциалистических стран хотели построить у себя либеральные экономики. Однако Запад не смог предоставить им схемы, механизмы перехода, которые бы последовательно были таковыми.

Ошибочный выбор теории и методологии анализа – рост издержек системных реформ

Главной ошибкой полисимейкеров начала 90-х было полное игнорирование основных выводов теории человеческой деятельности, наилучшим способом показанной в работах представителей австрийской школы экономики. Из экономического анализа был исключен человек. За рамками анализа остались основные практические закономерности человеческой деятельности⁸. Сконцентрировав внимание на агрегатных показателях, эксперты проигнорировали *homo agens*, человека действующего, самостоятельно принимающего решения. Они не учитывали, что у каждого из нас свое уникальное ценностное и информационное поле. Теоретики экономического *mainstream* и полисимейкеры превратили экономику в своеобразные шахматы, в набор символов из высшей математики, которые логичны сами по себе, но весьма отдалены от реальной жизни.

Советники Запада и их партнеры из переходных стран проигнорировали фундаментальные проблемы централизованной плановой экономики и причины ее провала, еще в начале XX века подробно описанные Л. фон Мизесом⁹. Напомним их: 1) экономический расчет возможен только в частной рыночной экономике; 2) неразрешимой проблемой социализма является проблема убытков, а не распределения прибыли; 3) единственным надежным «мотором» экономического роста является предприниматель, действующий в свободной от государственного интервенционизма среде.

Международные финансовые институты и организации (МВФ, Всемирный банк, ОЭСР и т. д.) предложили правительствам переходных стран систему национальных счетов, теоретические и статистические инструменты (ВВП, ИПЦ, агрегатный спрос и предложение, меры фискальной и монетарной политики и др.). С их помощью должно было происходить моделирование и точная настройка (*fine tuning*) бизнес-циклов. Никто не обратил внимания на истинную природу бизнес-циклов¹⁰, на их монетарную природу. Попытки макроэкономического моделирования в обход концепции «радикального невежества» (*radical ignorance*¹¹) привели к чрезвычайно негативным последствиям для транзитивных стран.

Хронический дефицит бюджета, высокая инфляция и дефляция, олигополизированный банковско-финансовый сектор, растущий внешний и внутренний долг, кризис пенсионной системы, высокая безработица и закрытые от конкуренции так называемые естественные монополии – это далеко не полный перечень негативных эксперналий государственного интервенционизма. При сохранении этикетки «либеральный» правительства проводили ярко выраженную интервенционистскую политику.

Целый букет негативных явлений, которые возникли после начала реформ, стал результатом игнорирования сделанных чуть ли не век назад выводов экономической теории. Объективную науку подменили набором политэкономических теорем. Вместо методологического субъективизма и логического описания рыночного процесса политикам представили чрезвычайно сложные эконометрические модели. С помощью их можно было установить взаимосвязь между температурой воздуха и ростом ВВП, но не между уровнем государственного интервенционизма и желанием человека раскрывать свой творческий потенциал. И, что самое опасное, вместо полноценной теории денег, возвращения к выводам классического труда Л. фон Мизеса «Теория денег и кредита»¹², дисижнмейкерам с их устойчивыми привычками бюрократов и администраторов предложили денежную теорию «условных единиц».

Это выражение требует пояснения для людей, которые не имеют опыта проживания в странах бывшего Советского Союза. Тем более что уместны некоторые аналогии с современными западными экономиками. В магазинах или на рынках в постсоциалистических странах нельзя было указывать цены в долларах США. Находчивые продавцы, защищаясь от конфискации части дохода через инфляцию, нашли выход и вместо *USD* указывали цены в «у. е.» – условных единицах. Но покупатели по умолчанию понимали, что речь идет о валюте, которая имеет долгую и вызывающую доверие историю, – американском долларе. На самом деле именно национальные валюты переходных стран по праву должны были называться условными единицами, а американский доллар или немецкая марка выполняли как раз роль настоящих денег. По крайней мере, они были гораздо ближе к изначальному значению этого феномена.

Практически никто в переходных экономиках не понял, что и американский доллар, и евро, и британский фунт – это уже условные единицы, которые, в свою очередь, не имеют ничего общего с теми деньгами, которые изначально получили названия от мер весов. Отделив деньги от их сути, большинство *mainstream*-экономистов совершили самую настоящую антиэкономическую революцию. В первой половине XX века ее возглавил лорд Кейнс, а во второй – ненаучные выводы патрона распространяли по всему миру его ученик П. Самуэльсон при поддержке сторонников эконометрики и *development economics*.

В начале 90-х гг. переходные экономики срочно нуждались в замене К. Маркса в стремительно набирающих популярность экономических вузах. Различные версии переводных американских «Экономикс», в том числе переписанные и творчески переработанные новоиспеченными постсоветскими профессорами учебники по микро- и макроэкономике, стали на бюджетные деньги самым популярным дидактическим субститутом. Академический и

университетский уровень, т. е. профессора, доктора и кандидаты экономических наук, чаще всего без знания иностранных языков, оказался во многом в положении студентов первого курса. Надо было самостоятельно критически переосмысливать «критику буржуазных экономических теорий» и отказаться не от деталей, а от основ политэкономии социализма и коммунизма. Переход на кейнсианские рельсы, увлечение эконометрикой и математическим моделированием экономического развития, акцент на активное использование инструментов монетарной и фискальной политики, на активную промышленную политику и импортозамещение стал естественным выбором подавляющего большинства экономистов марксистской школы. Их выбор был в большинстве своем поддержан как экспертами МВФ, Всемирного банка сотоварищи, так и политиками. Последним нравилась роль активных регулировщиков экономической системы. Им льстила якобы имеющаяся у них в руках власть нейтралитаторов рецессий и так называемых негативных экстерналий свободного рынка. Они видели в себе модельеров национальных систем устойчивого, сбалансированного развития. И все это безобразие называли либеральным выбором.

Полисимейкеры не поняли суть денег и теорию бизнес-циклов

Л. фон Мизес в «Теории денег и кредита»¹³ писал, что *«простое определение денег как товара, экономическая функция которых состоит в облегчении обмена товаров и услуг, не удовлетворяет тех писателей, которые больше заинтересованы в аккумуляции материала, чем в увеличении знаний»*. В переходных экономиках дискуссии на предмет природы денег практически не велись. Едва ли не по умолчанию были приняты либо кейнсианские подходы к монетарной политике, либо, в лучшем случае, монетаристские.

С точки зрения «австрийцев», «деньги – не абстрактная единица учета, существующая отдельно от конкретного товара. Они не являются бесполезными жесточками, пригодными только для обмена. Они не некие «требования к обществу». Деньги – не гарантии фиксированного уровня цен. Это просто товар. Деньги отличаются от других товаров только тем, что они пользуются спросом главным образом как средство обмена. Но помимо этой особенности, они являются товаром»¹⁴.

Кейнсианцы, марксисты, а также монетаристы, разошлись с австрийцами во взглядах на проблему ценности. Сторонники количественной теории денег пытались решить проблему измерения ценности математическим способом. Безуспешно. Они не могли *«преодолеть трудности, вытекающие из факта, что предельная полезность уменьшается по мере увеличения предложения и что единственное использование математики, в которую они «одевают» свою аргументацию и которая становится все более популярной для изучения экономики, заключается в том, чтобы немного скрыть дефекты их умной, но искусственной конструкции»*¹⁵. Расчеты предпринимателей основаны на оценке товаров в деньгах, что делает последние инструментом для проведения экономических расчетов. «Если в этом смысле мы хотим придать деньгам функцию измерителя цен, нет оснований этого не делать. Тем не менее лучше избегать использования термина, который

легко может быть неправильно понят. Такое использование не может быть верным. Мы ведь не описываем определение географической широты и долготы «функции звезд»¹⁶.

Говоря о стабильной финансовой системе и направленной на устойчивое развитие экономики монетарной политике, Л. фон Мизес, как и другие неоавстрийцы, считает необходимым вернуться к одному из основных положений Валютной школы (*Currency School*) – стопроцентному резервированию выпускаемых обязательств (не только в отношении банкнот, но и депозитов до востребования). Реализация данной теории, по мнению Мизеса, должна проходить в мире свободных банков. Эти выводы в подавляющем большинстве своем не были известны дисижнмейкерам переходных стран. Специалистам центральных банков гораздо понятнее были выводы монетаристов и кейнсианцев. Как первые, так и вторые проигнорировали еще одно важнейшее открытие Л. фон Мизеса – его теорию бизнес-циклов. В ней великий ученый показал, что инфляционный банковский кредит, который предполагает накачку денег в экономику путем снижения процентных ставок на кредиты для бизнесов ниже уровня рынка, уровня временного предпочтения, обязательно ведет к чрезмерным неправильным инвестициям (*malinvestments*) в средства производства.

Позже необходимость ликвидации последствий этих «искажающих» инвестиций резко возрастает, так как появляются производства, структура занятости, не отражающие реальных предпочтений потребителей товаров и услуг. При сокращении или прекращении кредитной экспансии последствия «искажающих» инвестиций становятся очевидными. Наступает рецессия, глубина которой зависит от интенсивности и продолжительности периода кредитно-денежной экспансии.

Бороться с рецессией в этой ситуации не только бессмысленно, но и опасно. Рецессия – это необходимый процесс ликвидации искажений структуры производства, которая образовалась во время бума. Рецессия необходима для возврата к правильному соотношению потребление/инвестиции для наибольшего удовлетворения потребителя и обеспечения устойчивого развития страны. Таким образом, правительство не должно вмешиваться в процесс экономической системной коррекции. Оно должно заниматься совершенно иными делами, о которых мы скажем чуть ниже. Сегодня, в XXI веке, эти выводы так же верны, как и в начале XX века. Инфляционная политика правительства разных стран, в том числе США, манипулирование процентной ставкой, стандартами резервирования, обменным курсом, введение административно-правовых ограничений на рынке капиталов – все эти меры и действия создают основу для будущих рецессий и, что также вероятно, для очередной Великой депрессии. Если бы переходные страны проводили либеральную денежную политику, они отказались бы от активных манипуляций деньгами, а провели бы единственную, по-настоящему либеральную, реформу деполитизации денег. Они ввели бы золотой стандарт, позволяющий экономическим субъектам гораздо быстрее выйти из системного кризиса социалистической экономики.

Распад Советского Союза и глубокий кризис социалистической плановой системы был объективным результатом грубых политических и экономических ошибок, следствием подмены добровольных решений инвесторов, предпринимателей и потребителей решениями руководителей коммунистической партии. Попытки подменить рынок различными органами типа Госплана или Госснаба закончились глу-

боким кризисом. Если бы не интеллектуальная помощь капиталистического окружения социалистических стран в виде рыночной структуры цен и информации о реальных временных предпочтениях экономических субъектов, система социализма развалилась бы гораздо быстрее. Поэтому экономическая рецессия во всех транзитивных странах была естественным процессом адаптации людей к реальной, а не кабинетной жизни, к рыночным ценам, а не к фиксированным индикаторам. Чем активнее проводили правительства так называемую контрциклическую политику, тем больше они затрудняли процесс создания новой экономики. Контрпродуктивными для стран были попытки сохранить промышленное «фамильное серебро», восстановить старые хозяйствственные связи (эта задача особенно часто ставилась в странах бывшего Советского Союза), адаптировать государственные банковский и финансовый секторы к рыночным условиям за счет бюджетных ресурсов и протекционистских мер.

Поскольку именно монетарная политика является самым важным компонентом природы бизнес-циклов, поскольку важнейшей задачей реформаторов было устранение административных искажений на рынках всех факторов производства и выход на естественную структуру производства, то именно преобразования в данной сфере должны были стать приоритетными на первом этапе реформ. Но центральные банки стран ЦВЕ и СНГ по разным причинам (институциональная зависимость, отсутствие опыта, некритическая адаптация рекомендаций международных финансовых организаций и др.) проводили политику постепенного снижения инфляции, либерализации текущего счета. Прошло более 15 лет, а свободное перемещение капиталов до сих пор не обеспечено.

Правительства не спешили создавать конкурентную среду в банковском и финансовом секторах (приватизация банков, недискриминационный доступ иностранного капитала на внутренние финансовые рынки, принятие западных стандартов отчетности и т. д.). Зато государственные банки активно участвовали в приватизации. Шел процесс, который точнее можно было бы назвать псевдов приватизацией. Он способствовал консервации старой структуры производства. Старые банковские кадры были активными сторонниками вытеснения частных инвестиций.

В течение первых 10 лет практически ни в одной из переходных стран региона реформа денежной сферы не была проведена до конца. Не произошло очищения от старых структурных и экономических искажений. По крайней мере, такие показатели, как «инфляция», «девальвация», «доля государства в банковском секторе», «доля государства в страховом секторе», «доля кредитов для государственного сектора», убедительно доказывают, что в первые 10 лет реформ правительства игнорировали природу денег и проводили контрциклическую политику, основанную на расчетах, сделанных при помощи «условных единиц». т. е. они не имели объективной информации о том, в какой стадии цикла находится тот или иной сектор. Не ответив на этот вопрос, нельзя в принципе говорить о бизнес-циклах в рыночном смысле этого термина.

Если бы полисимейкеры переходных стран сделали правильные выводы из австрийской теории денег и кредита, они предприняли бы следующие меры. Поскольку деньги – это прежде всего товар, то создание открытой конкуренции на данном товарном рынке было бы приоритетом первого этапа реформ. Значит, была бы

легализована мультивалютность, разрешена банкам эмиссия собственных банкнот на золотом стандарте или же осуществлен переход национальной валюты на золотой стандарт. Еще одной альтернативой была бы долларизация экономики. Помимо этого были бы сняты все ограничения на перемещение денег и финансовых ресурсов. Это был бы либеральный путь развития. К сожалению, ни Россия, ни Украина, ни тем более Беларусь, не пошли по нему.

Чтобы деньги, т. е. товар, стоили дешево, были качественными и доступными для максимально широкого круга пользователей, необходимо было отменить ценные ограничения и дерегулировать процентные ставки. Надо было обеспечить доступ государства и государственных предприятий к финансовым ресурсам на тех же условиях, что и для частного сектора.

Создание системы *free banking*, при которой банки должны были бы иметь стопроцентное резервирование выпускаемых обязательств, позволило бы быстро восстановить доверие людей к финансовой системе и создать основы для формирования новой, рыночной структуры экономики. На самом деле банки при помощи или по указке правительства отвлекали собственные средства для спасения государственных промышленных предприятий, субсидирования сельского хозяйства. Они участвовали в обширных программах госзакупок и цементировали порочные связи между большим бизнесом и большой политикой. Иными словами, вместо того, чтобы стать мощными локомотивами либеральных рыночных реформ, они превратились в институциональный тормоз реформ.

На первом этапе либерализации и рыночных преобразований они получили безусловную выгоду. В дальнейшем они решили дозировать либерализм для других участников рынка и взяли к себе в партнеры политиков и чиновников. Их усилия (правительства, парламента) были направлены не на создание эффективной, независимой судебной системы, не на профессионализацию силовых структур и адаптацию их к реалиям рыночной экономики, а на манипуляцию деньгами, на конфискацию ресурсов граждан и предприятий. Нет, эти деньги не исчезли в никуда. При помощи инфляции, девальвации, курсовых манипуляций они были направлены на создание состояний олигархов и политиков. Таким образом, полисимейкеры избрали путь жестко ограниченной либерализации. Они быстро сняли сливки и не допустили к распределению благ новой экономики большинство граждан. Такая политика не имеет ничего общего с либерализмом.

Чрезмерный градуализм на рынке денег

Анализ парадигм перехода постсоциалистических стран от плана к рынку, текущее состояние экономик и характер взаимоотношений между государством и бизнесом позволяет сделать вывод, что они обречены на периодические рецессии. Не исключены более глубокие системные кризисы и дефолты. Отметим любопытную закономерность. Чем больше в переломный период в правительствах стран было так называемых «не экономистов» (т. е. тех, кто не был красным директором, профессором марксистской школы экономики), тем качественнее был стартовый этап реформ. Здесь надо отметить Эстонию, Польшу и отчасти Россию. Понятно, что речь идет об экономистах, которые обладали теоретическими и практическими зна-

ниями, выходившими за рамки курса политэкономии социализма и «критики буржуазных теорий».

Однако даже в тех странах, которые журналисты окрестили сторонниками шоковой терапии, программы реформ и близко не были системными. Причины такой непоследовательности очевидны: теоретические ошибки в определении причин провала социалистической экономики, отсутствие политической воли и консолидации позиций законодательной и исполнительной властей, некритическое принятие рекомендаций и идеологем Запада. Либерализация цен была частичной. Стабилизационные меры предполагали всего лишь нейтрализацию гиперинфляции и ее постепенное снижение. Ни одно правительство не решилось на запрет дефицита бюджета на законодательном уровне. Налоговые системы, как под копирку списанные с европейской, предполагали налоговую нагрузку 40 – 50% ВВП. Кстати, страны, которые дальше других отошли от модельных рекомендаций ЕС (Литва, Эстония), провели более успешные реформы на первом этапе трансформаций. Реформу банковского сектора оставили на потом, мотивируя это решение необходимостью поддержки реального сектора, а также созданием условий для выравнивания шансов национального капитала в конкурентной борьбе с иностранным. В программах так называемых шоковых реформ не было ни слова о приватизации пенсионной системы, создании конкуренции и приватизации телекоммуникационного, энергетического, транспортного секторов. Даже самые смелые прорыночные политики не говорили о необходимости приватизации системы образования и здравоохранения. Крайне непопулярной была политика полной либерализации внешней торговли и переход на нулевую импортную таможенную пошлину по всем товарным группам. Так что дремучий меркантилизм XIX века, агрессивный протекционизм XX века быстро перекочевал в постсоциалистические экономики и стал опасной частью их политики в XXI веке.

Особенно консервативным и даже ортодоксальным был подход к денежному и финансовому рынкам. Системные, последовательно либеральные меры и решения, которые могли максимально быстро нейтрализовать негативные последствия централизованной плановой экономики, были за рамками рассматриваемых законодательствами и правительствами проектов. Сильнейшие структурные искажения, несовместимость количества напечатанных еще в советскую эпоху «условных единиц» с количеством товаров, отсутствие объективных информационных индикаторов в виде свободных цен на все факторы производства, включая деньги, требовали радикальных, адекватных сложившейся ситуации решений. Такими решениями в денежной сфере и на финансовых рынках могли бы быть: 1) законодательное разрешение конкуренции валют; 2) долларизация экономики; 3) разрешение частным банкам печатать свои деньги; 4) переход на золотой стандарт; 5) снятие ограничений по капитальному счету на первой стадии реформ; 6) снятие ограничений на участие иностранного капитала в банковской системе, а также в других финансовых учреждениях (страховом рынке, рынке пенсионных средств и т. д.); 7) переход на международные стандарты бухгалтерской и налоговой отчетности; 8) активное развитие национального фондового рынка и его интеграция в аналогичные региональные структуры. Комплексное принятие вышеуказанных мер (их части) привело бы к резкому снижению издержек переходного периода как для государства, так и для бизнесов и граждан. Отметим, что такие опции реформ существовали теоретически, но

ввиду разных причин, в том числе незнания сути самих явлений (это относится, например, к золотому стандарту), дисижнмейкеры большинство из них не рассматривали.

Дискредитация денег и частичная либерализация на рынке других товаров

Понимание того, что одежда, продовольствие или автомобили – это товары, пришло к полисимейкерам в переходных экономиках довольно быстро. Они охотно соглашались с тем, что конкуренция приводит к снижению цены, повышению качества, расширению ассортимента и, следовательно, к большему удовлетворению потребителя. Даже из учебников «Экономикс» было понятно, что наличие свободного входа в рынок и выхода из него, эффективного механизма банкротства, четкое определение прав собственности – необходимые условия для очищения рынка от ошибочных инвестиционных решений, для предотвращения продолжительных рецессий и депрессии.

Когда же речь заходит о деньгах, то отношение как политиков, так и подавляющего большинства экономистов в переходных экономиках, да и в странах ЕС и даже США, резко меняется. Причем страдают этим как социалисты, так и те, кто называет себя либералами. В этом секторе монополия государства почему-то видится как общественное благо. Монетарная политика, проводимая центральным банком, считается единственной опцией. Запреты на использование иностранных валют, не говоря уже о предоставлении права частным финансовым институтам выпускать свои деньги, воспринимается как естественный, «цивилизованный» способ отстаивания национальных интересов. Под видом обеспечения экономической безопасности правительства жестко контролируют рынок денег.

Динамичное развитие финансовых рынков переходных стран тесно связано с отношением правительства к деньгам как к платежному средству, с местом и ролью центрального банка в проведении монетарной политики и осуществлении контроля за финансовыми институтами. В начале 90-х гг. переходные страны упустили возможность создания стабильной денежной системы, основанной на либеральных, рыночных принципах. Деньги рассматривались как инструмент смягчения последствий перехода от плана к рынку для государственного сектора экономики. Правительства и центральные банки управляли рисками так, что явной дискриминации подвергались физические лица, которые, в свою очередь, вынуждены были искать убежище от государственной монополии на рынке денег и финансов в твердой валюте. Долларизация или, в случае многих стран Центральной и Восточной Европы, переход на немецкую марку был рациональным ответом людей на интроверсионистскую политику государства.

Высокая инфляция в странах ЦВЕ и СНГ сохранялась более десяти лет. В сложившейся системе поддержки госсектора при помощи фискальных и административных мер она стала эффективным способом перераспределения ресурсов в пользу новых заемщиков. Они получали чрезвычайно льготные кредиты в национальной валюте. Новые частные финансовые учреждения и предприятия реального сектора при отсутствии эффективного института банкротства и защиты прав собственности кредиторов вынуждены были либо становиться так называемыми политическими

предпринимателями (устанавливать личные связи с политиками, участвовать в государственных инвестиционных программах, госзаказе и т.д.), либо соглашаться на снижение своей доли на рынке и увеличении инвестиционных рисков.

Практически все переходные страны предпринимали активные контрциклические меры, по сути дела, вслепую, не имея информации о том, что, собственно, они регулируют. Их использование при отсутствии естественной структуры производства и занятости (той, которая складывается в результате добровольных взаимодействий индивидуумов на основе их временных и ценностных предпочтений) привело к торможению процесса системных трансформаций и увеличило издержки для людей и бизнесов. Примером такой активности является предоставление банкам бесплатных или дотируемых бюджетом кредитов для поддержки так называемых «точек роста» (предприятий или секторов, которые правительственные чиновники и политики считали «стратегическими», «фамильным серебром» с точки зрения занятости, объемов производства и поступлений в бюджет).

Очередной распространенной формой искажения рынка, а также системы мотивации государственных менеджеров и банкиров, было спасение государственных банков путем увеличения доли государства в их уставном капитале (де-факто национализация). Такие меры использовались не только в странах бывшего Советского Союза, но и в Польше, Чехии. Словенская банковская система вплоть до вступления страны в ЕС в 2004 г. была прочно ограждена от конкуренции со стороны иностранных финансовых учреждений. Свидетельством интервенционистской политики государства, которое пыталось моделировать рыночное равновесие, является доля государства в банковском капитале, страховом секторе и других сегментах финансового рынка. Под флагом снижения рисков вкладчиков, создания надежной страховой системы и обеспечения благополучной старости правительства переходных стран заблокировали рыночные механизмы саморегулирования. Выбор финансовых инструментов, форм страхования, тем более пенсионного инвестирования, был резко ограничен во имя обеспечения стабильного развития экономики. Это еще одна форма использования ресурсов населения и бизнесов для поддержания интервенционистской политики государства, которое компенсирует свои убытки за счет других. Очевидно, что такие решения никак нельзя назвать либеральными.

Практика государственного интервенционизма в переходных странах ЦВЕ и СНГ

Обширный государственный интервенционизм, в том числе в монетарной сфере, был присущ практически всем странам Центральной и Восточной Европы. В течение первых 7 – 10 лет реформ ни одна из 27 переходных стран не создала эффективного, конкурентного финансового сектора. В банковской сфере продолжали доминировать государственные банки, в работу которых активно вмешивалось правительство. Оно говорило, что реализует контрциклические меры. Это было красивое научное прикрытие для перераспределения бюджетных и государственных ресурсов.

Стабилизация цен и выход на рыночную ставку процента был очень медленным. Чтобы снизить инфляцию до уровня меньше 10%, Польше и Венгрии понадобилось почти 10 лет, Словении – 5 лет, Эстонии – 7 лет, Литве – 6 лет. С 1991 по

2006 гг. среднегодовая инфляция в России еще никогда не снижалась ниже 10%. Безусловным лидером по инфляции является Беларусь, которая с 1991 по 2006 гг. ни разу не имела инфляцию меньше 10% в год. Только в 2006 г. инфляция снизилась до 6,6 %, однако достигнутая денежная стабилизация носит временный характер.

Эти факты свидетельствуют о том, что никакой «шоковой терапии», радикальных реформ в подавляющем большинстве стран ЦВЕ и СНГ не было. На самом деле имело место использование стандартного инструментария монетарной и фискальной политики стран ЕС и США. В институционально слабых переходных странах, при чрезвычайно мягкой фискальной политике и многочисленных попытках спасти старую структуру производства и стимулировать экономических рост, при незащищенному институте частной собственности и дискриминации частного сектора данная политика лишь консервировала кризисные явления. Поэтому под каждой социально-экономической системой переходной страны нашего региона заложена бомба с часовым механизмом. Время взрыва и его сила будут определяться как внешними, так и внутренними факторами.

После 16 лет реформ в регионе мы имеем все основания констатировать, что в большинстве постсоциалистических стран построены стандартные государства всеобщего благосостояния с доминирующей ролью государства. Оно остается основным экономическим субъектом и собственником. Динамика государственных расходов в переходных странах наглядно демонстрирует этот тезис. Страны ЦВЕ, которые в мае 2004 г. стали членами Европейского союза, имеют приближенную к европейской долю госрасходов, ставки и структуру налоговой системы. Произошел процесс гармонизации институтов ЕС и институционально слабых, структурно не реформированных стран. Проблема заключается в том, что именно эти институты являются сильным кризисогенным тормозом устойчивого экономического развития и долгосрочного экономического роста. За исключением Казахстана ни одна страна региона не имеет долю расходов к ВВП меньше 30%. Практически во всех переходных странах высок уровень безработицы, нестабильны страховые и фондовые рынки, все они имеют серьезные проблемы с государственной пенсионной системой.

Правительства Германии, Франции, Италии и других стран Евросоюза пытаются исправить структурные искажения, которые образовались у них в результате сильного государственного интервенционизма, в том числе в денежной сфере. Пока адекватных решений у них нет. Правительство христианских демократов Ангелы Меркель начало свое правление с повышения налогов. До этого социал-демократ Герхард Шредер медленно, но все же снижал налоги. Вот вам и «либеральная» Европа, которая должна была научить нас истинному рынку.

Страны ЕС пока не осознали нарастающую угрозу кризиса пенсионной системы. Поэтому воспроизведенная в относительно бедных странах модель *welfare state* неизбежно будет генерировать рецессии, секторальные или системные кризисы. Правительства новых членов ЕС надеются на существенную финансовую помощь из Брюсселя, полагая, что структурные реформы будут проходить за счет европейских налогоплательщиков. Когда объем таких требований достигнет критической величины, то с учетом серьезных проблем внутри главных стран ЕС (Германии, Франции, Италии, в меньшей степени Великобритании) Европа неизбежно вой-

дет в период рецессии. Корректировка инвестиционных ошибок и реформа чрезмерно централизованной системы принятия экономических решений может вызвать целый ряд социальных и политических проблем.

Анализ динамики расходов и доходов консолидированного бюджета в переходных странах демонстрирует наличие серьезных проблем в фискальной сфере. Для многих стран сбалансированный бюджет является трудно достижимой целью. Так, Венгрия только в самом начале реформ, в 1991 г., имела дефицит бюджета меньше 3% ВВП. За прошедшие 16 лет она как минимум трижды переживала кризис государственных финансов. Выполнение монетарных критерий для вступления в зону евро потребует значительного пересмотра фискальной политики. Это неизбежно скажется на экономическом росте и динамике венгерской экономики. Дефицит бюджета в Польше также бьет все пределы Пакта стабильности и роста. Дефицит бюджета в Чехии можно расценить как кризисный. За все годы реформ только Чехия и только однажды, в 1993 г., имела профицит бюджета. Жизнь в долг, в кредит, особенно если главным кредитором является государство, – не лучшая стратегия для обеспечения устойчивого долгосрочного экономического роста.

Во многих переходных странах наблюдается рост внешнего долга. Как следствие, государство вынуждено будет сохранять высокую долю интервенционизма, чтобы иметь ресурсы для его обслуживания. В 1995 – 2005 гг. Латвия более чем удвоила свой внешний долг. Казахстан увеличил его почти 3 раза, Литва – более чем в 2 раза, Эстония – более чем в 4 раза. В этой стране доля госрасходов сохраняется на уровне 38,3%. Так что на данном этапе называть Эстонию чемпионом свободного рынка явно нельзя. Либеральный прорыв бывших правительств этой страны наткнулся на жестокую реальность европейского интервенционизма. В результате была избрана модель ЕС, гармонизация в которой резко сокращает возможности ресурсо- и институционально слабых стран.

Приведем несколько типичных примеров из истории системных трансформаций, которые подтверждают тезис о неоправданно высоком государственном интервенционизме даже в переходных странах, которые часто причисляют к сторонникам свободного рынка. Так, польское правительство спасало Банк Госпорадки Жывносцевэй (*Agricultural Bank*) и целый ряд других государственных финансовых учреждений. Бюджетные ресурсы направлялись на Гданьскую судоверфь, тракторный завод «Урсус», в обширную угольную отрасль и сотни других государственных предприятий¹⁷. Только после прихода к управлению Национальным банком известного польского реформатора Лешека Бальцеровича инфляция в Польше снизилась до менее чем 3% в год. Это случилось почти через 10 лет после начала реформ. В 2004 г. в Польше интенсифицировались проблемы с государственными финансами, растущим внешним долгом и необходимостью продолжать системные структурные реформы. Однако популизм нового правового правительства и президента Л. Качиньского опять представил явную антилиберальную программу.

Венгрия, несмотря на ранний старт, уже к середине 90-х гг. столкнулась с необходимостью принятия пакета антикризисных мер. Государственный *Agrobank* также был источником нерыночной поддержки сельского хозяйства. Образованная в 1992 г. государственная холдинговая компания (*SHC*) должна была контролировать госпредприятия, которые не подлежали полной или частичной приватизации. В

этую структуру вошли 163 организации с общими активами \$1,5 млрд. Все остальные госпредприятия были непосредственно подчинены Агентству государственной собственности (*State Property Agency*). Вместо создания равных условий для предприятий частного и государственного секторов Агентство сделало акцент на получении холдинговой компанией льготных кредитов и другой формы госпомощи. Приватизация крупных венгерских предприятий «Икарус», «Дунафер» и «Раба» началась лишь в 1997 г.¹⁸

В 1992 г., следуя советам кейнсианских теоретиков, правительство совершило большую практическую ошибку, считая, что экономические «точки роста» можно определить административным способами. Было выделено четырнадцать приоритетных предприятий (83 тыс. рабочих мест), объем продаж которых составлял \$3 млрд. (25% экспорта страны). Финансовая помощь была предоставлена в виде списания долгов (\$ 00 млн.), льготного режима импорта и уплаты налогов (списание задолженности таможне на \$330 млн.), оплаты долгов банкам (\$500 млн.), направления прибыли от приватизации на реструктуризацию предприятий (\$510 млн.). Общий объем помощи превысил \$2 млрд. Через пять лет после начала эксперимента только четыре из четырнадцати компаний работали с постоянной прибылью, три компании были проданы иностранным инвесторам (бюджетные деньги, по сути, стали дотацией иностранных инвесторов)¹⁹. Остальные компании просто обанкротились. Таким образом, контрциклическая деятельность венгерских властей оказалась крайне неэффективной.

Словенское правительство также значительно замедлило реструктуризацию банковского и финансового секторов. Оно регулярно предоставляло госгарантии по банковским кредитам. Регулярно выдавались низкопроцентные кредиты предприятиям госсектора. В арсенал интервенционистских мер входило приоритетное выделение лицензий, квот, применение различных обменных курсов при приобретении иностранной валюты, освобождение или льготный статут при налогообложении.

Данные страны считаются лидерами системных трансформаций, сторонниками так называемой «шоковой терапии». Другие государства, которые выбрали политику «мягкой посадки», за исключением стран Балтии, проводили гораздо более интервенционистскую политику, далекую от норм и стандартов свободного рынка. Индекс экономической свободы²⁰, индекс восприятия коррупции (ИВК) от *Transparency International*²¹, индекс доверия кредиторов и конкурентоспособности²² – все эти показатели свидетельствуют, что переходные страны региона во многих аспектах не смогли провести реформы, адекватные стоящим вызовам и имеющимся в наличии ресурсам и инструментам. Громко продекларированный либерализм остался на бумаге. Венгрия и Словения, лидеры системных трансформаций в начале 90-х гг., по индексу экономической свободы, рассчитываемому канадским институтом Фрейзера, долгое время не могли подняться выше 40-го места. Только в 2005 г. Венгрия поднялась на 20-е место, а Словения после вступления в ЕС опустилась аж на 70-е. Показатели стран СНГ значительно хуже показателей стран ЦВЕ, в том числе по качеству денежной политики, банковского сектора, финансового регулирования и делового климата.

Коррупция и развитие «серой» экономики являются предсказуемыми результатами сохранения значительного присутствия государства во всех сферах экономи-

ческой деятельности. Так, в 2005 г. по ИВК лучшая из транзитивных стран – Эстония – находилась на 27-м месте, Польша, известный имитатор либеральных реформ, занимает далекое 70-е место, Чехия – 47-е. Объем «серой» экономики в переходных странах по-прежнему значительно выше аналогичного показателя в западных странах. На Украине, в Беларуси и России около половины экономики находится в «серой» сфере. Экономические субъекты саботируют законы и нормативные акты, которые резко сокращают степень экономической свободы. Риск работы в «серой» сфере, проведение нелегальных с точки зрения формального права валютных операций является эффективным способом снижения издержек работы в бюрократической среде и формой создания интенсивной конкурентной среды. Поскольку переходные экономики характеризуются слабым и неэффективным государством (непрофессиональные и зависимые суды, неэффективная милиция, закрытый режим работы спецслужб и т. д.), то политизация денег и финансовых рынков наряду с высокими налогами и высокими административными барьерами входа в рынок и выхода из него неизбежно приводит к криминализации экономических отношений и блокировке притока легальных инвестиций. Это, в свою очередь, искажает информационное поле, в котором экономические субъекты принимают решения. В результате доля инвестиционных ошибок возрастает, структурные дисбалансы увеличиваются, угроза периодических рецессий вынуждает полисимейкеров принимать дополнительные интервенционистские меры.

Свободный рынок денег и финансов – лучший предохранитель от будущих системных кризисов

Банковские и финансовые кризисы являются следствием ошибочных решений как на уровне менеджмента, так и на уровне правительства. От них никто не застрахован, особенно в переходных странах. Поэтому полисимейкерам важно знать, какая модель развития денежного и финансового рынков, какая форма регулирования и какие правила игры являются наиболее эффективными: а) для устойчивого развития; б) раннего предупреждения об интенсификации кризисных явлений; в) для быстрого и наименее дорогого выхода из наступившего кризиса.

Поскольку основные валюты мира также давно отошли от своих корней (их правительства давно отказались от золотого стандарта), то неустойчивость национальных финансовых систем усугубляется монетарной политикой США и ЕС. В такой ситуации правительства должны создавать условия для интенсивной конкуренции на внутреннем рынке денег, финансовых институтов и инструментов. На них целесообразно распространить общезвестную народную мудрость «не клади все яйца в одну корзину».

Кризисы не возникают ниоткуда и не исчезают в никуда. Они являются логичным, неотвратимым следствием взаимодействия определенной комбинации факторов. Результат данного взаимодействия сам по себе не является ни плохим, ни хорошим. Негативную коннотацию слову «кризис» дают люди, которые неправильно оценили (переоценили, недооценили) последствия данной комбинации факторов, или те, кто вынужден платить по счетам неудачного (нереалистичного) плана. Ошибки в оценках могут быть вызваны сотнями разных причин, начиная от полного незнания определенной информации (радикальное невежество) до переоценки

собственных сил или возможностей влияния разных институтов. Исходя из этого, мы можем сказать, что кризис – это непреднамеренное последствие продолжительного взаимодействия частично контролируемых или вообще неконтролируемых факторов и явлений, которые приводят к ситуации, когда продолжение управления существующими факторами для реализации поставленных целей и задач диксижнмейкерами становится невозможным. В переходных экономиках ни один из наблюдаемых в последние 15 лет кризисов не был кризисом избытка либерализма.

Для правительства переходных стран состояние мирового финансового и форексного рынков, основные процентные ставки в странах ЕС и США, стоимость кредита на этих рынках, стандарты банковской и бухгалтерской отчетности, порядок оценки активов и проведения аудита являются экзогенными факторами. Поэтому наличие гибкой системы реагирования на изменение этих факторов является необходимым условием успешного развития переходных стран. Самоизоляция по типу белорусской образца 1995 – 2006 гг. – это тупиковая политика.

Самым ригидным и инерционным институтом является государство и финансовые учреждения государственной собственности. Поэтому построение современной экономической системы надо начинать с полной приватизации банков и финансовых институтов. Государство должно уйти со страхового и пенсионного рынков, не говоря уже о рынке ценных бумаг. Естественно, уход не может быть одномоментным, в течение года или двух, но стратегически необходимо делать ставку на частные финансы, производство и торговлю. Это не слепое следование либеральным догмам. Более 15 лет системных трансформаций убедительно доказывают, что именно частные лица гораздо оперативнее и адекватнее реагируют на изменение интенсивности и характера временных предпочтений, на изменение вкусов потребителей. Поскольку искусственное удешевление кредита является причиной возникновения бизнес-циклов, то без ухода государства из этой сферы страны всегда будут сталкиваться с периодически возникающими рецессиями и кризисами.

Задачу полной приватизации банковской системы выполнили далеко не все из 27 переходных стран региона. Центральные банки и правительства по-прежнему владеют крупными пакетами (часто контрольными) банков. На фондовых биржах котируются акции многих предприятий, которые до сих пор контролируются правительством. Телекоммуникация, энергетика, водоснабжение, транспорт, теплоэнергетика и тяжелая промышленность, не говоря уже о доминирующей роли государства на рынке земли, – это сектора, в которых после 16 лет реформ сохраняется доминирующая роль государства. Здесь по-прежнему сильны дискриминационные практики по отношению к частным конкурентам. Подсев в начале XXI века на ресурсную иглу и захмелев от огромного топливно-энергетического гранта от продажи нефти и газа, Россия начала процесс делиберализации, т. е. лишения экономики частной инициативы, творчества и инновационности. Вместо полной приватизации финансового и производственного секторов правительство Владимира Путина усилило интервенционизм. Оно до сих пребывает в пленах идеологических мифов о природе либерализма. Не надо быть пророком, чтобы спрогнозировать серьезные проблемы российской экономики после падения мировых цен на энергоресурсы.

Для реализации либеральной политики в денежной сфере необходимо на законодательном уровне легализовать эмиссию банками банкнот, а также беспрепятственное использование различных валют на территории национальных государств. Функция государства на данном этапе заключается в четком определении правил игры. Чтобы национальные валюты сохраняли привлекательность в качестве платежного средства, оптимальным был бы переход на классический золотой стандарт. Если бы Россия, как большая экономика региона, решилась на такой шаг, она могла бы создать реальную конкурентную твердую валюту, которая бы заметно потеснила как американский доллар, так и евро. На основании такой политики региональная интеграция шла бы гораздо успешнее, чем через призму газового давления на Украину, Молдову, Грузию или Беларусь.

Для оценки состояния банковских и финансовых учреждений необходимо развитие конкурентного рынка профессионального аудита, оценки и консалтинга. Причем доступ на национальные рынки иностранных компаний должен быть недискриминационным. Ассоциации кредиторов, финансистов, оценщиков и других операторов денежных и финансовых рынков должны стать важными элементами рыночного саморегулирования. Эти частные институты гораздо эффективнее в обработке информации и адаптации проводимой политики к изменению экзогенных факторов.

Государственные чиновники часто настаивают на своем монопольном праве управлять финансовыми рисками, ссылаясь на свой профессионализм и нацеленность на работу во имя «народного блага». Опыт переходных стран демонстрирует, что в системе государственного управления работают далеко не самые лучшие специалисты. И даже если они нацелены на то, чтобы «служить обществу» (как правило, за этой фразой скрывается мотивация перераспределения чужих денег на свои потребности и нужды других людей), то все равно остается нерешенной проблема информированности чиновника, его ответственности за ошибки. От того, что в правительствах будут работать высокоморальные граждане с дипломами Гарварда или *MIT*, будущее не станет более предсказуемым, концепцию радикального невежества никто не отменит. Гораздо стабильнее либеральная система, когда эту же работу выполняют миллионы частных инвесторов. Они реализуют свои бизнес-планы, рискуют своим капиталом и ориентированы на реальный спрос платежеспособных потребителей.

Именно конкурирующие между собой частные компании гораздо быстрее и оперативнее корректируют экономические дисбалансы. Изменение правил предоставления денег меняет характер потребления, производства, сбережения или инвестирования целого ряда экономических субъектов. Наиболее проницательные и профессионально подготовленные участники финансового рынка выполняют роль шумпетеровских творческих разрушителей. Это и есть самый надежный, либеральный способ устойчивого развития и обеспечения долгосрочного экономического роста.

Есть еще одно важное преимущество рыночного саморегулирования. Как известно, в каждом кризисе есть бенефициары и проигравшие (*winners* и *losers*). Характер его протекания, объем издержек, цена выхода зависит от того, кто в данный момент считает себя бенефициаром, а кто проигравшим, какие правила используются для выхода из кризиса. Явное, но концентрированное меньшинство, контролирующее рычаги управления ситуацией, может быть бенефициаром кризиса,

потому что оно владеет инсайдерской информацией. Оно может быстрее нейтрализовать угрозы для своих ресурсов за счет ресурсов других. Именно государство выступает в роли такого инсайдера. Являясь источником асимметричной информации для частных экономических субъектов, оно совершает инвестиционные ошибки.

Через министерство финансов, центральный банк или государственные финансовые организации государство часто сохраняет свои ресурсы или уменьшает объем убытков за счет частных собственников. Инфляция, девальвация, списание долгов, дотации или льготные кредиты, дефолт – это лишь часть действий, которые может предпринять государство для компенсации своих потерь за счет других и для ухода от ответственности за совершенные ошибки. Если же мы перейдем на саморегулирование финансового рынка, которое достигается за счет координации частных структур, то рецидив финансового кризиса, вызванного ошибками одних и тех же структур, резко сократится.

Чтобы избежать финансового, валютного и банковского кризисов, правительство должно работать не против рынка, а вместе с ним, жестко выполняя его законы. В 1988 г. Базельское соглашение (*Basel Accord*) установило стандарты адекватности капитала, но они быстро утратили свою значимость по причине стремительной глобализации рынков, инноваций и информационных технологий. Многие эксперты считают, что Базельский комитет по банковскому надзору должен ослабить требования по капиталу для низкорисковых банков и повысить для высокорисковых. При динамично развивающихся финансовых рынках пересмотру подлежат и стандарты операционных рисков.

Однако корректировка Базельского соглашения отнюдь не решает все проблемы рынка денег и финанс. Ни МВФ, ни Всемирный банк, ни Базельские нормы не помогли избежать глубокого финансового кризиса России, Аргентине, Мексике или Бразилии. Бывший министр финансов Аргентины Рикардо Лопес Мерфи и его коллеги из *Latin American Economic Research Foundation*²³ считают, что главные причины кризиса в этой стране – отсутствие контроля над государственными расходами (финансируемые преимущественно номинированными в долларах заимствованиями), отсутствие торговой либерализации и политической стабильности. Ригидность цен заблокировала возможность адаптации к внешним шокам и привела к росту безработицы. Опять же, нерегуляторные нормы свободного рынка дали сбой, а государство, не справившись с «канализацией» средств в приоритетные проекты, провело страну через тернистый путь от бума к краху.

В такой ситуации предложение МВФ запустить механизм реструктуризации суверенного долга (*sovereign debt restructuring mechanism, SDRM*), который предполагает принятие административных мер по выходу из кризиса, не является вполне адекватным инструментом для построения банковских и финансовых систем в переходных странах. Передача полномочий некоей наднациональной структуре с сомнительными полномочиями едва ли является либеральным решением.

Причина, которая вызывает кризисы и предоставляет полисимейкерам власть над бизнес-циклами, остается не нейтрализованной – фудициарные деньги. До тех пор, пока политики и, даже в большой мере, центральные банки не будут отстранены от управления деньгами, пока не будет запрещен дефицит бюджетов всех уров-

ней, пока не будет обеспечен высокий уровень экономической свободы, до тех пор будут существовать риски секторальных и системных банковских и финансовых кризисов. Они, в свою очередь, неизменно будут провоцировать кризисы политические и социальные. При этом введение нормы обязательного страхования депозитов, каким бы привлекательным оно ни было в краткосрочной перспективе, не является решением проблемы обеспечения стабильной банковской системы в долгосрочной перспективе и несет серьезные регуляторные издержки и риски. Это убедительно показал Кам Хон Чу в своей работе «Страхование депозитов и банковские кризисы в краткосрочном и долгосрочном периодах» (*Deposit Insurance and Banking Crisis in the Short and Long Run*)²⁴.

Переходные страны не должны бояться долларизации и евроизации своих экономик. К сожалению, в последние годы правительства этих стран демонстрируют и явное игнорирование законов денежного обращения. Так что стабильность доллара и евро как фудициарных денег также нельзя воспринимать как само собой разумеющееся.

Решение о том, каким платежным средством пользоваться, должны принимать сами экономические субъекты. Центральное правительство не должно иметь монополии на навязывание нам платежного средства. Использование твердых валют способствует перераспределению рисков между различными экономическими субъектами и нейтрализует инфляционные риски. При отсутствии барьеров входа на национальный рынок капитала компании получают доступ к гораздо большему спектру финансовых инструментов. Их использование банками и инвестиционными компаниями позволяет ускорить процесс интеграции переходных стран в мировую финансовую систему. Конкуренция валют способствует професионализации кадров в национальных финансовых учреждениях. Предприятия получают доступ к более выгодным источникам финансирования, причем не под государственные проекты (читай: под очередной цикл «бум – крах»), а под проекты шумпетеровского творческого разрушения, которое следует за изменением вкусов и предпочтений потребителей.

Известно, что ежедневный оборот мирового форексного рынка превышает \$2 трлн. При таком динамизме финансового рынка, огромном обороте рынка ценных бумаг, при интенсивных потоках прямых иностранных инвестиций, а также с учетом огромного «серого» рынка, интервенции центральных банков или административные запреты правительств, особенно переходных стран, являются бессмыслицами и даже вредными. Международный финансовый рынок и интегрированная в него национальная банковская и финансовая системы являются гораздо более надежным и точным институтом обработки информации, чем правительства. Частные финансовые институты более точно определяют направления и интенсивность инвестиционных потоков, потому что эту информацию они берут не из планов на очередную пятилетку, составленных неким политбюро и кучкой всезнающих «социальных инженеров», а из реальной жизни, т. е. от самых объективных судей всех инвестиционных решений – потребителей.

Таким образом, России, Польше, Чехии, Украине, не говоря уже о динозавре плавновой экономики региона – Беларуси, не надо идти в фарватере *mainstream*-моделей и схем государств всеобщего благосостояния Запада. Опасно копировать монетар-

ную политику, основанную на бумажных, а не товарных деньгах. Надо вернуться к либеральным решениям и создавать конкурентные, привлекательные для инвесторов и предпринимателей системы, основанные на апробированной наукой и историей рецептах. Любая переходная страна, начав такие реформы, несомненно, превратится в привлекательный центр региональной интеграции, экономической активности и мощный полюс притяжения капиталов, технологий и «мозгов». Причем магнитом в этой ситуации будет не сила оружия, а личный интерес и выгода сотен миллионов граждан всего мира. Это и есть путь к устойчивому долгосрочному экономическому развитию. Это и есть путь к социально ориентированному будущему для человека труда, для гордого и ответственного собственника.

Таблица 1

Динамика реформ в переходных странах: доля частного сектора в ВВП, число банков, внутренний кредит частному сектору, 1994 – 2005 гг.

Страна	Доля частного сектора для ВВП, 1994 г.	Доля частного сектора, 2006 г., % ВВП	Число банков (из них иностранных), 1994 г.	Число банков (из них иностранных), 2005 г.	Кредит частному сектору, 1994 г., % ВВП	Внутренний кредит частному сектору, 2005 г., % ВВП
Венгрия	55	80	43 (17)	38 (27)	26,2	51,1
Польша	55	75	87 (10)	61 (50)	12	23,1
Чехия	65	80	55 (12)	36 (27)	57,8	16,8
Словения	30	65	44 (6)	25 (9)	22,5	56,4
Литва	60	75	22 (0)	12 (6)	17,6	34,0
Латвия	40	70	56	23 (10)	16,4	67,4
Эстония	55	80	22 (1)	13 (10)	14,1	58,9
Россия	50	65	2295 (19)	1253 (52)	8,5	25,7
Украина	40	65	228 (1)	165 (23)	4,6	35,2
Казахстан	20	65	184 (8)	34 (14)	26,6	35,4

Источник: EBRD *Transition report 1999, 2003 – 2006 гг.*, данные национальных органов статистики, МВФ и Всемирного банка.

Таблица 2

Инфляция* в отдельных переходных странах, 1992 – 2006 гг.

Страна	1992	1995	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006**
Венгрия	23	28,2	14,3	10	9,8	9,2	5,3	4,7	6,8	3,6	4,0
Польша	43	27,8	11,8	7,3	10,1	5,5	1,9	0,8	3,5	2,1	1,6
Чехия	11,1	9,1	10,7	2,1	4	4,7	1,8	0,2	2,8	1,9	2,9
Словения	207,3	13,5	7,9	6,1	8,9	8,4	7,5	5,6	3,6	2,5	2,5
Литва	1020,5	39,6	5,1	0,8	1	1,5	0,3	-1,2	1,2	2,7	3,1
Латвия	951,2	25	4,7	2,4	2,6	2,5	1,9	2,9	6,2	6,7	6,2
Эстония	1076	29	8,1	3,3	4	5,8	3,6	1,3	3,0	4,1	3,6
Россия	1526	197,7	27,6	86,1	20,8	21,6	15,7	13,7	11,0	11,3	9,8
Украина	1210	377	10,6	22,7	28,2	12	0,8	5,2	9,0	13,5	8,4
Казахстан	1381	176,3	7,1	8,3	13,2	8,4	5,9	6,4	6,9	7,6	8,7

* Изменение среднегодового ИПЦ в %.

** Оценка .

Источник: EBRD *Transition report, 2003 – 2006 гг.*, данные национальных органов статистики, МВФ и Всемирного банка.

Таблица 3

**Баланс государственного бюджета в отдельных переходных странах,
1992 – 2006 гг., % ВВП**

Страна	1992	1995	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006*
Венгрия	-6,1	-6,7	-4,8	-3,4	-3,4	-4,7	-9,2	-6,5	-5,4	-6,1	-8,6
Польша	-4,9	-3,1	-3,2	-3,3	-2,3	-3,7	-3,2	-4,7	-3,9	-2,4	-2,8
Чехия	-3,1	-1,1	-2,4	-2,8	-3,8	-5,8	-6,8	-6,6	-2,9	-2,6	-3,3
Словения	0,3	-0,3	-1,4	-0,9	-1,3	-1,3	-2,9	-1,3	-1,4	-1,1	1,5
Литва	0,5	-4,4	-5,8	-8,5	-2,5	-2	-1,4	-1,2	-1,5	-0,5	-1,8
Латвия	-0,8	-4	-0,8	-3,9	-2,8	-2,1	-2,3	-1,2	-0,9	0,2	-1,5
Эстония	5,2	-1,3	-0,3	-4,3	-0,6	0,3	0,9	2,3	1,4	1,6	0,1
Россия	-18,9	-6,6	-8,2	-3,1	3,2	2,7	0,6	1,1	5,0	7,5	6,7
Украина	-25,4	-6,1	-2,8	-2,4	-1,1	-0,9	0,1	-0,7	-4,5	-2,8	-3,2
Казахстан	-7,3	-3,4	-8	-5,2	-1,0	2,7	1,4	2,9	2,6	6	5,7

* Оценка.

Источник: EBRD Transition report, 2003 – 2006 гг., данные национальных органов статистики, МВФ и Всемирного банка.

Таблица 4

**Общие государственные расходы в отдельных переходных странах,
1993 – 2005 гг., % ВВП**

Страна	1993	1996	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Венгрия	54,6	48,8	50,4	47,7	48,7	52,6	50,2	48,9	50,6
Польша	50,5	46,4	40,1	43,6	43,6	44,2	44,6	42,5	43,2
Чехия	41,9	42,2	38,4	42,6	45,2	47,3	47,7	44,6	44,1
Словения	46,7	42,9	41,7	43	44	43,6	44	44,1	44,4
Литва	35,1	34,2	36,9	32,5	31,0	30,6	30,8	33,5	32,9
Латвия	35,2	39,5	40,2	36,7	34,6	35,3	34,6	35,6	37
Эстония	40,3	40,5	38,2	35,3	33,5	34,3	34,1	35,9	38,5
Россия	44,7	45,3	42,5	33,7	33,7	37,1	35,7	33,6	36
Украина	54,5	39,9	38	34,5	34,4	35,6	37,2	40,0	42,7
Казахстан	25,2	18,6	26,1	23,2	23,0	21,0	22,5	22,0	22,6

Источник: EBRD Transition report, 2003 – 2005 гг., данные национальных органов статистики, МВФ и Всемирного банка.

Таблица 5

Динамика внешнего долга в переходных странах, 1995 – 2005 гг., % ВВП

Страна	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Венгрия	70,9	61,9	53,3	58	61,1	64,4	64,9	56,2	64,7	74,6	75,5
Польша	44,1	35,3	36,6	37,3	42,2	40,5	37,8	42,9	49,4	51	43,3
Чехия	33	36,7	40,8	42,7	38,7	38,1	36,2	35,8	38,2	41,8	36,8
Словения	15,8	21,1	22,6	25,1	38	45,7	46,4	54	59,7	63,8	67,2
Литва	22,2	30,5	34,3	34,9	42,6	42,4	43,4	43,8	44,9	46,6	47,7
Латвия	40	41	49	50,9	57,5	60,0	67,0	75,6	83,5	92,4	101,1
Эстония	17,5	35,2	55,5	56	55,4	53,5	53,0	64,4	73,6	86	86,7

Страна	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Россия	47,3	36,7	44,6	70,4	90,3	61,6	49,3	49,2	46,4	38,6	35
Украина	21,4	19,8	19,2	26,5	42,8	37,8	31,8	30,1	29,1	31,0	29,6
Казахстан	28,7	27,8	35	45	71,9	69,3	68,4	74,1	74,3	74,0	74,0

Источник: EBRD *Transition report, 2003 – 2006 гг.*, данные национальных органов статистики, МВФ и Всемирного банка.

Таблица 6

Параметры делового климата. Бизнес под жесткой опекой государства

Показатель	РБ	РФ	Украина	Казахстан	Латвия	Литва	Польша
Валовой национальный доход на душу населения, \$	2760	4460	1520	2930	6760	7050	7110
Население, млн. чел.	9,77	143,15	47,11	15,15	2,3	3,42	38,16
Место по качеству делового климата	129	96	128	63	24	15	74
1. Открытие бизнеса							
1. Число процедур	16	10	9	7	5	7	10
2. Время, дней	69	33	25	20	16	26	31
3. Издержки, % дохода на душу населения	26,1	9,2	4,8	7	3,5	2,8	21,4
4. Минимальный капитал, % дохода на душу населения	36,4	198,8	39,1	23,1	26,1	48,8	204,4
2. Лицензирование							
5. Число процедур	18	18	13	32	22	14	25
6. Время, дней	354	242	272	248	152	151	322
7. Издержки, % дохода на душу населения	17,5	186,5	17,1	35	36,3	18,2	85,6
3. Наем и увольнение рабочих							
8. Индекс трудности найма, 0 - 100	0	44	17	0	67	33	0
9. Индекс жесткости рабочего времени, 0 - 100	40	40	60	60	40	80	60
10. Индекс трудности увольнения, 0 - 100	40	80	40	10	70	30	40
11. Индекс жесткости найма, 0 - 100	27	55	39	23	59	48	33
12. Издержки найма, % зарплаты	39,1	38,8	35,2	22	24,1	31,2	21,4
13. Издержки увольнения, число недель зарплаты	21,7	13	13	8,7	17,3	30,3	13
4. Регистрация собственности							
14. Число процедур	7	10	3	8	8	3	6
15. Время, дней	231	93	17	52	54	3	197
16. Цена, % стоимости собственности	0,1	3,4	0,1	1,8	2	0,7	2
5. Получение кредита							
17. Индекс силы юридических прав, 0 - 10	2	8	9	5	8	4	4

Глава I.

Определимся с терминами

18. Индекс глубины кредитной информации, 0 - 6	3	0	3	4	4	6	4
19. Покрытие государственным реестром, % взрослых	0	0	1	0	1,9	4,2	0
20. Покрытие частным реестром, % взрослых	0	0	45,3	5,5	0	7,2	38,1
6. Защита инвесторов							
21. Индекс раскрытия информации, 0 - 10	3	3	4	1	4	4	2
22. Индекс обязательств директора, 0 - 10	1	1	2	7	5	6	7
23. Индекс легкости защиты прав акционера в суде, 0 - 10	7	7	7	9	8	6	9
24. Индекс степени защиты прав инвестора, 0 - 10	3,7	3,7	4,3	5,7	5,7	5,3	6
7. Налоги							
25. Число платежей	125	98	30	34	8	13	43
26. Время, часов в год	1188	2185	344	156	320	162	175
27. Общий объем уплачиваемых налогов, % валовой прибыли	186,1	60,3	48,9	45	42,6	48,4	38,4
8. Легкость перемещения товаров через границу							
28. Число документов на экспорт	7	6	9	14	6	5	6
29. Стоимость экспорта, \$ на контейнер	1472	1009	1015	278	965	704	226
30. Время для экспорта, дней	33	33	20	93	11	6	19
31. Число документов на импорт	7	10	8	18	5	12	7
32. Стоимость импорта, \$ на контейнер	1472	1025	105	288	965	782	226
33. Время для импорта, дней	36	46	21	87	12	17	26
9. Принуждение к исполнению контракта							
34. Число процедур	28	28	27	37	21	24	41
35. Время, дней	225	183	565	183	240	166	980
36. Издержки, % долга	21,1	16	15,7	11,5	11,8	8,6	10
10. Закрытие бизнеса							
37. Время, лет	5,8	2,9	4	3,3	3	1,7	3
38. Стоимость, % активов	22	42	18	18	13	7	22
39. Возмещение долга, центов с доллара	25,7	8,7	48,1	23,6	34,8	50,5	27,9

Источник: *Doing business 2007, World bank, IFC*

5. Почему люди по умолчанию выбирают коллективизм и антилиберализм.

Идеологический гамбит социалистов

Безыдейных людей не бывает. Есть люди, которые четко осознают свои ценности, цели и выбирают адекватные средства для их достижения. Их меньшинство. Основная масса людей никогда не задает себе сложных вопросов типа «Зачем люди живут?», «Какая у тебя цель в жизни?», «Какие ценности являются для тебя главными?», «Можно ли использовать аппарат насилия (государство) для достижения своих личных целей?».

Обыкновенный человек считает, что идеология – это пустопорожнее занятие для яйцеголовых, что она лишь мешает наслаждаться жизнью. Зачем забивать себе голову разными сложными вопросами, если надо ходить на работу, ездить на дачу, думать, чем прокормить детей и как помочь родителям пенсионерам? Весь отдыkh сводится к праздному времяпрепровождению перед телевизором, застолью с обильной выпивкой или, в лучшем случае, к банальным мероприятиям. Большую часть времени человек думает над тем, как ему выживать: как не потерять работу, найти дополнительный заработок, оплатить счета за квартиру, купить машину или найти деньги на обучение детей. Ему кажется, что для этого идеология, культура совсем не нужны, что философия и реальная жизнь – это параллельные миры, которые пересекаются лишь в воспаленном воображении отдельных политиков или ученых, преподающих на скучных кафедрах общественных наук.

Вызвать отвращение людей к идеологии, философии и сфере идей, предоставить право заниматься этим «неблагородным, грязным» делом штатных идеологов – главная задача авторитарной власти. «Пусть другие думают, а мы будем просто работать», – так часто рассуждают обыкновенные люди. Бинго! Они попались в ловушку философофобии. Они считают, что могут игнорировать власть, откупаться от нее взятками и мелкими подачками. И сильно ошибаются. Власть не только определяет размеры налоговых ставок, нормирует производственные затраты, устанавливает цены, порядок регистрации предприятий или лицензирования. Получив право устанавливать монополию в сфере образования, власть учит воспитателей и учителей. Государство утверждает программы школ и вузов, доминирует на ТВ, радио и в прессе, поддерживает коллективистские интерпретации христианства. Государство посадило людей в жесткую идеологическую клетку. Людям дали право выбора, но резко ограничили варианты выбора. Это как дать человеку тест и предложить ему только три варианта ответа. При этом вся мощная идеологическая машина государства работает на то, чтобы человек сам пришел к выводу, что других вариантов просто не существует. Жестко регулируемое образование порождает общественное одобрение управляемой демократии, этого современного политического оксиморона.

Страхи и зависть

Человек, попавший в клетку добровольного самопожертвования ради великой национальной идеи, которую, кстати, в переходных странах никто конкретно и не определил, не спорит с тем, что государство должно забрать у него 70% зарабатыва-

мых им денег. Он спорит лишь о том, под каким «соусом» это лучше сделать. Человек не ставит под сомнение то, что государство должно заботиться о нем от рождения и до смерти. Он лишь выбирает формы и методы направляющей и руководящей силы государства (ценорегулирование, лицензирование, сертификация, внешнеторговый протекционизм, налоги, льготы и т.д.). Людей приучили к мысли, что лучший способ решения даже небольших проблем – через государство. Не через семью, не через переговоры между партнерами, не через местное сообщество или общественные организации, а именно через государство. Обращение к универсальному посреднику, который перераспределяет чужие деньги и предоставляет об этом отчет, стало печальной традицией XX века, причем как на Западе, так и на Востоке.

При помощи нехитрых манипуляций, нагнетания страхов, подпитки фобий власти убеждают людей (такие методики убеждения скорее напоминают зомбирование), что те являются мелкими пешками большого благородного государства, что жить ради великого государства – это самая благородная идея. Они – слуги великой национальной идеи. Они должны гордиться сильным процветающим государством и ради этого жертвовать результатами почти девятимесячного труда (в Беларуси человек прекращает работать на государство и начинает работать на себя в сентябре – такова сегодня налоговая нагрузка и объем затрат на выполнение требований государства).

Основными фобиями и страхами в переходных странах являются: 1) страх потерять работу («придут иностранные инвесторы, сразу большинство рабочих будет уволено», «частники не заинтересованы в создании рабочих мест, поэтому государство должно оставаться основным собственником» и т.п.); 2) страх остаться бедным в старости («государство должно заботиться о стариках, поэтому пенсионная реформа недопустима», «если государство не поможет старикам, никто не поможет», «частные пенсионные фонды заинтересованы только в строительстве финансовых пирамид, поэтому допускать их к пенсионным сбережениям людей нельзя»); 3) страх высоких цен, образования частных монополий («нельзя либерализовать цены, потому что производители и спекулянты сразу резко увеличат их», «надо контролировать бизнесы, потому что они могут объединиться, создать заговор против потребителей и резко поднять цены»); 4) страх перед иностранными товарами и деньгами, т. е. страх проиграть в конкурентной борьбе («надо защищать национального производителя перед несправедливой конкуренцией со стороны иностранцев», «если допустить иностранцев на наш рынок, они все купят», «иностранным нужны только легкие деньги, а не рабочие места и социальная поддержка белорусов»); 5) страх остаться без услуг образования, здравоохранения, ЖКУ, транспорта («только государство в состоянии обеспечить качественное образование/здравоохранение для всех», «ЖКХ – это естественная монополия, здесь нет места для частных интересов»); 6) страх никогда не купить квартиру («государство должно субсидировать строительство жилья», «государство должно само строить жилье, потому что частные компании склонны игнорировать вопросы безопасности строительства»); 7) страх перед преступниками, внешними врагами («нельзя жалеть деньги на борьбу с мафией», «нельзя допускать частный капитал в охранный бизнес», «Запад хочет навязать нам свою волю», «где бел правит частный бизнес, там и зарождается преступность»); 8) страх попасть в кабалу к иностранному государству (мировому капиталу, ТНК, НАТО и т.п.). Потворствуя этому страху, правительства жестко цепля-

ются за суверенитет, распространяя его не только на политические и правовые институты, но и на экономику. Концепция экономической безопасности стала современным прикрытием традиционной меркантилистской политики.

Происхождение страхов современных белорусов, россиян или украинцев близко к причинам страхов первобытного или средневекового человека. Их корень в: 1) недостатке знаний; 2) искажении и сознательном извращении истории; 3) методологических манипуляциях эмпирическими данными; 4) неправильном определении причинно-следственных связей («после того» не значит «по причине того»). Страх перед свободным рынком и частной собственностью сегодня сродни страху перед громовержцем Зевсом или тотемным волком (чудовищем), который требовал в жертву детей или девственниц. Эти страхи являются благоприятной почвой для формирования или сохранения в качестве *mainstream* идеологии колlettivизма, этатизма (доминации государства во всех сферах общественной жизни), культуры подчиненности индивидуума большому «благородному» национальному государству. На их основе создавались неформальные институты общества, которые и формируют информационный, идеологический фон «по умолчанию». Они были скреплены и интенсифицированы очень сильным человеческим чувством – завистью. Это была зависть к: 1) богатым («они-де паразиты, не заработали, а украли»); 2) работающим и умелцам («у них получается, а у меня нет», «что ему больше других надо?», «нет, он не лучше, ему просто везет, ему постоянно помогают»); 3) собственникам («все богатство – это грабеж», «прогрессивное налогообложение справедливо»); 4) «белым воронам» – улыбающимся, внешне счастливым и довольным жизнью («страна в кризисе, а они, видишь ли, улыбаются», «в мире люди умирают от голода, а они шикуют», «я живу от зарплаты до зарплаты, а они на юга отдыхать ездят», «умный нашелся, вопросы задает властям: видно, сам хочет попасть к бюджетному «корыту»), т. е. к тем, кто либо выглядит иначе, либо ведет себя не так. Не зря же о непьющем человеке по привычке говорят: «больной или подлюка». Зависть является одним из основных факторов, которые до сих пор поддерживают идеологию прогрессивного налогообложения, налога на наследство и на доходы. Выравнивание стартовых условий, «справедливое» перераспределение, нормирование потребления, производства и сбережения – все эти проявления экономической политики получают одобрение людей, которые по умолчанию приняли социализм и некритически подходят к происхождению страхов.

Культура не спасла, лень и страх склоняли к выбору колlettivизма и этатизма

Неформальные институты, культурный *mainstream* стран бывшего Советского Союза, а также Центральной-Восточной Европы, формировались веками. Негативные элементы были резко усилены коммунистической идеологией, национализацией и монополизацией информационного рынка. Фобии и зависть были усилены. Знаний о причинно-следственных связях реального мира больше не стало. Школы и университеты были в полной власти профессоров и учителей, десятилетиями работавших в рамках социалистической, марксистско-ленинской идеологии. ВАКи внимательно следили за политкорректностью научных исследований. Идеологическое диссидентство физиков и математиков было еще возможно, особенно после дости-

жения ими определенного уровня научного признания. Научный плюрализм и развитие немарксистской, неколлективистской экономики или политической экономии на уровне официально разрешенных разработок было практически невозможно.

Советская профессура, преподавательский состав вузов смотрели на Запад и на его основные институты через призму критики буржуазных теорий, программы телевидения и статьи в газетах «Правда» и «Известия». Ни в школьных классах, ни в университетских аудиториях, тем более на улице или в церквях, не было не то что сторонников Л. фон Мизеса, Ф. Хаека, А. Рэнд или хотя бы идеологов эпохи Просвещения, но даже тех, кто знал бы об их существовании. Россияне и белорусы, украинцы и казахи имели крайне ограниченный доступ к иностранным источникам информации (не знали языков, не имели возможности путешествовать) и носителям идей свободы. Понять интеллектуальный расклад Запада было тем более сложно, что идеи экономической свободы, реального капитализма представляли их противники, которые повышали свой авторитет раскрученными интеллектуальными университетскими брендами типа Гарварда, Оксфорда, Кембриджа или Беркли.

В результате в начале 90-х гг. обыкновенные люди и ученые по умолчанию выбирали не индивидуализм, а идеологию колLECTивизма и этатизма. Это была идеология зависти, а не восхищения, неприятие разума как источника познания и средства выживания и акцептация мистицизма (слепой веры в государство, бога, эконометрические модели и т.д.), идеология культуры халявы, а не достижения («достать», а не «купить», «выбить», а не «заработать»), идеология зависимости и коллективной безответственности, а не свободы и персонифицированной ответственности за свой выбор. Люди воспринимали мир в сильно извращенном виде: рынок ассоциировался с хаосом, беззаконием и властью богатых, социализм – с социальной справедливостью, равенством и порядком; рынок обещал нестабильность, перемены и неопределенность будущего, социализм – пусть и несовершенное, но предсказуемое будущее; рынок требовал взяться за получение новых знаний, навыков и умений, социализм – развитие по инерции, по старинке, на старом багаже знаний и умений; рынок требовал активной борьбы с ленью, отказа от грубости в отношении с другими людьми, социализм повторствовал пассивности и работе по приказу начальника, но никак не проявлению творческого подхода и предпринимательского духа.

Человек понимает, что такое гордиться своим домом, семьей, воспитанными детьми, своим умением профессионально выполнить работу. Он опасается, что гордиться чем-то великим, абстрактным он еще не научился: не хватает знаний и формального образования. Чтобы не казаться неучем, он имитирует поддержку большому, «заботливому» государству. Так, за компанию, потому что все это делают, потому что так поступает Запад. Не быть же белой вороной! Поведение под влиянием императивов «быть, как все», «не высыватьсь», «пусты лучше синица в руках, чем журавль в небе», «а может, так и надо» – это свидетельство принятия колLECTивистской идеологии, философии социализма по умолчанию. На уровне экономического образования это выплилось в некритическую акцептацию *Economics* в исполнении П. Самуэльсона и разновидностей кейнсианства в теории.

Ученые и простые люди решили сократить транзакционные издержки получения новых знаний, приняв то, что бесплатно или часто с доплатой предлагали им западные аналитики, эксперты и ученые. Они добровольно решали не инвестиро-

вать свое время, внимание и ресурсы в получение информации и изучение идеологии и культуры. Как следствие, политики и бюрократы, как государственные служащие (заметьте разницу в названии работы – «служащий», а не государственный «рабочий»), трансформировали формы и рычаги управления экономикой, прочно сохранив за собой не только командные высоты, но и гораздо более широкое поле для государственного интервенционизма. В такой ситуации резко возросли издержки простого человека по выживанию и экономической деятельности в постсоветских странах. Огромная эмоциональная и психологическая энергия людей на постсоветском пространстве была успешно «канализирована» манипуляторами, рационально и радикально невежественными политиками и экспертами в русло кризисогенного западного *welfare state*, но без разделения властей, свободы СМИ и института частной собственности. В такой ситуации уход в «серую» экономику можно интерпретировать как аналог реализации средневекового права людей восставать против государства, которое хочет получить от граждан слишком много налогов.

Идеи свободы так и остались *non grata*

Как в странах бывшего Советского Союза, так и в большинстве стран ЦВЕ в начале 90-х гг. философии свободы просто неоткуда было взяться. Тоталитарное государство, возведя Железный занавес и изолируя инакомыслящих, практически не оставил шансов для сохранения даже небольших островков свободы, интеллектуальных диссидентов, которые сохранили бы традиции либерализма. Эти традиции получили мощный удар как от коммунистов, так и от фашистов, которые физически уничтожили миллионы людей, проживавших на территории стран бывшего СССР. Архивы по-прежнему были закрытыми, а история сильно извращена коммунистическими идеологами.

Перестройка, гласность и первые шаги реформ не были направлены на создание основ реального капитализма хотя бы по той простой причине, что его тогда никто не знал и не мог четко определить его параметры. Модель, доминировавшая на Западе, стала для большинства реформаторов тем идеалом, к которому они начали активное продвижение.

Номенклатура занялась перераспределением активов и установлением контроля над финансовыми и ресурсными потоками, а не формированием новой интеллектуальной элиты. На первом этапе реформ сфера образования была пущена на самотек. Преподаватели не могли учить по-старому. На смену коммунистическим учебникам пришли... вырезки из газет и первые переводные лекции западных экономистов, представляющих *mainstream*. Институты занялись сменой вывесок и повально становились университетами. До кардинальной смены программ обучения руки не доходили. Да и менять-то было некому, потому что вся власть в вузах находилась в руках освященных социализмом и одаренных его привилегиями ученых и администраторов. Правительство, находясь в плена заблуждения о превосходстве советской системы образования, также не формировало заказ на ее кардинальную реформу. В базовой парадигме вашингтонского консенсуса «стабилизация – либерализация – институциональные преобразования» не нашлось места для рыночной теории и идеологии. Реформаторы концентрировались на материальных объектах. Предлагая-

мые преобразования сопровождались засильем цифр и непонятных для подавляющего числа людей терминов. Марксисты и интервенционисты получили косвенное подтверждение того, что для либералов и демократов, т. е. людей, которые так себя называли безотносительно к реальным убеждениям, главное не человек, не его душа, а деньги, капитал и телесные утехи.

Ни одно государство региона не внесло в повестку дня вопрос о приватизации СМИ и создании реального плюорализма в философской, экономической и политической сферах. Полисимейкеры оправдывали сохранение госсобственности тем, что им якобы надо иметь рупор для продвижения своих идей. В результате получилось, что телевидение, как «командная высота» современной информационной экономики, стало использоваться для повторного захвата электората ненасильственными методами. Откуда простой белорус, россиянин или украинец мог вдруг проникнуться симпатией к философии свободы, идеологии индивидуального достижения и политике капитализма, если знания о реальной сути этих явлений были чрезвычайно скучными, если доминировали мифы, страхи и фобии? Поэтому на постсоветском пространстве граждане по умолчанию выбрали все тот же модифицированный колективизм и этатизм, сдобренный большой долей религиозного мистицизма и облеченный в новые вербальные одежду.

Политэкономия социализма стала «Экономиксом», Госплан превратился в Минэкономики с его научными структурными подразделениями. В Беларуси Госснаб трансформировался в Управление делами президента и мощные коммерческие структуры при каждом гор- и облисполкоме. В России, на Украине и в странах ЦВЕ хозяйствственные подразделения партии, профсоюзов и комсомола уступили место акционерным обществам, в которых продолжал доминировать чиновник. Вместо высшей партийной школы стали появляться бизнес-школы. «Слуги народа» с удовольствием пересели из черных «волг» в черные «мерседесы». Трансформация формы совершилась. С подачи и согласия интеллектуалов и экспертов Запада социалистический гамбит был проведен блестяще. Большинство людей, испытав резкое снижение уровня жизни, пройдя период нестабильности и ломки привычного уклада жизни, увидев поведение олигархов и беззаконие и слабость власти в течение трансформационного периода, связала это с последствиями реализации либеральной, демократической модели. Тем более что многие полисимейкеры называли себя либералами, проводимые реформы – либеральными, получившуюся модель – либерализмом.

Отсюда пошел тезис о том, что для России, Беларуси или Украины западная модель, т. е. либерализм и демократия, не подходит, что нужна управляемая демократия и регулируемый рынок. Таким образом, колLECTИВИЗМ, получив дополнительные аргументы и эмоциональные картинки («смотрите, к какому неравенству, бедности, бандитизму и коррупции привел либерализм») в период системных трансформаций 1991 – 2005 гг., опять стал доминирующей идеологией. Научный коммунизм, на некоторое время сойдя с научного Олимпа, руками все тех же профессоров и экспертов также восстановил свои позиции, но в новых одеждах. В помощь политикам и номенклатуре, которые искали научное и моральное оправдание своему праву распределить и тратить чужие деньги, была призвана эконометрика, экономика развития (*development economics*), различные модификации институционализма и кейнси-

анства. Общепринятыми идеологемами стали эмоционально и электорально привлекательные концепции «устойчивое развитие», «догоняющее развитие», «социальное равенство» и т. д. Коллективисты умело воспользовались услугами пиарщиков и создавали привлекательный образ нового коллективизма. В свое время этот трюк получился у Тони Блэра с его лейбористской партией. К сожалению, люди и структуры, которые в сознании многих ассоциировались с индивидуализмом и либерализмом, продолжали говорить о ставке рефинансирования, девальвации, форексном рынке и фискальных дисбалансах. Технократический подход к реформам при отсутствии идеологии капитализма должен был привести к поражению реформаторов, которые называли себя либералами, и восстановлению позиций коллективизма и социализма.

В этом плане белорусские власти пошли еще дальше. После четырнадцатилетнего отсутствия в белорусские вузы, школы и на предприятия вернулась государственная идеология. На каждом государственном предприятии есть заместитель директора по идеологии. В каждой частной компании должна проводиться идеологическая работа. На этот раз акцент делается не на восстановлении социализма, а на реализации лозунга «За сильную, процветающую Беларусь!». Как и клише «устойчивое развитие», этоается без особых пояснений. Причем содержание проводимой политики убедительно доказывает, что из страны развитого социализма Беларусь превратилась в типичное олигархическое, бюрократическое государство, где властная политическая и экономическая элита живет за счет всего населения. Пере распределение богатства происходит как через бюджет, так и через жесткое регулирование входа на рынок и олигополизацию наиболее прибыльных секторов экономики. Кроме этого, используются такие способы перераспределения богатства, как инфляция, курсовая разница, высокие процентные ставки по рублевым депозитам, с одной стороны, и льготные кредиты, списание долгов - с другой. Приватизация потоков (финансовых, ресурсных) и национализация убытков – вот что является ярким доказательством тождественности белорусской модели в рамках БССР и РБ.

По сравнению с Беларусью Россия ушла от модели социалистического интервенционизма гораздо дальше. Однако сохранение в собственности государства так называемых «командных высот» экономики, в том числе электронных СМИ, управляемая демократия и сильная власть номенклатуры через тысячи инструментов «разумного» регулирования и защиты человека от опасностей рынка позволяют сделать вывод о «белоруссизации» России. В 2004 – 2006 гг. этот процесс явно ускорился.

Наконец, самым убедительным доказательством устойчивости коллективизма и продолжения социализации экономики является сохранение монополии государства на деньги во всех странах бывшего соцлагеря. Ни одна страна даже теоретически не рассматривала проект введения частных денег, переход от фидuciарных денег к золотому стандарту как способу эффективной и последовательной деполитизации денег. Запад настоятельно рекомендовал постсоциалистическим странам проводить малую приватизацию, либерализацию цен, снижение инфляции и многопартийную демократию. Однако ни один советник МВФ, Всемирного банка, ОЭСР или ЕС не посоветовал отделить деньги от государства путем введения золотого стандарта или даже легализации полноценной конкуренции денег.

***Freeloading*, или просто халява**

Идеологические фундаменты системы остались прежними. Это никак не уважение собственности и естественных прав человека. Это не гордость за творческие достижения. Это не свобода выбора и не ответственность за него. Это продолжение идеологии присвоения результатов чужого труда, иждивенчества, коллективной безответственности. Говоря простым языком, это идеология халявы, а не творческого труда.

Понятие «халава» интернационально. Оно появилось задолго до социалистического эксперимента. В английском языке халава – это *freeloading*, или *sponging*. На бытовом уровне или уровне местного сообщества оно проявляется в банальном воровстве государственного имущества, бесплатном использовании госимущества для получения личной выгоды. Украдь тюк соломы или корм из колхоза, кирпичи или стройматериалы со стройки, металл или готовые товары с завода – типичное проявление идеологии халавы. Она не находит общественного осуждения и в ситуации, когда действия государства воспринимаются как несправедливые, наоборот, даже поощряются и считается проявлением смекалки. Воровство на дачах, вынос товаров из магазинов, обсчет и обвес покупателей, воровство товаров со складов компаний ее сотрудниками, работа таксистов с выключенными счетчиком (обман как компании, так и государства), обслуживание покупателей в магазинах и на рынках без выдачи чеков, подделка студенческих билетов ради получения транспортных льгот – все это примеры получения ценностей или благ за чужой счет, в нарушение принятых правил и подписанных документов.

Все большее распространение получает мелкое воровство на уровне домашних хозяйств. Участились набеги на богатые дома и офисы фирм. Взяточничество и покупка услуг чиновников стали нормой. ГАИ, милиция, таможня, прокуратура, судьи, ЖЭСы, учебные и лечебные заведения, не говоря уже об органах государственной власти, выдающих лицензии, сертификаты, справки, – все продается и покупается. Водительские удостоверения, дипломы и кандидатские степени, экзамены и зачеты, медицинские справки и сертификаты качества, приговоры судов и свидетельские показания, возможность не служить в армии – в постсоветских странах создан рынок того, что в принципе не может продаваться. Все это является проявлением идеологии халавы, иждивенчества, коллективной безответственности на уровне местного сообщества. Если здесь бытуют такие нормы поведения, то чего можно ожидать от поведения номенклатуры? С другой стороны, формирование традиции халавы является следствием принятия по умолчанию огромных полномочий государства. Будучи всеобъемлющим и всеохватывающим в Советском Союзе, оно не справилось ни с одной из поставленных задач. Оно убедительно показало свою экономическую, научную, нравственную, экологическую и гуманитарную несостоятельность. Да, реформаторы сократили полномочия государства, но вместо концепции малого государства, «ночного сторожа» была принята модель *welfare state*, которая также проповедует принцип заботы о человеке от *cradle to grave*, т. е. от рождения до смерти. Ни одна переходная страна нашего региона не провела административную реформу, которая сформировала бы по-настоящему либеральное государство. Замена лиц в рамках старой модели управления неизменно заканчивалась коррупцией, кумовством и резким снижением предложения кардинальных реформ.

Поведение новой власти Украины в 2005 – 2006 гг. под руководством Виктора Ющенко – яркое тому подтверждение.

Примеры *freeloading*, или халавы в действиях местных и республиканских органов власти многочисленны. Произвольно выдаваемые дотации, налоговые льготы и каникулы, списание долгов, торговый протекционизм, манипуляция тендерами, получение ресурсов за счет государства по сниженным ценам, дискриминация частных и иностранных конкурентов – все эти инструменты присвоения чужого имущества, получения ценностей вне рамок эквивалентного обмена широко распространены в любой транзитивной стране. Они являются составными частями, способами реализации государственной идеологии. Несколько в иных формах и в другой интенсивности они развиты как в Европейском союзе, так и в США.

Почему же идеология халавы получила у нас такое широкое распространение? Во-первых, по причине преимущественной анонимности собственников имущества, ресурсов или активов, которые служат источником получения незаработанного. В России, Беларуси, на Украине и даже в странах ЦВЕ институт частной собственности сильно статизирован, а в Беларуси он практически отсутствует, что позволяет людям самостоятельно определять способы дележа национального, т. е. ничьего, богатства. Во-вторых, безнаказанность, т. е. лояльное отношение как простых людей, так и чиновников и силовых структур к перераспределению казенного имущества в свою пользу. В-третьих, отсутствие общественного контроля за механизмами распределения госресурсов как на национальном, так и на местном уровне. Высшие чиновники манипулируют компроматом, множат количество «крючков» на халавщиков, которые служат в госорганах, морально поощряя идеологию, по сути дела, воровства. В-четвертых, отсутствие политической конкуренции и развитого гражданского общества. За мелкие подачки, за «тридцать серебренников», за право получать халаву и распределять имущество по своим правилам чиновники, члены избирательных комиссий, госслужащие лишают граждан права выбирать и быть избранными. Последняя причина особенно актуальна для вернувшейся в социализм Беларуси. Здесь уже давно не проводятся выборы, а имеют место политические кампании по заранее написанному сценарию и с установленным результатом. Политическая монополия направлена на сохранение идеологической монополии (информационной, образовательной), которая, в свою очередь, внушает людям тезис о моральности, справедливости проводимой политики, о том, что даже если в ней и есть недостатки, то это лучшее из всех возможных альтернатив. При этом сами альтернативы интерпретируются исключительно представителями властей.

Наконец, идеология халавы получила широкое распространение из-за чрезвычайно низкого качества услуг, которые оказывает гражданам государство. Его слабость создала спрос на альтернативные силовые структуры, институты определения справедливости и критерии нравственности.

Идеологический гамбит

День освобождения от налогов (*tax freedom day*) в разных странах убедительно демонстрирует две вещи. Во-первых, глубину укоренения коллективистской идеологии и склонность людей добровольно передавать большую часть своего дохода политикам и бюрократам. Во-вторых, он демонстрирует несостоятельность

утверждения Ф. Фукуямы о конце истории, т. е. о полной и безоговорочной победе либерализма, демократии. Вопреки расхожему мнению, социализм ни идеально, ни теоретически, ни тем более на уровне экономической политики, не ушел в забвение и не проиграл либерализму. Можно сказать, что социализм совершил гамбит, отвлекающий маневр, пожертвовав небольшим ради сохранения стратегических позиций на рынке идей и в экономической политике.

Ошибка было бы считать, что в конце 80-х – начале 90-х гг. социализм потерпел полное поражение от капитализма. Ликование западных политиков, СМИ и гражданского общества по этому поводу напоминает реакцию на разрушение символа зла. Да, падение Берлинской стены, распад Советского Союза – несомненно, исторические, знаковые события в идеологической борьбе. Это как битва под Москвой во время Великой Отечественной войны. Она была выиграна, но победа во всей войне была далеко не предрешенной. Социалисты и коллективисты, сначала растерявшиеся, решили сыграть гамбит, но о проигрыше партии, тем более матча не было и речи.

После развала социалистической системы все внимание было уделено только новым переходным странам, тому, как им стать рыночными, т. е. соответствовать стандартам Запада образца 90-х гг. Распад Советского Союза не стал для западных экспертов, ученых, тем более политиков, причиной для ревизии собственной экономической политики, теории и идеологии. В то время не было противопоставления социализма чистого капитализма, т. е. системы централизованного и децентрализованного принятия экономических решений. Конфликт был между сильно социализированным Западом и социалистическим СССР. После второй мировой войны Великобритания, Германия, Франция, Италия, в меньшей степени США, национализировали многие сектора экономики, установили прогрессивные налоги, проводили яркую интервенционистскую политику. Американский Голливуд, не говоря уже о европейском кинематографе и искусстве, был ярко антипредпринимательским, антирыночным. Они явно симпатизировали социалистам. Политические партии, проповедовавшие коллективистскую идеологию, на квазикапиталистическом Западе находились либо во власти, либо в системной оппозиции. Западная Европа в 90-х гг. вообще попала во власть коллективистов в лице социал-демократических партий (Германия, Великобритания, Швеция и т.д.).

Для большинства западных идеологов распад СССР был следствием неправильно понявшими социализм русских или славян. Они не связывали первые серьезные признаки кризиса своей системы с качеством их идеологии. Советский Союз лишь довел до логического завершения многие идеи, которые доминировали в западной идеологии. Кризис системы *welfare state* в Новой Зеландии середины 80-х, в Швеции, кризис в Великобритании и перестройка в исполнении Маргарет Тэтчер, провал попыток Запада подтянуть к своим стандартам Африку, Азию и Южную Америку через догмы *development economics* – Западу так же нужна была идеологическая революция, как и странам бывшего СССР. Однако ревизии на Западе не получилось. Кто бы мог ее провести? Во-первых, не было политического заказа, потому что либерализм в той же Европе имел очень слабые электоральные позиции. Стали возникать мощные экологические движения и партии. Социалистические движения быстро трансформировались, а консерваторы и христианские демо克拉ты находи-

лись под тяжестью электорального бремени М. Тэтчер, Г. Коля или К. Билдта. В дополнение к этому на политическую сцену стали активно выходить мощные международные неправительственные организации, носители антиглобалистской, антирыночной идеологии.

Во-вторых, ведущие научные, интеллектуальные центры Запада работали на бюджетных деньгах. В них явно доминировали различные коллективистские теории. Профессура гуманитарных дисциплин, в том числе экономики, была источником идеологии *welfare state*. Никто не поставил под сомнение ее выводы и роль в современных кризисах. Если в странах Советского Союза марксизм резко потерял привлекательность, то в Европе доминировал скорее ревизионистский подход, который вылился в выработку новых коллективистских идеологем типа «устойчивое развитие». Сегодня многие российские, белорусские и украинские экономисты из академий и брендовых вузов активно используют западные подходы и содержание курсов, что грозит еще большей статизацией экономической науки на постсоветском пространстве.

В-третьих, присоединению Запада к антисоциалистической идеологической коалиции мешали западные СМИ, которые были и остаются сильно социализированными и ярко антирыночными. Европе, в которой у власти находятся социалистические и коммунистические партии, где сохраняется сильное присутствие государства на рынке информации, поставить знак равенства между фашизмом и коммунизмом, между преступлениями Гитлера и Сталина было очень трудно. Ситуацию усугублял тот факт, что большой бизнес активно поддерживал коллективистскую идеологию, став одним из ярких антирыночных институтов.

В-четвертых, критика социализма сконцентрировалась на гуманитарных, политических, правовых аспектах, в которых Запад действительно имел явное преимущество. Однако западные экономисты из *mainstream* не провели полноценного теоретического анализа социализма, не вспомнили о проблеме экономического расчета, которую так ярко описали Л. фон Мизес и Ф. Хаек, не сделали акцента на роли предпринимателя и важности механизма «прибыль – убытки», не отказались от кейнсианского нормирования, оптимизации и сбалансирования экономики. Переход к методологическому индивидуализму, отказ от агрегатной экономической теории без человека не состоялся. Представители австрийской школы экономики, А. Рэнд и многие другие защитники свободного рынка оказались правы, но ни широкая публика, ни студенты и аспиранты большинства западных вузов об этом до сих пор не знают. Экс-коммуникация, т. е. исключение из коммуникации – этот метод продолжают использовать западные идеологи в отношении ученых и практиков, которые не вписываются в научный, идеологический и политический *mainstream*.

Таким образом, коллективистские идеологии, сыграв гамбит, выиграли партию. Вопреки расхожему мнению, социализм не проиграл в начале 90-х. Он лишь трансформировался в электорально привлекательные формы, приобрел научообразность за счет интенсивного использования математического инструментария в экономике, geopolитической мифологизации в политологии и претензии на нравственное превосходство за счет обращения к людским чувствам, страхам и эмоциям.

Какая идеология нужна постсоциалистической стране

Напомним определение идеологии из «Словаря по правам человека»: «Идеология – это образец мнений и убеждений, которыми люди пользуются для объяснения и оценки мира таким образом, чтобы сформировать, установить, направить и оправдать определенные формы и методы деятельности. В политике идеология означает систему взглядов, которая находит свое выражение в политических доктринах». Новую систему взглядов надо формировать. Для этого надо: а) подготовить учителей и тренеров; б) представить новую идеологию в привлекательной, удобоваримой форме; в) реализовать кампанию по ее раскрутке; г) внедриться в официальные образовательные учреждения; д) убедить политические силы включить ее положения в свои программы и затем реализовать их через законодательство.

Либерализм – прекрасная идеология, но ему нужен качественный, профессиональный PR, новые одежды, модные, соответствующие вкусам потребителей XXI века. Его должны раскручивать и представлять привлекательные, умные и медийно влиятельные люди. Необходимо установить хорошие контакты со СМИ по тем вопросам, которые интересуют журналистов, редакторов. Если мы добавим ценности медийным проектам, медийные проекты добавят ценности нам. Либерализму XXI века нужна опора на независимые мозговые и ресурсные центры, которые вырабатывают альтернативные законопроекты, представляют интеллектуальную альтернативу колективистскому мейнстриму. Интеллектуальные продукты должны быть направлены на целевую аудиторию: студентов, аспирантов, молодых преподавателей и политиков, предпринимателей и гражданских активистов.

Новая идеология должна стать частью культуры, изменить качество неформальных институтов, которые во многом определяют поведение человека в жизни. Для лучшего понимания сути неформальных институтов напомним широкое определение культуры: «Человек вынужден приспособиться к условиям окружающей среды, для того чтобы выжить. Это приобретенное знание жизни, изменяемое и передаваемое из поколения в поколение, называется культурой. Культура складывается из предметов деятельности, которыми пользуется все человечество. Эти предметы могут быть двух основных видов: материальные и нематериальные. Материальная культура состоит из предметов или физических объектов, созданных людьми, таких, как одежда, школы, фабрики, города, книги, космические корабли, культовые знаки и т. п. Нематериальная культура складывается из более абстрактных понятий, таких, как языки, идеи, верования, правила, обычаи, мифы, навыки, образцы семейной жизни, политические системы и т. д. Возможно, по крайней мере концептуально, отделить «культуру» от «общества». Культура состоит из предметов деятельности общества, которыми оно пользуется; общество состоит из взаимодействующих между собой людей, объединенных одной культурой. Общество распадается без культуры. Культура, в свою очередь, не может существовать без общества, которое ее развивает».

Разумеется, процесс формирования новой культуры идет десятилетиями и не может быть совершен скачкообразно. Не надо строить иллюзии относительно того, что нам это удастся в течение одного поколения. Однако начать интеллектуальный процесс, катализировать его конкретными действиями можно и нужно. Наша задача – принять активное участие в формировании новой культуры общества, куль-

туры, которая гармонировала бы с духом предпринимательства в новой экономике, которая утверждала бы такие ценности, как свобода, разум, индивидуализм, личная ответственность за принимаемые решения, гордость за достижение, доброжелательность. Философия объективизма, автором которой является Айн Рэнд, может стать основой для новой культуры. Она является продолжением, развитием философских традиций Аристотеля, ученых и мыслителей эпохи Просвещения.

Идеология, построенная на данной философской основе, является антагонистической идеологии третьего пути, которую активно поддерживают антиглобалисты. Формально они выступают против социализма, считая, что хорошую идею извратили неподготовленные, плохие люди. При этом предложения сторонников третьего пути сводятся к известному набору мер. Бедные страны: а) могут нарушать права интеллектуальной собственности, если это выгодно народу; б) могут требовать того же уровня зарплат и социальных выплат, как и в богатых (не уточняя, за чей счет); в) должны заставлять миллионеров делиться сверхприбылью, что бы это ни значило, по справедливости; г) должны получать часть бюджетных доходов богатых стран, собираемых с нефтяных, газовых и других ресурсных компаний. По сути, это схема легализации халявы (*freeloading*) не только на уровне национального государства, но и в международных отношениях.

Чтобы сформировать и объяснить новый образец мнений и убеждений, которые генерировали бы и направляли определенные формы поведения, необходимо последовательно, системно продвигать философию человека как героя. Моральная цель его жизни – собственное счастье. Производственное достижение для него – самый благородный вид деятельности. Ему необходима философия как всеобъемлющая система идей о природе человека и сути мира, в котором мы живем. Это путеводитель по жизни, потому что он рассматривает базовые положения, которые влияют на выбор содержания жизни, а также на то, как мы относимся к другим людям.

Новая идеология и метафизика. Реальный мир объективно существует. Факты – это факты, они не зависят от чувств, пожеланий, надежд и страхов человека. Материя существует. Наша задача – изучить и понять ее. Люди обладают свободной волей. Они имеют возможность свободного выбора. Они сами формируют свою жизнь, а не идут фаталистически по какой-то предопределенной тропе.

Новая идеология и эпистемология (теория знаний). Разум – это способность идентифицировать и интегрировать данные, поступающие от органов чувственного восприятия. Разум интегрирует восприятия человека, формируя абстракции и концепции, поднимая уровень знаний с перспективного (восприятия), что свойственно животным, до концептуального. Метод, используемый для интеграции, называется логикой. Она определяется как способ непротиворечивой идентификации.

Новая идеология и мораль (этика). Суть морали разума заключается в одной аксиоме – материя существует (*existence exists*). Выбор человека – жить (выживать). Все остальное является производным от жизни. Чтобы жить, человек должен следовать трем руководящим ценностям: разум – цель – самоуважение. Разум является единственным инструментом получения знаний. Цель – выбор человеком формы своего личного счастья. Использование инструмента, т. е. разума, должно привести к его достижению. Самоуважение – твердая уверенность, что мозг компетентен

думать, что человек достоин счастья, т. е. что стоит жить так, как он себе представляет и какую жизнь выбирает.

Новая идеология и политика (правительство). Капитализм – это система, основанная на признании индивидуальных прав, включая право собственности, в которой вся собственность частная. Это система децентрализованного принятия экономических решений потребителями, предпринимателями, инвесторами, а не бюрократами или политиками, распределяющими чужие ресурсы. Признание прав человека предполагает отказ от использования физической силы (насилия) из сферы человеческих отношений. Функция государства – защита прав человека, защита человека от насилия.

Новая идеология и эстетика (искусство). Искусство – это селективное воспроизведение действительности в соответствии с метафизическими ценностными суждениями творца (художника, режиссера, музыканта и т. д.). Человеку нужно искусство, потому что он думает в концептуальных категориях, т. е. он получает знания в виде абстракций, которые необходимо перевести на уровень немедленного восприятия. Искусство как раз выполняет эту функцию. Оно конкретизирует его взгляды на самого себя и на мир вокруг. Оно помогает человеку понять, какие аспекты его опыта важны, а какие нет.

Философия объективизма, как основа новой идеологии, предполагает, что человек должен действовать, исходя из своих принципов, т. е. строго придерживаться своего морального идеала, а не поддерживать компромисс и ситуативную целесообразность. Человек принципа достигает своих целей с наименьшими затратами, полностью интегрируется в жизнь. Существует устойчивая взаимосвязь между принципами человека и его моральной целостностью. Противостояние моральных принципов и необходимости делать выбор в жизни фальшиво. Счастье – самая высокая моральная цель в жизни, которой мы можем достигнуть. Моральное – это практическое. Моральные принципы необходимы для достижения счастья на практике.

В начале 90-х гг. у нас произошла системная революция. Революция в экономической, торговой, производственной и финансовой сферах. Плановая экономика потерпела полное и безоговорочное поражение. Начались эксперименты по моделированию новой системы. К сожалению, кардинальные преобразования не коснулись культуры и идеологии. Поэтому возврат к старым социально-экономическим рецептам стал возможным. Только революция мысли, революция идей сможет поставить наши страны на путь устойчивого развития в рамках региональной и мировой системы разделения труда. Чтобы это произошло, нам надо очень сильно постараться и работать вместе, одной командой. Ее девиз – *Power to the Person* («Власть – человеку!»).

6. Запад против Запада. В поисках новой опознавательной системы «свой – чужой»

Кто победил, и не оказалась ли победа пирровой

Каждый язык богат словами, обозначающими абстрактные явления. Ими философы и экономисты, политологи и идеологи выражают разные понятия и описывают всевозможные концепции. В отличие от языка точных наук, где каждый термин строго определен, особенно если он используется в научном контексте, в повседневной речи и в языке гуманитарных наук с терминами обращаются весьма вольготно. Часто их вообще за термины не считают. Чем агрегатнее понятие, чем оно полисемантичнее, тем выше риски смысловых манипуляций и логических ошибок, которые вытекают из связей, выстраиваемых на основе ложных толкований или подмены значений одного и того же слова.

К наиболее часто злоупотребляемым терминам относятся «либерализм», «свобода», «капитализм», «социализм», «равенство», «справедливость», «эгоизм». В этот ряд органично вписывается одно из самых избитых понятий современного политологического, философского и экономического языка – «Запад». Речь, разумеется, идет не о географии, а об идеологии, ценностях и взаимоотношениях между человеком и государством, бизнесом и государством, человеком и бизнесом.

Семантическую путаницу усугубляют разные интерпретации понятий «Запад» и *West*. Достаточно лишь набрать эти слова в поисковике *Google* и посмотреть, какими картинками они иллюстрируются. На первой же странице изображений слова «Запад» мы видим Ирак, солдата с автоматом, ведущих политиков США, забастовки и даже лидера Беларуси Александра Лукашенко. Если же мы посмотрим картинки, которые соответствуют *West*, то на первых страницах увидим преимущественно красивые пейзажи, географические карты, современные здания и улыбающиеся лица на фоне исторических памятников или пейзажей. Так русское «Запад» в негеографическом контексте приобретает своеобразные коннотации, вытесняя традиционные для восприятия западного человека оттенки смысла.

В начале 90-х развал системы советского тоталитаризма однозначно воспринимался как победа Запада. Некоторые геополитики поспешили сделать вывод, что Запад победил окончательно и бесповоротно. Появлению такого мнения способствовал и кризис японской модели, которая в начале 90-х гг. не выдержала конкуренции с американской. Так что или кто победил? Структурно это США, ЕС, НАТО, ОЭСР, ОБСЕ, Совет Европы или, может, ООН? Идеологически это А. Рэнд, Л. фон Мизес, Ф. Хаек или Р. Нозик? Политически это лидеры, партии или НПО с последовательными взглядами классических либералов или либертарианцев?

Среди лидеров движений против тоталитаризма, а также политических структур, которые начали проводить системные реформы, единицы знали о существовании теории капитализма (отличной от интерпретаций МВФ, Всемирного банка или советников из *mainstream*-заведений США и Европы). Европейский союз и США до сих пор проводят активную протекционистскую политику, расширяя размер госу-

дарства и увеличивая регуляторное бремя. Искать сторонников свободного рынка в среде международных организаций, которые занимаются проблемами развития демократии, типа ООН, ОБСЕ или ПАСЕ – еще более бесполезное занятие.

В философском и идеологическом плане проиграли сторонники советского тоталитаризма и жестко централизованной плановой экономики. Даже те политические и научные структуры на Западе (географическом), которые в разной степени симпатизировали советскому коммунизму, вынуждены были модифицировать свои высказывания и взгляды, чтобы адаптировать их к вызовам конца XX – начала XXI веков.

Однако формальное поражение коллективистов советского образца отнюдь не означало победу идеологов капитализма, свободного рынка и общества. Фамилия «Рэнд» большинством экспертного сообщества и в среде интеллигенции до сих пор воспринимается как название американской организации *Rand Corporation*. Фамилию «Мизес» даже экономисты, не говоря уже о журналистах, пытаются расшифровать, как неизвестную аббревиатуру. Для преподавателей вузов и представителей академических кругов австрийская школа экономики, тем более философия А. Рэнд, – это неизменно непримиримый, радикальный, революционный взгляд на проблемы теории и экономической политики. Определения «последовательный», «логичный» или «универсальный» для них не подходят. Так что о победе философов и теоретиков свободного человека и рынка не могло быть и речи. Тем более что до сих пор на вопрос «Что является идеологией и философией капитализма?» большинство отвечает: «Взгляды Дж. Сороса, Дж. Гэлбрейта, Дж. Кейнса или К. Поппера».

Так что и кто победил советский тоталитаризм? Некий набор факторов, ресурсов и институтов, который в сильно упрощенном журналистском представлении называется «Запад». Сторонники теории заговора видят в поражении советского тоталитаризма реализацию плана США и Ватикана, которые в определенный момент вошли в тактический союз с исламскими странами и «опустили» цены на нефть. Подгонять историю под ответ задним числом и создавать свой исторический «Код да Винчи» – дело популярное и прибыльное, но оно не имеет ничего общего с действительностью.

Запад представляется нам определенным набором ценностей, отношений и приоритетов. В течение 80-х гг. их носители при определенном стечении обстоятельств начали гораздо более активную деятельность. Запад проник в головы и души *homo soveticus* задолго до развала Советского Союза и социалистической системы Европы. Можно сказать, он оттуда никогда не уходил. Был задавлен, придушен, репрессирован, но не умер. Носители «Запада» стремились к свободе, равенству и справедливости. Они хотели регулярно и качественно пытаться, зарабатывать хорошие деньги, путешествовать, избавиться от страха говорить правду – мотиваций и желаний было очень много. К тому же, советская система даже за Железным занавесом не могла спрятать от своих граждан факт вопиющего отставания в экономической, технологической и социальной сферах. Инвестиционные ошибки и экологические катастрофы добавляли аргументов противникам тоталитарного централизованного плана.

Территория «проживания» Запада ценностного явно не совпадает с Западом географическим. Симпатизировавшие советскому строю французские, немецкие, английские или американские интеллектуалы, конечно, хотели гуманизации сис-

темы, мягкой трансформации социализма и превращения его в некую идеальную конструкцию третьего пути. Их с большой натяжкой можно отнести к Западу аксеологическому. Проживая на географическом Западе, они скорее разрушали систему свободного рынка и общества у себя дома, чем боролись против социализма тоталитарного.

После падения Берлинской стены они начали активную работу по продвижению очередной идеальной модели справедливого общества, которая, как оказалось, копировала основные институты и системы стран ЕС и США. Рекомендации и советы по социально-экономическим реформам выдавались в контексте доминирующей философии постмодернизма. Она сильно отличается от идеологии и базовых ценностей эпохи просвещения, которую многие ждали на постсоветском пространстве после многолетней доминации тоталитаризма.

Интеллектуальные и политические элиты постсоветских стран были слишком слабы, чтобы критически оценить повестку дня и рекомендации миссионеров географического Запада, которые аксеологически были гораздо ближе к советской партхозноменклатуре, чем к последователям А. Смита, Ф. Бастиа, Е. Бем-Баверка или Ф. Хаека. Так Запад начал новый поход против Запада. Интервенционисты и колlettivисты Запада географического пошли в философскую и идеологическую атаку на Запад аксеологический, который «пятнами» начал появляться на постсоветском пространстве. Поскольку одно и то же клише использовалось для определения совершенно разных понятий, людям очень трудно было установить реальные причинно-следственные связи. С одной стороны, Запад принес политические и гражданские свободы, гласность, невиданное доселе обилие товаров, свободу перемещения (правда, с серьезными визовыми ограничениями). С другой стороны, после прихода Запада на постсоветское пространство здесь появилась гиперинфляция, безработица, мафиозные структуры, богатые олигархи и жутко бедные нищие. Наркомания, проституция, арго в языке и СМИ, грубость в жизни – все это появилось после того, как Запад якобы принес свободу людям, жившим в тоталитарных странах. «После того, значит, по причине того», – так рассуждали обыватели. Такую логику приняли многие интеллектуалы и идеологи, которые срочно бросились на поиск новой ниши занятости и самореализации. Запад миссионерский сам давал много аргументов против Запада ценностного. Политическая коррупция, агрессивная внешняя политика и военные конфликты, большое государство, монополия в системе образования, деградация института семьи, СПИД – все это использовалось против Запада.

Возникла проблема идентификации понятия «Запад». Образовался большой дефицит понимания происходящих событий в историческом контексте и в рамках известных экономических и социальных теорий. Появился спрос на новую систему ценностей, которая заместила бы моральный кодекс строителя коммунизма, программные установки комсомола и КПСС. К сожалению, ответ Запада ценностного на эти вызовы не был, да и не мог быть адекватным. У небольших групп экспертов и интеллектуалов, которые разделяли взгляды Ф. Хаека, Л. Мизеса, Г. Хаберлера, И. Кирзнера, не было ресурсных, информационных и политических возможностей стать образовательным и идеологическим *mainstream*. Нишу объяснений исторического контекста заняли геополитики. Они в понятных для обычных людей и неискушенных политиков метафорах объясняли, как могущественные силы и поли-

тиki могут передвигать фигуры, т. е. страны и континенты, по шахматной доске современного мира.

В ценностный вакуум стремительно бросились и так называемые традиционные религии, и сотни разных сект и мистических течений. Они наперебой предлагали готовым к новому моральному кодексу людям панацеи, открывали чакры, презентовали кармы, обещали прощение грехов и счастье – как правило, в иной, светлой жизни. Запад географический, погрязший в постмодернизме и декадансе, противопоставил религиозному мистицизму моральный релятивизм, отрицание разума, достижений и научных знаний. Вудсток и хиппи, берлинский парад любви и лондонский гей-парад стали символами, проявлениями этой культуры и идеологии. Запад географический пошел в атаку на те слабые ростки Запада аксессуарного, который начал развиваться на постсоветском пространстве. Философия индивидуализма, достижения и разум, изложенная в романах и философских трудах Айн Рэнд и целого ряда других философов, осталась в небытии, где она и пребывала на Западе географическом.

Не меньшая сумятица была с выбором конкретных параметров экономической политики. На постсоветском пространстве господствовал Вашингтонский консенсус с искажениями разной степени в пользу так называемых национальных особенностей (за исключением Беларуси, которая после непродолжительного периода хаотичной либерализации пошла по пути восстановления тоталитарной системы). За стандартными фразами «стабилизация – либерализация – институциональные изменения» скрывались рекомендации воссоздания на постсоветском пространстве стандартной европейской модели *welfare state*. В результате западные (географически) эксперты и ученые-экономисты совершили против аксессуарных западных политиков, экспертов и граждан, проживающих на постсоветском пространстве, настоящую философско-идеологическую диверсию. Предложенные решения в области монетарной, фискальной, торговой, социальной и регуляторной политики исходили из того, что: 1) в стране работает профессиональное, прозрачное, ответственное правительство в среде свободной политической конкуренции и свободного рынка СМИ; 2) функции государства непротиворечивы, четко определены и понятны чиновникам; 3) законы и нормативная база в целом непротиворечивы и не дискриминируют отдельных граждан и юридических лиц; 4) суды профессиональны, одинаково понимают смысл базового рыночного института – частной собственности – и работают по его защите и объективному разрешению споров и конфликтов; 5) полиция, таможня, силовые структуры работают строго в рамках закона и должностных инструкций, не занимаются коммерческой деятельностью, не продают свои услуги фирмам и физическим лицам, не «крышуют» и не стремятся установить контроль как над легальными потоками и ресурсами, так и над незаконными видами коммерческой деятельности (проституция, торговля наркотиками, контрабанда, торговля людьми, изготовление контрафактной продукции и т.д.). Наконец, предложенная географическим Западом модель полностью игнорировала проблему валидности информации, на основании которой дисижнментеры принимали решения. С одной стороны, постсоветские страны не вышли на свободные цены на рынках важнейших факторов производства, в том числе денег. С другой – дисижнментеры вели себя так, будто у них есть некие уникальные способности и инструменты, с помощью которых они могут заглянуть в будущее, определить наиболее прибыльные, эффек-

тивные производства, инвестиционные проекты и оптимальную структуру производства. Идеи утилитаристов В. Парето, М. Кейнса соратники по достижению равновесия и оптимума стали их путеводными маяками.

Запад географический, не прогнозировав и не подготовившись к падению тоталитарной системы, не нашел ничего лучшего, чем предложить постсоциалистическим странам свои же институты. Даже те, которые были у него на этапе преодоления бедности и выхода на траекторию устойчивого развития. Точнее говоря, были скопированы только выборочные элементы западной системы, потому что механическое копирование фундаментов («святость» частной собственности, верховенство закона, свобода конкуренции и торговли, свобода слова, политическая конкуренция) Запада аксеологического объективно невозможно.

Таким образом, некий абстрактный, по-разному понимаемый институт «Запад» якобы победил советский тоталитаризм и предложил себя в качестве примера для строительства новой жизни. Не решив проблему самоидентификации, Запад выступил в качестве миссионера, тем самым резко увеличив свою уязвимость. Чему учить и с каким уставом идти в «монастырь» постсоциалистических стран, как выстраивать с ними торговые, инвестиционные, миграционные отношения? Адекватных ответов на эти вопросы у Запада географического не было, а Запад аксеологический, который и у себя дома находился на задворках теоретических и интеллектуальных дискуссий, в большинстве своем также остался в стороне от определения параметров пост тоталитарного развития.

Как только в постсоветских странах стали возникать первые серьезные проблемы на пути реформирования основных систем, создания базовых институтов (бездействия, банкротства, мошенничество, невыплата пенсий и зарплат, инфляция, отсутствие защиты прав собственности, правовой нигилизм, наркомания, вульгаризация информационного поля, ускорение распада института семьи и т. д.), Запад географический сразу же стал основной мишенью для критики. Победители первого периода, получившие легальный контроль над огромными ресурсами и активами, были заинтересованы в том, чтобы превратить Запад, и географический, и аксеологический, в жупел, в стрелочника. В ход пошли обвинения в двойных стандартах, в нарушении принципов свободной торговли, в политическом фаворитизме.

Конечно, слаба позиция того, кто обвиняет своего партнера в поведении, характерном для него самого. Противники Запада аксеологического на постсоветском пространстве быстро нашли общий язык с партнерами с Запада географического. Все аргументы и факты смешали в кучу. Запад стали обвинять в современных войнах, нарушении прав человека, в монополизации отдельных секторов экономики, в торговом протекционизме, дотациях своих производителей и дискриминации чужих, в коррупции при распределении госресурсов и чрезмерной бюрократизации бизнес-климата. Многие обвинения были вполне обоснованными, только в большинстве своем они не имели ничего общего с определением причин проблем, возникших в процессе системных трансформаций. Бенефициарам первой волны, которые закрепились на командных высотах экономики, создали механизмы управляемой демократии, установили контроль над СМИ и силовыми структурами, потребовалась идеология, объединительная идея, мораль нового времени. Придумать нечто оригинальное было крайне сложно. Копировать распространенные в других частях

мира идеологемы было непопулярно. Так получилось, что те люди и структуры, которые стали популярными, получили политическую и экономическую власть в партнерстве с географическим и даже акссеологическим Западом, избрали именно Запад в качестве своего противника и даже врага. Неприязнь по отношению к Западу была перемешана с декларативным стремлением возрождения своего исторического прошлого, своей самобытной культуры, которая принципиально отличается от Востока и Запада. Победа, которая в начале 90-х гг. казалась полной и окончательной, вдруг стала казаться пирровой. Авторитарные практики «зацепились» сначала в Беларуси, Туркменистане, Узбекистане, затем постепенно были адаптированы в России.

На постсоветском пространстве философски и идеологически Запад начали хоронить, так и не разобравшись, что это такое. Причем каждый хоронит свой Запад: военные и geopolитики выступают против агрессивной политики НАТО и Вашингтона, ТЭК и экономические министерства обозлились на Брюссель и ЕС, православная церковь старается сохранить монополию, не допуская на свой «рынок» другие религии. Партнерства против акссеологического Запада начали усиливаться даже на самом географическом Западе. К примеру, в контексте недавних событий во Франции (беспорядки лета 2005 г. и забастовки начала 2006 г.) мы вправе задать вопрос: «Франция – это Запад?». Доминирующая идеология, содержание философского *mainstream*, качество экономической политики этой страны позволяют сделать вывод: «Франция является ярким антizападным центром географического Запада».

Антizападный Запад и его пост тоталитарный партнер

В начале весны 2006 г. французское правительство уступило давлению толпы. Предложенный закон о первом рабочем месте отозван. Профсоюзы и молодежные организации продемонстрировали, кто во Франции хозяин, кто имеет право навязывать работодателям условия найма. В то время как в Париже проходило острое противостояние между правительством и профсоюзами, в Москве 6 апреля закончил работу X Всемирный русский народный собор. Он, наоборот, продемонстрировал единство Русской православной церкви (РПЦ) и Российской власти. Однако это единство построено на противопоставлении «самобытной русской цивилизации» и основополагающих ценностей Запада.

РПЦ впервые открыто и громко заявила о неприятии западных ценностей, главной из которых является безусловный приоритет личности, ее жизни, собственности и стремления к счастью. Как ни парадоксально, французская толпа на практике продемонстрировала такое же острое неприятие этих ценностей. Погруженная в постмодернистский маразм, финансируемая ресурсами налогоплательщиков, пребывающая в состоянии неведения относительно реальных причинно-следственных связей мира, Франция, по сути дела, поддержала позицию РПЦ и Российской власти времен Владимира Путина. Государство превыше всего. Национальные интересы первичны. Общество важнее человека и его собственности. Разница между Францией и Россией заключается в том, что в Париже от имени человечества, государства и общества выступает уличная толпа (профсоюзы, молодежные структуры, коммунистические и другие радикальные партии), а в России роль интерпретатора берет на

себя РПЦ и Кремль. Французские и российские элиты заняли ярко антизападную аксёлологическую позицию.

У дисижнмейкеров обеих стран общие враги: глобализация, индивидуализм, частная собственность, свободная торговля и отторжение механизма «прибыль – убытки». Для них «капитализм» является гораздо большим злом, чем олигополитическое, олигархическое государство. Как РПЦ и Кремль, с одной стороны, так и Франция (правительство и профсоюзы) боятся открытой конкуренции, личной ответственности за принимаемые решения (как в политической, так и в интеллектуальной и культурной сферах). Новый клерикализм и социалистические практики российского государства сродни жестким ограничениям Франции на использование английского языка и просмотр голливудских фильмов. Франция и Россия никогда не отличались любовью к свободной торговле. Первые показали миру ужасы Бастилии и сформировали идеи коммунизма. Вторые решили превратить эту страшную сказку в быль. Французские и российские политические элиты выступают против осуждения идеологии коммунизма и проведения суда над ней по типу Нюрнбергского. Они до сих пор не могут поставить знак равенства между коммунизмом и фашизмом, как будто есть большая разница в том, под какими лозунгами и знаменами уничтожать миллионы невинных людей.

Франция и Россия активно работали с режимом Саддама Хусейна, не считая такую деятельность аморальной. Эти две страны работали в Африке, неся бедным африканцам идеи *liberte, égalité, fraternité*. Продвигая идеи *development economics*, они способствовали превращению Африки в огромный котел конфликтов, смертельных болезней, вражды и жестокого правления кровавых диктаторов. Конечно, мы говорим не о простых французах и русских. Мы говорим о дисижнмейкерах и их идеологических учителях. Франция и Россия продолжают жить духом империй, который были ими созданы и которые развалились из-за своей неэффективности, неуправляемости и безнравственности.

Францию и Россию объединяют общие враги. Францию и Россию объединяют общие проблемы. К сожалению, Париж и Москва предлагают решать их при помощи средств, которые показали свою неэффективность и рискованность на протяжении истории XIX и XX веков. В начале 90-х обе страны получили исторический шанс начать глубокую ревизию своих систем, избавиться от губительной идеологии и принять те механизмы и инструменты, которые обеспечивают максимально быструю генерацию богатства и повышение благосостояния. Российские элиты использовали этот шанс для беспрецедентного по масштабам делеха государственных ресурсов и активов. Франция же предпочла молчаливо проигнорировать развал коммунистического лагеря, считая, очевидно, что ее модели демократического социализма катаклизмы советского масштаба не страшны.

Анализ современного французского и российского опыта очень важен для переходных стран. Говоря об идеологии, о ценностях и характере взаимоотношений между государством и человеком, мы говорим об институциональном аспекте экономической системы. Человек принимает решение в определенном информационном и ценностном поле. Многие традиции и нормы он принимает по умолчанию. Он резко использует важнейший эпистемологический принцип «Изучай и адаптируйся ко всему, что создала природа, подвергай сомнению все, что создал человек».

Если, как во Франции, он по умолчанию принимает роль профсоюзов и государства в навязывании частным собственникам режима использования их собственности, то он будет поддерживать бастующих против либерализации рынка труда или рынка услуг. Если, как в России, он принимает на веру позицию РПЦ по поводу глобализации и Запада, то он, не думая, поддерживает жесткий торговый протекционизм и контроль над сферой образования, культуры и искусства.

РПЦ, профсоюзы, государство, демократия – это институты, значение и функции которых необходимо четко определить. Частная собственность, капитализм, глобализация, индивидуализм – вторая ось концепций, которые требуют пристального внимания и понимания. Мы являемся свидетелями жесткого цивилизационного, ценностного клаша. Как ни парадоксально, в этом противостоянии не так легко определить противоборствующие стороны. По одну сторону баррикад находятся Франция и Россия. Против кого же они ведут очередной клерикально-социалистический поход? Против США? Да, в политическом и экономическом плане Америка остается одной из самых свободных стран мира. Однако ее школы, университеты и другие образовательные центры давно приняли идеологию *welfare state*, третьей системы. Здесь не так часто встретишь (не считая отдельных мозговых центров) интеллектуалов, которые гордятся капитализмом и считают его самой моральной эффективной системой. США сами опасно близко подошли к клерикальному государству. Нет сомнений в том, что оно никогда не замахивалось и едва ли замахнется на фундаментальные права и свободы граждан, но клерикализм в той или иной форме является формой колlettivизма и лишения человека права свободного выбора. Германия, Япония, Индия или Китай – эти страны находятся гораздо ближе к оси «Франция – Россия», чем к оси «США – Британия».

Исходя из этого, есть основания считать, что новый крестовый поход французских профсоюзов и правительства против либерализации и свободной торговли, Русской православной церкви против глобализации и классической концепции прав человека – это противостояние не какой-то реальной стране с ее реальной политикой, а конфликт с мифом и абстракцией. Это борьба против результата свободного выбора миллиардов потребителей, частных инвесторов и предпринимателей во всем мире. Это борьба за лишение человека права самому определять свой оптимум, оценивать свою эффективность и нести ответственность за принимаемые им решения. Наконец, это борьба против того, чтобы миллиарды граждан развивающихся стран не могли стать полноценными, свободными участниками глобальной системы разделения труда, глобальной информационной системы, в которой на равных конкурируют люди и идеи. Уроки данного философского, идеологического противостояния весьма полезны для полисимейкеров не только переходных стран, но и тех интеллектуальных элит, которые претендуют на статус стражников западных идеалов.

Вторая Берлинская стена. Отсроченный развал

В начале 90-х гг. политики и аналитики мира сознательно или по незнанию совершили одну страшную ошибку. После раз渲а Советского Союза, распада социалистической системы лидеры ведущих стран Запада, авторитетные международные организации заявили о полном и безоговорочном поражении социализма и цен-

трализованной плановой экономики. Серпы и молоты были заменены орлами и другими государственными символами. Госпланы стали министерствами экономики. Преподаватели критики буржуазных учений быстро адаптировались к *economics* и менеджменту. Все внимание мира было переключено на постсоциалистические страны.

А в это время во Франции, Германии, Бельгии, Италии и других странах Западной Европы социализм затаялся, лег на дно, перекрасился, чтобы, не дай бог, и его за компанию с советским собратом не подвергли экзекуции. Прошло почти 17 лет, и вот во Франции зреют условия для очередной социалистической революции. Империя зла контратакует. Уже не через Москву, Пекин или Гавану, а через Париж, Сорbonну и погрязших в постмодернизме и изживленчестве гламурных французов.

Западные идеологи утверждают, что социалистическая революция произошла только в рамках советской империи. На самом деле она случилась в двух третьих стран мира. В Западной Европе социализм прижился с демократией и свободой слова. Жесткие ограничения прав собственности санкционировались независимыми судами. Когда дискуссии шли лишь о том, под каким соусом забирать у богатых деньги, когда командные высоты в экономике, в том числе контроль над деньгами, прочно заняло государство, когда внутренний рынок жестко защищался от конкурентов, де-факто во Франции господствовал и продолжает господствовать тот самый социализм, которого Польша, Россия или Беларусь, как могло показаться в начале 90-х, «наелись» вдоволь.

После раз渲а Советского Союза свобода, равенство и братство французского образца хлынули в 26 новых стран, в том числе в Беларусь, Польшу, на Украину и в Россию. Обратно в Западную Европу пришли огромные деньги, уворованные партийной номенклатурой и новыми «демократами» и «либералами» в малиновых пиджаках. Под лозунгами прав и свобод человека, демократии и равенства национальное добро ушло из-под контроля очарованных французскими лозунгами народных масс. Спрос на западный ширпотреб и продукты питания в постсоветских странах резко вырос. Европейские, американские бизнесмены и банкиры вместе с украинскими или российскими партнерами без угрызений совести вывозили сырье по брововым ценам. Ценовую ренту делили вместе. Деньги, естественно, оседали в основном в западных банках. Историческая декада великого перераспределения (1991 – 2000) породила не только отечественных олигархов. За 15 лет были увеличены состояния многих западных деловых людей и чиновников. Не остались в стороне и политики, которые благословляли международные сделки. Бюджеты западноевропейских стран также получили послабление, новые источники щедрых поступлений. Таким образом, развал западноевропейского социализма был отсрочен за счет падения социализма тоталитарного. Кризис антизападной системы на самом географическом Западе был отложен на деньги тех людей, которые в конце 80-х поверили в Запад аксеологический и доверились выступающим за их реализацию правительстvам.

Любой красивой распределительной схеме рано или поздно приходит конец. Украина и Россия справились с основными трудностями переходного периода. Появились свои мощные олигархи. Политики захотели равного статуса своих стран с западными. Свобода перемещения товаров, услуг, денег и рабочей силы – так интер-

претировали в переходных странах лозунги европейского государства всеобщего благосостояния. Однако Западная Европа имела по этому поводу совсем иное мнение. Идеология на экспорт и для внутреннего потребления сильно отличались друг от друга. Французские учителя теории свободы и практики рынка столкнулись с ситуацией, когда их ученики предлагаемые заповеди поняли буквально и потребовали от Запада *liberté, égalité et fraternité*. Для всех в Европе. Без изъятий и ограничений.

Беларусь до 1994 г. шла по пути России и Украины, но потом, отбросив пустые декларации, начала активно восстанавливать жесткое авторитарное государство и мощную олигархическую систему контроля над ресурсами и активами. Александр Лукашенко первым из лидеров постсоветских стран начал на официальном уровне, через школы, университеты, контролируемые государством НГО и госпредприятия насаждать идеологию, составными частями которой были антилиберализм, антиглобализм и антииндивидуализм.

Франция, как один из родоначальников мирового социализма, поняла, что для сохранения лица и статуса европейской идеологической столицы надо и в своем доме навести порядок. Слишком уж широкой стала пропасть между декларациями о помощи бедным, партнерстве с развивающимися странами и жгучим XIX-вековым протекционизмом. С другой стороны, жизнь зарегулированной экономики и большого государства затрудняют активные конкуренты (Словакия, Эстония, Чехия), которые предоставляли капиталу гораздо более выгодные условия работы. Китай продолжает активно теснить французских производителей на их традиционных рынках. США на поколения опередили Францию по уровню развития технологий. Желающих получить часть пирога ЕС также стало гораздо больше. Все эти факторы резко увеличили внешнее давление на французский социализм, на анти-Запад. В условиях открытой конкуренции и глобализации он начал явно проигрывать.

Высокий уровень безработицы, нещадные налоги, дорогая бюрократия, быстро растущие социальные обязательства бюджета – даже при демократической форме правления и независимой судебной системе это верный путь к системному кризису. Отдельные французские политики начали это понимать. Попытки правительства либерализовать рынок труда, сократить социальные выплаты напоминают действия Михаила Горбачева по сохранению советского социализма. Привыкший к иждивенчеству французский рабочий класс и учащаяся молодежь вкупе с профсоюзами не хотят расставаться с метафизической халвой. Они готовы идти на баррикады за то, чтобы свобода, равенство и братство распространялись исключительно на них и продолжали оплачиваться из чужого кармана.

Забастовка против реформы рынка труда

Напряженность во Франции резко усилилась, после того как правительство президента Жака Ширака начало реформу социальной системы и рынка труда. Чтобы сократить государственные расходы, власти предложили людям увеличить личную ответственность за формирование пенсии и за финансирование услуг системы здравоохранения. Ранее были приняты определенные поправки в законы, которые противодействуют выходу на пенсию в 60 лет, стимулируя более продолжительную занятость. Были сокращены возможности требовать от государства компенсационных

выплат за медицинские услуги и лекарства. Все чаще говорят о необходимости отказа от 35-часовой рабочей недели. Некогда большое социальное достижение сегодня является одним из тормозов экономического роста.

Все больше французов понимают, что жить дальше в режиме социалистической, перераспределительной экономики нельзя. Однако профсоюзы и бредящая Че Геварой и Марксом молодежь протестует против заката социализма. Их не убеждает усиление дефицита бюджета, бегство капитала и технологическая отсталость. Они не видят причин высокой безработицы и готовы заставлять работодателей создавать под них рабочие места без права на увольнение. О том, что у инвесторов и предпринимателей тоже должна быть *liberte*, они не думают. О том, что для польских, украинских, словацких производителей также должно быть *egalite* с французами, они любят рассуждать только в аудиториях и на международных конференциях. Погруженные в постмодернистский маразм идеологи французского социализма предпочитают наслаждаться декольте, варьете, карате, а не *liberte*, *egalite*, *fraternite*. Разумеется, за чужой счет.

Французское антизападное правительство зашло в тупик. Политические и интеллектуальные элиты на протяжении целой эпохи приучали людей к социализму, к его моральности и справедливости. Приучили – и сегодня прослезились. Французы до сих пор не понимают, почему развалился Советский Союз, почему люди сказали «нет» централизованной плановой экономике. Они не извлекли уроков из нашего горького опыта, считая, что все дело лишь в демократии, свободе слова и верховенстве закона. А если закон позволяет агрессивному большинству изымать больше половины заработанного, ограничивать возможности использования своей собственности? Закон, который разрешает одному соседу при помощи полиции конфисковать у другого соседа корову, является источником социального зла. Воспитанные на идеалах Бастилии и Сорбонны, лидеры французских профсоюзов, политических партий и образовательных учреждений являются главными авторами сегодняшних и будущих конфликтов во Франции и в других европейских странах победившего социализма.

Экономический расчет, необходимость выполнения обязательств в рамках ЕС, соблюдение прав частной собственности – это не аргументы для агрессивной французской толпы. Во Франции не бастуют только ленивые, и то, наверное, потому, что не додумались до создания своего профсоюза. В марте 2006 г. начали акции протesta почтовые служащие. Они выступали против открытия рынка почтовых услуг даже в рамках Европейского союза. Глава троцкистской революционной коммунистической лиги Оливье Безансено сам работает на почте. Можно себе представить, что он и его партийные коллеги думают об открытой конкуренции со стороны поляков, чехов, тем более украинцев, которые не входят в ЕС.

Ласковый весенний воздух 2006 г. и призывы социалистов повлияли на чувствительные души работников железной дороги. Им также не нравится, что немцы, испанцы или англичане могут предоставлять французским потребителям свои услуги. Работники энергетического сектора не согласны с созданием единого энергетического рынка. Они хотят, чтобы французы потребляли только отечественные киловатт-часы.

Какая же волна забастовок без учителей?! Ведь именно они некогда учили почтowych работников, энергетиков и железнодорожников *libérité, égalité, fraternité*. Они традиционно требуют большие денег и меньше работы. Когда вся страна развлекается на забастовках, поедая тоннами круассаны, госслужащие, в том числе работники налоговых органов, тоже не пожелали оставаться в стороне от народа и приняли участие в весенних забастовках 2006 г. На пике движения против либерализации рынка труда в забастовках участвовали 1 – 3 млн. человек.

Абсурд этой ситуации очевиден. Чиновники, которые и стали причиной стагнации экономики, безработицы и потери конкурентоспособности, поддерживают своих «клертов». Они предлагают им не больше свободы, а еще больше регулирования. Подготовленное социалистическими учителями население реагирует гениально. Не получая базовых услуг государства, сталкиваясь с проблемами в перемещении по стране, 65% французов поддерживают забастовки. Чувствуя поддержку общественного мнения, профсоюзы в большей мере управляют страной и де-факто владеют частным бизнесом. У них это получается даже лучше, чем у государства.

Франция вступает в активную fazу заката своего социалистического государства. Не исключено, что после парижских погромов и бунтов 2005 – 2006 гг. постмодернистская толпа в ближайшее годы найдет свою Бастилию, особенно если правительство будет настаивать на либерализации и приведении в порядок системы социального обеспечения. Поскольку пенсионная система, система здравоохранения требуют кардинальных реформ, а Франция в ближайшие годы едва ли найдет на своей территории золотые прииски, то активная fazа заката *welfare state* в этой стране и в других странах «старой» Европы, еще только начинается.

Вопреки геополитикам, твердящим о безоговорочной победе либерализма, мы сегодня можем говорить о феномене исчезающего Запада. Речь идет об усугублении проблем стран Западной Европы, об увеличении дисбалансов на рынке труда, в пенсионной системе, в системе здравоохранения в странах географического Запада. Германия, Франция, Италия, Испания, как самые крупные страны ЕС, по уровню развития технологий заметно отстали от США, которые остаются самой западной из крупных стран мира. Исчезающий Запад – это рост налогов, разрастание государства, увеличение регуляторного бремени, усиление протекционизма при отсутствии политической воли среди действующих партий и интеллектуальных элит начать глубокую ревизию сложившейся социально-экономической модели. Запад исчезает, если университеты клонируют постмодернистов, интервенционистов и сторонников клерикально-социалистического выбора. Запад исчезает, когда бизнес принимает на себя незаслуженную вину и начинает откупаться от назойливых НГО трансфертами в рамках концепции социальной ответственности. Запад исчезает, когда даже его самые свободные представители продолжают сохранять государственную монополию над самым важным фактором производства – деньгами. К сожалению, признаков того, что Запад возрождается, как на географическом Западе, так и на постсоветском пространстве пока очень мало.

Шесть уроков французского для переходных экономик

Французы не извлекли уроков из развала Советского Союза. Это стало их проблемой. Беларуси, России, Украине и другим переходным странам было бы глупо игнорировать болезненные и чрезвычайно дорогие уроки, которые мы можем извлечь из событий во Франции.

Урок 1. Знания о рынке, свободе, капитализме не приходят автоматически

Постсоветские страны формально избавились от социализма, но интеллектуальные, образовательные элиты остались в глубоком прошлом. Более того, они укрепили партнерские отношения с антизападными представителями на географическом Западе.

Единственная долгосрочная революция, которая создает устойчивую систему экономического роста и богатства, – это революция идей. Переходные экономики должны изменить содержание учебного процесса, отказаться от профранцузской идеологии постмодернизма и социализма, а также полностью приватизировать рынок информации (радио, ТВ, газеты). Основой школьного и университетского гуманитарного образования должны стать произведения Айн Рэнд, научные труды Людвига фон Мизеса, Фридриха фон Хаека, Джорджа Райсмана, а не К. Маркса, П. Самуэльсона или М. Кейнса. Беларуси, Украине и России нужно инвестировать в идеологию индивидуализма и свободы, адаптироваться к глобализации на основе последовательного капитализма. Моисей не просто 40 лет водил людей по пустыне. Он им объяснял, почему их догмы и социалистические традиции вредны и аморальны. От того, что россиянам или украинцам сказали об окончании эпохи социализма, они вдруг рыночниками и сторонниками капитализма не стали. Хорошим началом революции идей была бы идентификация понятия «Запад».

Урок 2. Переходным экономикам нужен последовательный капитализм и свободный рынок труда

Франция имеет много мировых лидеров в разных сферах бизнеса, потому что эти компании ведут себя по правилам мирового рынка. Беларусь, Украина и Россия имеют шанс создать свой мощный бизнес не при помощи интервенционизма и протекционизма, а посредством интеграции в мировую систему разделения труда. Лучшее лекарство от безработицы – не мешать работодателям самостоятельно, без профсоюзного насилия устанавливать условия найма. Либеральный рынок труда наиболее эффективно работает в паре с механизмом банкротства и рыночного наказания за инвестиционные ошибки.

Урок 3. Переходным экономикам нужен полноценный рынок образовательных и медицинских услуг

Государство не должно лишать граждан права выбора пенсионной системы или формы медицинской страховки. Французские университеты показали, что едва ли не всеобщее государственное высшее образование порождает большие проблемы на рынке труда, особенно если условия найма обременительны для работодателя. Когда рынок, а не чиновник, будет регулировать, сколько и каких специалистов нужно готовить, не будет сотен тысяч дипломированных борцов против глобализации и свободной торговли.

Урок 4. Переходные экономики не могут позволить себе большое государство и сложные процедуры регулирования

Не надо защищать человека от его же просчетов и глупостей. Каждый из нас имеет право на ошибку. Мы сами должны нести за них ответственность. Горький опыт Франции учит, что Беларусь, Россия и Украина должны стать странами частного бизнеса во всех сферах экономической деятельности, начиная от банков, пенсионных фондов и телекоммуникаций и заканчивая энергетикой, транспортом и почтой. Лучшая защита гражданина – ликвидация инструментов и рычагов бюрократического воздействия на его экономическое поведение.

Урок 5. Переходным экономикам нужна ответственная политическая элита

К сожалению, подавляющее большинство политических партий переходных стран в большей или меньшей степени разделяют идеи французских социалистов. Несмотря на огромные жертвы, которые понесли страны в результате советского террора, россияне, украинцы и белорусы до сих пор толерантно относятся к глубоко аморальной, враждебной идеологии и теории марксизма-ленинизма. Трагично и опасно, что в большинстве постсоциалистических стран эти идеологические догмы до сих пор пользуются популярностью. От них не только не отстают, но и значительно опережают их круги интеллектуального *mainstream* Франции, которую только географически можно назвать западной, и других стран Европы.

Наш вклад в очищение Европы от социалистического кошмара должен состоять в том, чтобы рассказать французам, немцам, итальянцам о том опыте, который мы испытали на своей шкуре как в советские времена, так и в течение первых 15 лет после обретения независимости. Мы должны инвестировать в борьбу идей и критически относиться к европейскому опыту. Не все то золото, что идет с клеймом *Made in Europe*. Когда Евросоюз находится в поисках своей идентичности, когда его основатели стоят перед угрозой очередной социалистической революции, переходным странам Европы не надо спешить унифицировать свое экономическое законодательство с европейским, особенно в сфере бизнес-регулирования, бюджетно-налоговой политики и социального обеспечения.

Урок 6. От глобализации вредно закрываться и изолироваться

Потенциал белорусской, украинской и даже российской экономики сегодня в десятки раз ниже французского или немецкого. Если глобализация поставила Францию перед необходимостью адаптироваться к условиям мировой экономики, то мы тем более должны отказаться от торгового протекционизма, жестких ограничений на финансовом рынке, в сфере услуг и на рынке труда. Причем нам вредно закрывать свои рынки как от европейских, так и от капиталов из соседних стран. Именно такие условия позволяют преодолеть пропасть между бедной и развитой страной за 30 – 50 лет. В реальной жизни сократить этот путь за счет государственных инвестиций или передачи активов в управление чиновников невозможно. Даже социализированные французы это поняли, приватизировав не только промышленные, но и энергетические компании.

Белорусские, российские или украинские полисимейкеры могут проигнорировать очередной урок французского. Ведь соблазн порулить страной во имя светлого

будущего наших граждан велик у каждого поколения политиков. К сожалению, в переходных странах в последние 15 лет наблюдался острый дефицит как раз тех политиков, экономистов и идеологов, которые на хорошем белорусском, русском, украинском, английском или французском смогли бы объяснить народу, что такое хорошо и что такое плохо в экономической и социальной политике. Сегодня, когда на наших глазах идет развал французского социализма, аргументы сторонников свободного рынка и либерализма звучат особенно убедительно. Таковыми они являются для людей, которые оперируют научными фактами, логикой, которые свободны от идеологических предрассудков и мистицизма. Однако суть предложений русской православной церкви, многие энциклики Ватикана, декларации и доклады ООН, характер политики российской власти в последние годы говорят о том, что Россия не только не усвоила уроки французского, но даже забывает уроки своей собственной истории. Очевидно, пример Беларуси оказался слишком заразительным. Не имея сильного иммунитета против антизападной заразы, российское общество оказалось слишком слабым, чтобы противостоять лукавизму как самому яркому проявлению антизападной идеологии на постсоветском пространстве.

Россия возрождает клерикально-социалистическую систему

Что общего между рабочим, отстоявшим восемь часов у станка, крестьянином, проведшим десять часов в поле, учителем, который после основной работы спешит подработать в другом месте? У них нет времени на поиск национальной идеи. Они хотят получать за свой труд как можно больше денег, строить жилье, воспитывать детей, смотреть телевизор под чай с конфетами или пиво с сушеным рыбой. Ни обычный украинец, ни простой русский, ни даже вступивший в Евросоюз поляк не тратят время и ресурсы на генерацию абстракций или экономических концепций. Их не интересует идеология, философия и, по большому счету, политика. Они некритически воспринимают критику в отношении Запада, особенно если она не встречает интеллектуального отпора.

После раз渲ла Советского Союза идеология и философия вообще попали в немилость. Формально марксизм-ленинизм был свергнут. Пустующее место идеологии переходной страны постарались занять международные организации. Однако у них это плохо получилось, потому что они сами симпатизировали теориям социализма. Наиболее активно за души и сердца людей взялась церковь. Такого взрывного роста формальных верующих мир не видел. Партийные начальники, бизнесмены и бандиты ходят в цепях и крестах. В моду вошло строительство храмов. Появился и быстро набрал силу церковный бизнес. Складывается впечатление, что место звезд с серпом и молотом заняли крестики с распятием. Не могли постсоветские люди обойтись без мистики внешних символов, без принадлежности к чему-то большому, без служения некоему таинству.

Русская православная церковь (РПЦ) уверенно становилась идеологической доминантой в России, на Украине и в Беларуси. Она закрывала глаза на бандитские схемы приватизации, молчаливо принимая пожертвования от новых русских и украинцев. РПЦ не подвергла моральной обструкции государство, которое не справилось со своими фундаментальными обязанностями – защитой жизни и имущества

граждан. Руководители церкви не дали моральных оценок деятельности бюрократии по дискриминации частного бизнеса, по ликвидации рабочих мест, по конфискации сбережений людей в виде инфляции. Не были осуждены за бездуховность, цинизм и аморальность госслужащие и политики, которые использовали служебное положение для личного обогащения, создания монополий и олигополий, которые лишили потребителей, т. е. церковную паству, выбора более дешевых и качественных импортных товаров.

РПЦ не предала анафеме бюджетных грешников, которые допустили перекачку национальных ресурсов в личные проекты, руководителей министерств и ведомств, которые загадили землю, леса, озера и реки, игнорируя базовые экологические нормы. Наконец, не были отлучены от церкви бывшие и нынешние руководители компартий в постсоветских странах, не было публичного и однозначного осуждения идеологии и философии коммунизма, под флагами которой были убиты десятки миллионов людей, в том числе служителей церкви.

Принимая все это во внимание, можно было бы подумать, что РПЦ действует по принципу «не суди и не будешь судим». Однако церковь не стеснялась в оценке других видов деятельности и организаций. Она резко выступает против так называемой бездуховности Запада, распутства поп-культуры, антисоциального поведения бизнеса, особенно транснациональных корпораций. Апеллируя к особенностям славянской души, церковь стала ярым противником либерализма, индивидуализма и частной собственности. РПЦ сформировалась как своеобразная идеологическая основа антиглобализма на пространстве славянских постсоветских государств, как агрессивный институт, выступающий против свободной торговли и капиталистической системы в целом. Идеологи и менеджеры церкви начали настоящий крестовый поход против системы, которая освободила мир от красной чумы, которая подняла уровень жизни миллиардов людей во всем мире на исторически беспрецедентную высоту. Благодаря капиталистическим практикам только в последние 20 лет сотни миллионов людей избавились от нищеты. Резко снизилась детская смертность, увеличилась продолжительность жизни, гораздо более доступными стали лекарства. Именно против этой системы все активнее выступает Русская православная церковь.

С/х политика от X Всемирного русского народного собора

Х Всемирный русский народный собор, проходивший весной 2006 г., принял целый ряд интересных документов, которые позволяют понять претензии РПЦ в области идеологии и взаимодействия с государством и обществом. Резолюция «О земле, крестьянстве и продовольственной безопасности России» говорит о деградации села и бедственном состоянии сельского хозяйства, а также о том, что земля – это божественный дар и «общее благо». РПЦ утверждает, что «*опустошение сельских пространств России стало расплатой за скороспелые и непродуманные решения недавнего прошлого... Аграрные предприятия задыхаются в тисках высоких цен и тарифов на жизненно важные ресурсы. Страна все сильнее попадает в зависимость от продовольственных поставок извне*».

Эти тезисы очень похожи на программные положения белорусского режима, компартий Украины и России. В них отражено осуждение частной собственности на землю, проведенных аграрных реформ, т. е. раз渲ла колхозно-совхозной системы. РПЦ игнорирует тот факт, что в переходных странах, особенно тех, которые последовательно реализовывали капиталистическую политику, на полках магазинов все чаще доминируют отечественные продукты питания, что отечественные производители начали наконец экспортную экспансию. Ну а тезис о зависимости от продовольственных поставок извне как будто спасен с текстов антиглобалистов или меркантилистов XIX века. РПЦ явно выступает против принципов свободной торговли, на которых строится ВТО. Общинность, коллективизм православной церкви входит в острый конфликт даже с теми полулиберальными реформами, которые имели место в России или на Украине. Только в Беларуси они находят полное понимание и принятие властями.

Осудив реформы, РПЦ подводит верующих и общество к нужному себе решению. Церковь предлагает «*продуманную и предметную поддержку сельских жителей в решении их насущных проблем, развитие приходских общин и церковных хозяйств, строительство на селе жилья домов, школ, библиотек, больниц, детских садов, магазинов, спортивных сооружений*». На первый взгляд, цели благородные, но что такое «*церковное хозяйство*» и почему государство должно строить его за свой счет? Или же церковники готовятся к тому, чтобы получить контроль над с/х производством и заранее лоббируют у государства решения по закрытию внутреннего рынка от внешних конкурентов? Надо полагать, это касается Украины и Беларуси. Или РПЦ не рассматривает их в качестве независимых государств?

Так, вместо благословения свободного перемещения товаров между Россией и ее соседями РПЦ пугает паству опасностью зависимости от поставок продовольствия извне, т. е. из Беларуси и с Украины тоже. Интересно, какую позицию по этому вопросу займет РПЦ, которая работает в Минске и Киеве? По идеи, она должна призывать украинских и белорусских производителей отказаться от поставок на российский рынок, чтобы восточные братья расслабились и не боялись продовольственной зависимости. Что на это скажет украинская православная церковь и белорусские католики? РПЦ может создать очень опасный прецедент возвращения церкви в государство.

РПЦ известна не только своей религиозной, но и коммерческой деятельностью. Пользуясь тем, что Кремль и новое политическое руководство России проявляют спрос на новую идеологию, православная церковь решила активизировать переговоры по созданию олигополий на отдельных сегментах рынка. Она предложила свое видение с/х политики, а также экономического развития в целом. Оно явно не совпадает с тем, что предлагают в России и на Украине последовательные либералы. Оно очень сильно смахивает на ту модель, которую при помощи энергетических дотаций России создал в Беларуси А. Лукашенко.

РПЦ выступила со своей альтернативой не только десяти заповедям, но и Всеобщей декларации прав человека. Х Всемирный русский народный собор принял Декларацию о правах и достоинстве человека. Если резолюция о земле свидетельствует о социалистических взглядах церкви в экономике, то Декларация о правах и достоинстве человека – это призыв к России, Украине и Беларуси построить клерикаль-

ное государство. Это начало нового крестового похода за душами и кошельками граждан. Таким образом, национальная идея РПЦ, которую она маскирует заботой о бедных и обездоленных, есть антирыночная, антizападная клерикально-социалистическая система.

Декларация «Обратно к мистицизму»

РПЦ говорит, что мир *«стоит перед угрозой конфликта цивилизаций»*, имея в виду, очевидно, Запад и исламский мир. Церковь принимает Декларацию ни много ни мало от *«имени самобытной русской цивилизации»*. Претензия на некую особую цивилизацию у представителей разных русских институтов была всегда. Но здесь от ее имени выступает не интеллигенция или государство, а православная церковь, которая едва ли согласовала свои подходы с мусульманами, католиками, иудеями, тем более с десятками миллионов атеистов. К сожалению, РПЦ не уточняет черты этой самой цивилизации. Так кто-то может подумать о той самой системе, которая более чем за 70 лет превратила десятки народов и стран мира в тоталитарную империю. Критики могут припомнить, что эта самая цивилизация до сих пор не извинилась даже перед своим народом за зверства коммунистического режима. Или речь идет о другой цивилизации, во главе со Степаном Разиным, Дмитрием Пожарским или Екатериной II?

Претензии на некий особый статус Русская православная церковь явно связывает с желанием противопоставить себя другим конфессиям и укрепить свои лоббистские позиции в переговорах с государством. Она очень болезненно относилась к деятельности папы Иоанна Павла II и католической церкви в целом. Декларация – это также вызов католическому миру, который-де поддерживает безнравственные права и свободы человека и западную правовую систему. Новая роль РПЦ должна укрепить ее монополию на поле религий, в первую очередь на территории России.

В начале Декларации говорится об особой ценности человека, который, совершая добро, приобретает достоинство. С этим могли бы согласиться любые идеологи и политики Запада, в противопоставление которому и принят данный документ. РПЦ различает две свободы: *«внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора»*. Свобода от зла является самоценной. Свобода же выбора приобретает ценность, а личность – достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот выбирает зло». *«Мы признаем права и свободы человека в той мере, в какой они помогают восхождению личности к добру, охраняют ее от внутреннего и внешнего зла, позволяют ей положительно реализоваться в обществе. В этом свете нами уважаются не только гражданские, политические права и свободы, но также социальные, экономические и культурные права»*.

Православная церковь делает очевидные уколы в сторону сторонников прав и свобод человека. Она намекает на то, что западные права слишком либеральные и приводят к безнравственному выбору, в то время как нравственный императив от РПЦ ближе к Богу. При этом РПЦ не сравнивает западные стандарты и нормы российской действительности, делая вид, что в России нет наркомании, проституции, оргпреступности, коррупции и тяжелого морального кризиса. Проблемы войны в Чечне РПЦ вообще не касается. Она закрывает глаза на природу белорусского

режима. При этом всю вину за моральное разложение молодежи служители церкви любят сваливать на Голливуд, фаст-фуд и потерявших моральные ориентиры западные корпорации.

В Декларации ничего не сказано о том, что такое «внутреннее и внешнее зло», не поясняется, какие из западных прав и свобод потворствуют этим видам зла, и как РПЦ предлагает с этим бороться. Неужели вслед за Декларацией будет выпущена Инструкция, которая даст разъяснения по тому, как вести себя в обществе и в экономической деятельности, чтобы, не дай бог, не согрешить? Основываясь на экономических взглядах РПЦ, можно предположить, что зло творят импортеры, которые насыщают внутренний российский рынок иностранными товарами и создают ненужную конкуренцию правоверным русским с/х общинам. Грешат те, кто слушает неправильную музыку, ходят на вводящие в блуд сайты и покупает одежду не отечественных производителей.

Декларация совсем по-либеральному говорит о том, что «*права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека*». Однако не спешите с выводами. Следом идет совершенно марксистский посыл: «Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества». Значит, копая на даче грядку, продавая товар на рынке, покупая турпутевку в Турцию, покупая доллары, а не гривны или рубли, приобретая «тойоту», а не «жигули», человек должен каким-то образом проконсультироваться с православной церковью, как его поступки соотносятся с интересами народа и всего человечества? А что если народу хорошо, а человечеству плохо? Главный элемент этого положения заключается в том, чтобы человек, не думая, шел в церковь, слушал вердикт пастыря на предмет правильности выбора, платил деньги и верил в лучшую судьбу если не в этой, то уж точно в загробной жизни.

Очередной пассаж Декларации еще больше раскрывает карты РПЦ и ставит крест на легких либеральных мазках, которые просматривались в первой части документа. Очевидно, ради этого пункта Кремль и заигрывает с РПЦ, предлагая создать клерикально-социалистическое государство: «Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности, как вера, нравственность, святыни, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое».

Основы нового тоталитарного государства

Россия, Украина и Беларусь имеют убедительную историю установления гармонии между государством и человеком. С последней ее частью (1917 – 1991) мы до сих пор еще до конца не разобрались. Миллионы крепостных крестьян гибли за царя. Десятки миллионов были убиты во имя диктатуры пролетариата. Сотни миллионов были лишены своего имущества и сбережений бездарными правительствами. Все это происходило для установления баланса между личностью и государством, личностью и обществом. Имена палачей, монополистов, пожирателей ренты и халевищиков менялись. Суть процесса оставалась неизменной: простой человек должен расстаться с правом выбора, заплатить за это представителям власти и уверо-

вать в то, что решения чиновников и политиков принесут ему счастье и божью благодать. Опять же, если не в этой, то в следующей жизни.

Говоря о недопустимости ситуаций, «при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества», РПЦ призывает, по сути дела, к полному контролю государства и церкви над личностью.

Складывается впечатление, что они договорились о разделении полномочий и труда. Государству православная церковь отдает экономику и социалистические инструменты управления ею. Себе оставляет право на монополию в системе информации, знаний и нравственных суждений. Конечно, не за бесплатно, а за активное участие в «правильной», «богоугодной» деятельности. От имени государства, очевидно, должен выступать Кремль. Ну а Алексий II и его коллеги будут наделены полномочиями судить, нарушают ли действия того или иного человека нравственные традиции.

РПЦ гневно отвергает «политику двойных стандартов в области прав человека, а также попытки использовать эти права для продвижения политических, идеологических, военных и экономических интересов, для навязывания определенного государственного и общественного строя». Это явные нападки на ООН, ОБСЕ, Совета Европы, а также ЕС и США. Именно эти страны и организации ставят права и свободы человека во главу угла. Складывается впечатление, что данный пассаж был написан специально для главы Беларуси Александра Лукашенко, который при поддержке РПЦ уже более 10 лет бросает вызов тем самым «двойным стандартам». Однако одно дело, когда такие речи произносит руководитель одной небольшой страны. И совсем другое, когда РПЦ, заняв место идеологического министерства администрации президента России, бросает открытый вызов всей западной цивилизации. Под удар попадают не только ценности, но и Запад географический.

Русская православная церковь закладывает идеологию нового тоталитарного государства, новых форм порабощения личности во имя все той же «самобытной русской цивилизации». Оказывается, нефтеллары опьянили не только дисижнейкеров Кремля, но и лидеров РПЦ. На заключительной пресс-конференции митрополит Кирилл зашел так далеко, что заявил: «Возможно, тем самым [сформулировав проблематику прав и свобод человека в категориях, доступных и близких абсолютному большинству населения России] мы открываем новую эпоху построения правового государства, в котором будет уважаться человеческое достоинство». Управляемая демократия ФСБ и Владимира Путина, религиозная монополия РПЦ, экономическая олигополия верных клерикально-социалистическим идеалам олигархов – такое получается оригинальное государство. Вот только язык не поворачивается назвать его правовым или западным.

Подводя итоги работы X Всемирного русского народного собора, один из лидеров РПЦ уже без стеснений определил главное направление идеологического удара: «Мы нуждаемся в такой системе прав человека, которая действительно могла бы быть стыковочным узлом между различными цивилизационными моделями. Тогда отпадает необходимость в процессе глобализации нивелировать культурные разли-

чия между цивилизациями, тогда глобализация не будет нести в себе угрозу унификации, тогда мы сохраним многообразие и красоту Божия мира».

РПЦ, как и политическое руководство России, боится честной открытой конкуренции идей, институтов, товаров и услуг. Они идут по пути белорусского режима, который более 12 лет законными и незаконными методами борется с идеологическим и экономическим инакомыслием. С одной стороны, они отвергают цивилизацию фундаментализма, которая построена на уничтожении неверных, на презрении жизни и толерантности. Одновременно они не приемлют западную цивилизацию, для которой главная и непрекаемая ценность – жизнь и сам человек. Не может быть компромисса между жизнью и смертью. Нельзя убивать, красть или обманывать немножко, через день или только по пятницам. Человек становится насильником не тогда, когда он насилил каждый день, а даже если он это сделал однажды. Русская православная церковь предлагает опасный моральный релятивизм, еще один виток огосударствления личности и ее порабощения. Она копирует яркие антизападные образцы самого Запада, который уже давно погружен в постмодернизм.

Поскольку РПЦ активно работает в Беларуси и на Украине, то после принятия такой Декларации ее деятельность становится серьезной проблемой этих стран. Иметь на своей территории большую сетевую структуру, которая открыто выступает против западного пути развития, против ценностей эпохи Просвещения, против рыночной экономики и свободной торговли, значит, санкционировать деятельность по укреплению тоталитарных институтов. В свое время русские цари игнорировали В. Ленина, который затем предал свою страну и на немецкие деньги осуществил государственный переворот. Если Александр Лукашенко уже давно работает в парадигме РПЦ, то новому украинскому парламенту и Виктору Ющенко не стоило бы игнорировать официальную идеологию РПЦ. Партнерство двух мощных антизападных институтов РПЦ и российского государства не приведет к добру.

Крестовые походы не закончились. Они видоизменились, приобретя новые одежды и оружие. Сегодня против Запада аксессуарического, против цивилизации Просвещения и Модерна выступают не только исламские фундаменталисты, готовые использовать против миллионов людей даже ядерное оружие. Русская православная церковь принятием Декларации открыла против Запада второй фронт. Он не проходит по государственной границе Беларуси и Украины. Он уже давно находится на территории этих стран. Как ни парадоксально, открыть его помог сам географический Запад, готовя интеллектуальные элиты в Сорbonne, Беркли, Гарварде или Кембридже. Не замечать этой идеологической войны нельзя. Игнорировать ее – значит признать свою капитуляцию. Следовательно, мы должны четко определиться, что ей делать с «врагом у ворот», определиться со своим цивилизационным выбором. Иначе нас тоже ждет неприглядное будущее клерикально-социалистического государства. Как утверждает РПЦ, это будет «новая эпоха построения правового государства», новая «система прав человека». Знаковым отличием от эпохи советского прошлого будет то, что вместо красных звезд с серпом и молотом везде будут кресты. На них будут распяты надежды миллионов россиян, белорусов и украинцев на благополучное, счастливое будущее в Европе без границ.

В поисках Запада

Ответ на вопрос, что же такое Запад, по-прежнему стоит в повестке дня. Цивилизационный клэш XXI века, исламский фундаментализм и угрозы новых форм терроризма, рост кризисных явлений в богатых *welfare state* географического Запада, идеологическое противостояние РПЦ и Запада – все это заставляет нас вернуться к вопросу об идентификации Запада. Мы должны выработать четкое понимание того, что мы называем Западом, и определить, какие страны можно назвать западными с точки зрения ценностей, качества институтов и степени реализации прав и свобод человека.

С нашей точки зрения, концепция «Запад» включает в себя несколько фундаментов: философский, политический (свободная конкуренция) и гражданский (права и свободы человека), экономический (экономическая свобода), информационный, образовательный. Можно пойти по пути выделения десятков конкретных показателей или воспользоваться уже имеющимися индексами.

Аксиологический Запад – это страна или группа стран, которая является электоральной демократией со свободной конкуренцией политических партий, развитым гражданским обществом, соблюдением прав и свобод человека, высокой степенью экономической свободы (низкие налоги, низкая инфляция, свободный вход на финансовый рынок, полностью либерализованные текущий и капитальный счета, свободный рынок труда, отсутствие дискриминации импортеров, малое, прозрачное государство, конкуренция на рынке образовательных, медицинских и пенсионных услуг), свободным входом на рынок информации и наличием научного плюрализма на академическом и университете уровнях (представительство ученых, экономистов, теоретиков австрийской школы экономики, теории и философии свободы).

С политической и гражданской точек зрения Западом можно считать страны, которые по методике *Freedom House* (политические права и гражданские свободы) являются свободными, т. е. имеют индекс от 1 до 2,5 по семибалльной шкале («1» – самые свободные, «7» – самые несвободные). В индексе на 2006 г. из 192 стран свободными являются 89. В этих странах живет 3 млрд. человек (46% населения Земли), создана система открытой политической конкуренции, соблюдения гражданских прав и свобод, а также работают независимые от государственного диктата СМИ.

В качестве показателя экономической свободы стоит воспользоваться индексом, который регулярно составляют *CATO* и *Frazer Institute* или *Heritage Foundation*. Согласно индексу экономической свободы от фонда «Наследие», в 2006 г. в мире из 161 страны свободными явились 20. Все они представлены в индексе от *Freedom House*. Напомним, что данный показатель оценивает качество торговой политики, размер государства, степень государственного интервенционизма в экономику, монетарную политику, перемещение капитала и иностранные инвестиции, банки и финансы, оплату труда и цены, права собственности, государственное регулирование, неформальный сектор. Итак, по двум критериям аксиологическим Западом являются следующие страны: Гонконг, Сингапур, Ирландия, Люксембург, Ислан-

дия, Великобритания, Эстония, Дания, Австралия, Новая Зеландия, США, Канада, Финляндия, Чили, Швейцария, Кипр, Голландия, Австрия, Германия и Швеция.

Есть еще один критерий, который мы можем использовать для уточнения списка стран, квалифицируемых как западные. Речь идет об уровне открытости внешней торговли. Фонд «Наследие» ввел следующие критерии для членства в Глобальном альянсе свободной торговли (*Global Free Trade Alliance*).

Свобода торговли: страны должны проводить открытую торговую политику, иметь минимальные барьеры на импорт и минимальные субсидии отечественным производителям; средний импортный тариф не должен превышать 7,5% при малом числе нетарифных ограничений (квоты, лицензии и т. п.).

Свобода инвестиций: либеральная политика в отношении перемещения капитала и инвестиций; инвестиционный кодекс должен быть прозрачным и открытым; иностранный капитал не должен подвергаться дискриминации.

Свобода ведения бизнеса (низкие регуляторные барьеры): страна должна иметь простые процедуры регистрации, лицензирования и выполнения других обязательств перед государством.

Защита прав собственности: эффективные институты защиты прав собственности, независимый суд, доступ к информации, отсутствие дискриминации в отношении иностранных компаний.

По всем этим критериям в Глобальный альянс свободной торговли квалифицируются следующие страны: Ботсвана, Кипр, Дания, Эстония, Финляндия, Гонконг, Ирландия, Люксембург, Сингапур, Великобритания, США.

Поскольку регуляторное бремя и бизнес-климат являются важнейшим компонентом оценки экономической свободы, целесообразно использовать еще один индекс, который характеризует качественные параметры делового климата. Речь идет об индексе легкости ведения бизнеса, который разработан Всемирным банком. Первые двадцать стран в этом списке: Новая Зеландия, Сингапур, США, Канада, Норвегия, Австралия, Гонконг, Дания, Великобритания, Япония, Ирландия, Исландия, Финляндия, Швеция, Литва, Эстония, Швейцария, Бельгия, Германия, Таиланд.

С учетом этих двух факторов страны, которые подходят по четырем вышеуказанным критериям и которые можно считать западными аксессуарами, – Гонконг, Сингапур, Ирландия, Великобритания, Эстония, Дания, США и Финляндия. Таким образом, в ответ на вопрос, что такое Запад, мы можем назвать эту малую группу стран. Именно они подходят под те критерии и параметры, которые мы задали для Запада. Когда из более чем двухсот стран Запада только восемь подходят под критерии Запада, мы имеем все основания считать его исчезающим явлением или явлением, которое ради сохранения мира, стабильности и источников благосостояния надо занести в «Красную книгу» и всячески поддерживать. Если к этим восьми странам применить критерии философии и научного плюрализма (присутствие или доминация в информационном, образовательном, научном поле теории и философии свободы), а также свободу перемещения людей, то данная группа еще больше сократится. Наконец, если использовать критерий свободы выбора платежного средства и право производить свое платежное средство, тогда в группу «Запад» вообще не попадет ни одна страна. Поэтому Запад, против которого так рьяно высту-

пают современные коллективисты, на самом деле является явным меньшинством, которое тем не менее создает существенную долю мирового богатства, лидирует во многих технологических и научных областях.

В ПОИСКАХ ЗАПАДА

<i>Freedom House 2006</i>	<i>Heritage Foundation</i> Индекс экономической свободы 2006	Глобальный альянс свободной торговли <i>Heritage Foundation</i>	Индекс легкости ведения бизнеса Всемирный банк	ЗАПАД
89 стран	1. Гонконг 2. Сингапур 3. Ирландия 4. Люксембург 5. Исландия 6. Великобритания 7. Эстония 8. Дания 9. Австралия 10. Новая Зеландия 11. США 12. Канада 13. Финляндия 14. Чили 15. Швейцария 16. Кипр 17. Голландия 18. Австрия 19. Германия 20. Швеция	1. Ботсвана 2. Кипр 3. Дания 4. Эстония 5. Финляндия 6. Гонконг 7. Ирландия 8. Люксембург 9. Сингапур 10. Великобритания 11. США	1. Новая Зеландия 2. Сингапур 3. США 4. Канада 5. Норвегия 6. Австралия 7. Гонконг 8. Дания 9. Великобритания 10. Япония 11. Ирландия 12. Исландия 13. Финляндия 14. Швеция 15. Литва 16. Эстония 17. Швейцария 18. Бельгия 19. Германия 20. Таиланд	1. Гонконг 2. Сингапур 3. Ирландия 4. Британия 5. Эстония 6. Дания 7. США 8. Финляндия

Сколько Запада на постсоветском пространстве?

Россия, Украина, Беларусь и другие страны бывшего СССР далеки от стандартов аксеологического Запада. Они пошли по пути копирования основных институтов в системе Запада географического. Когда идеологи России или Беларуси выступают против Запада, они, по сути, выступают против своего собственного выбора трансформационных решений. Они добровольно, часто некритически приняли правила игры географического Запада. Использовать свои оригинальные решения, создать институты на основе теорий австрийской школы, с учетом выводов теории общественного выбора, рациональных ожиданий полисимейкеры в посттоталитарных странах не умели, не хотели или не знали как. Выбор сделан в пользу решений, в которых важную или ключевую роль играло государство. Это касается основных элементов экономической системы.

В области монетарной политики была скопирована монополия центрального банка, жесткий контроль над банковской и финансовой сферами. Ради перераспределения ресурсов или выполнения указаний исполнительной власти государству были предоставлены широкие возможности манипуляции денежными инструментами. В данной сфере аксеологически западным было бы решение восстановления золотого стандарта или легализация конкуренции валют (мультивалютность). Это было бы по-настоящему российским или украинским решением. Однако постсоветские экономические и политические элиты решили копировать западный (географический) стандарт, дополнив его национальной спецификой в виде легализации целого ряда перераспределительных схем и олигополистических практик.

Постсоветские страны так же слепо скопировали налоговую систему из географически западного *mainstream*. Россия, Украина, Беларусь, впрочем, как и страны Центральной и Восточной Европы, легко поддались на провокацию Запада (географического) и ввели у себя налог на добавленную стоимость. Они проигнорировали его природу, историю и причины введения во Франции и других странах Западной Европы, качество системы налогового администрирования, уровень налоговой и регуляторной нагрузки и уровень правовой культуры населения. Сегодня принципиальных различий между российской, украинской или белорусской налоговыми системами и аналогами из ЕС не так много. Разница в ставках, интерпретациях таких понятий, как «издержки», «прибыль», «доход» и др., но в остальном вся Европа работает по одним лекалам, спешит явно не на аксеологическом Западе. Налоговая нагрузка от 40% ВВП и выше, издержки выполнения обязательств перед государством (очередные 5 – 10% ВВП), размер некоммерческого сектора (монополия государства) от 25% ВВП и больше – все это доказательства того, что постсоветские страны механически скопировали фискальную систему географического Запада. Среди национальных особенностей – закрытость бюджетных расходов, наличие льгот и преференций, дублирование функций разных госорганов и отсутствие анализа эффективности бюджетных расходов. Аксеологически западной альтернативой была бы адаптация трех – пяти налогов с плоскими шкалами, четко определенной, однозначной налогооблагаемой базой с адекватными расходами государства в размере максимум 20 – 25% ВВП. Таким образом, претензии российских, украинских или белорусских предпринимателей к качеству фискальной политики – это претензии в адрес тех полисимейкеров, которые до сих пор пользуются ярко антизападными бюджетными и налоговыми инструментами. Опять же, попытки создать свою оригинальную налоговую и бюджетную политику в России, на Украине или в Беларуси не предпринимались даже на теоретическом уровне.

Постсоветские страны быстро научились применять западные (географически) стандарты в области торговой политики. Чиновники вооружили себя целым арсеналом инструментов, которые активно используют страны ЕС, США, Япония и другие страны ОЭСР. Экспортные и импортные таможенные пошлины, квоты, сертификация, санитарно-эпидемиологические нормы, бюджетная и административная поддержка экспортеров, импортозамещение – все эти инструменты придумали не в Москве, не в Киеве и не в Минске. Это географический Запад наработал их веками ведения торговых войн. Опять же, попытка определить контуры своей оригинальной, не заимствованной торговой политики постсоветские страны не предпринимали. Жесткий протекционизм и поддержка отечественного производителя товаров и услуг не имеет ничего общего с аксеологическим Западом.

Аналогичным образом подошли реформаторы постсоветских стран к сфере социальной политики (образование, здравоохранение, рынок труда, пенсионное обеспечение, наука), сетевых секторов (так называемых естественных монополий), почты, дорог и земли. Глубоким заблуждением является утверждение, что Россия, Польша или Украина выбрали западный путь экономического развития. С точки зрения ценностей и сути Запада, полисимейкеры сознательно или по незнанию отбросили как раз те решения, которые превратили Запад в самый богатый, технологически и научно развитый и продвинутый регион мира. Социально-экономические модели, которые сегодня доминируют на постсоветском пространстве, являются раз-

новидностями интервенционизма дозападной эпохи. Отдельные российские и белорусские институты, объявив борьбу с Западом, на самом деле должны бороться со своими полисимейкерами, которые до сих пор не предложили своим народам настоящую альтернативу. Страны СССР в течение довольно продолжительного времени экспериментировали с тоталитаризмом и централизованной плановой экономикой. Результат получился трагический. Сегодня Россия, Украина и Беларусь проводят еще один эксперимент – с мягкой формой социализма, созданного и разработанного на географическом Западе и легитимизированного на постсоветском пространстве национальными интеллектуальными и политическими элитами. После падения цен на нефть результат эксперимента также станет очевидным.

Почему же не бросить вызов географическому Западу и не начать создавать институты аксеологического Запада? На фоне постмодернистской Европы, углубляющейся там кризиса *welfare state* такая политика выглядела бы оригинально и ново. Она была бы вкладом постсоветских интеллектуальных элит в сохранение редкого, исчезающего явления под названием «Запад».

В постсоветских странах наработан богатый эмпирический материал, позволяющий внести свой вклад в развитие научных теорий аксеологического Запада. Теория бизнес-цикла, проблема экономического расчета, функционирование механизма «прибыль – убытки», проблемы получения и обработки информации при принятии решений – вот лишь небольшой перечень тем, развитие которых позволило бы изменить научный *mainstream* не только на постсоветском пространстве, но и на географическом Западе.

Запад продолжает борьбу с Западом. Запад географический словно превратился в матрицу, которая клонирует сама себя и уничтожает Запад аксеологический, где бы он географически ни размещался. Участники политических и интеллектуальных процессов, не говоря уже об обыкновенных людях, зачастую путают своих и чужих. Матрица научилась мимикировать под лучших представителей своего врага. В результате люди своими руками часто голосуют и поддерживают решения, которые ведут к ухудшению их жизни. Выиграть у Матрицы по ее правилам практически невозможно. Чтобы получить политическую, ресурсную и психологическую поддержку, необходимы новые способы идентификации, новая оппозиционная система «свой – чужой». Она поможет назвать вещи своими именами. Когда процесс идентификации закончится, мы увидим, что это не Запад борется с Западом. Это интервенционисты (коллективисты, фундаменталисты, социалисты, этатисты) разных видов и мастей под самыми разными вывесками ведут ожесточенную борьбу за контроль над чужими деньгами, ресурсами, активами и жизнями.

7. Время как точный индикатор качества жизни. Социальная ловушка интервенционизма

Воры вызывают презрение. Они живут не за счет заработанного или полученного в результате добровольного обмена между людьми. Они зависимы. Без жертв они были бы несчастны. Неприятно, когда у тебя что-то крадут. Еще неприятнее, когда это делается якобы тебе во благо. Реакция людей на факт кражи разная. Если

воровство происходит на протяжении длительного времени, то слабый, запореный человек неистово отрицает, что его обобрали. Он не хочет признаться даже себе, что его обокрали. Он продолжает жить, как прежде, считая своим долгом отдавать часть своего состояния или времени.

Возможны и другие варианты реакции. Один пойдет с топором чинить разборки, другой посмеется над собственной глупостью, проанализирует причины и впредь не допустит воровства. В открытой форме с воровством справиться проще. Купил замки, нанял охрану, поставил квартиру на сигнализацию – есть много способов сокращения рисков. Другое дело, когда воровство проходит незаметно. Я имею в виду кражу времени и ваших ресурсов: денежных, психологических, интеллектуальных и т. д.

Традиционным, для многих невидимым и оттого самым опасным вором является государство, т. е. политики и чиновники, которые монополизируют право выступать от имени народа. Приманки для кражи разнообразные и изощренные. Когда ты перестаешь реагировать на «наперстки», «пирамиды» и прочие способы обмана, где тебе обещают легко и быстро разбогатеть, тебе тут же подбрасывают новые, но под другими названиями – облигации, акции, чеки «Имущество». В такой ситуации у тебя есть хотя бы право выбора – не покупать предлагаемые товары. Гораздо труднее избежать воровства времени. Можно уехать в другую страну или максимально оградить себя от официальной части экономики, но эти способы имеют свои большие издержки.

Производство «воздуха» под благородным прикрытием

Ты тратишь два часа, чтобы доехать до работы на автобусе, потому что транспортникам запрещено повышать цены до уровня рентабельности. Ты каждый день «скитаешь» пять часов рабочего времени, чтобы заплатить налоги, потому что надо защищать отечественного с/х производителя, строителя, промышленника, а заодно и государственного служащего, контролера и милиционера. Читаешь в газетах, что всем им живется плохо, что будет еще хуже, и недоумеваешь: кто крадет твое время? На работе ты по-прежнему большую часть времени играешь на компьютере или бесконечно точишь одну и ту же деталь, жалуясь на начальника цеха, правительство, оппозицию и невезение. Зачем поступать иначе, если и так заплатят мало, спишут долги предприятию и дадут еще сырья и комплектующих, чтобы прикрытьничегонеделание благородным словом «производство»? Лишь бы какой-то ВВП рос хорошо.

Ты переплачиваешь за одежду, обувь, бытовую технику, импортную зубную пасту и компьютеры, потому что правительство решило дозировать нам конкуренцию. Каждый год по чуть-чуть, чтобы от свежего воздуха свободного рынка голова кругом не пошла. Таможенные пошлины, нетарифные ограничения, лицензии и ценорегулирование незаметно для неискушенных изымают из их жизни довольно большой объем времени. Изымают для других, во имя каких-то благородных целей. Ты по-хорошему хочешь помочь бедным, обездоленным и лишенным. Ты недоумеваешь, видя, что число их с каждым годом растет, а у тебя времени на себя остается все меньше. Кто и как крадет твое время? Ты чувствуешь, что здесь что-то не так, но понять ничего не можешь. По дорогим

иномаркам и особнякам чиновников, их растущей холености ты понимаешь, что тебя просто дурят. Как же так получается, что ты инвестируешь свое время, а оно путем магических трансформаций оказывается в виде движимого и недвижимого имущества в собственности далеко не самых бедных?

Проснись! Тебя уже обокрали!

Экономические «наперсточники» работают по старой добной советской привычке. Принцип системы интервенционизма прост: к национальному богатству не пущать, разве только по особому пропуску. Почему никто не выставил счет за украденное время советским и нынешним руководителям Беларуси, России или Украины? Потому что люди в большинстве своем не подозревают о том, что их обманывают. Ловкость рук была доведена до совершенства.

Реализация принципов равенства доходов и «не высовываться» затмила творческую инициативу. Национальным богатством и бюджетом руководят новые «лома-занники» от номенклатуры. Их предшественники более 7 лет вели нас к лучшей жизни. Завели, как тот Иван Сусанин, в болото. Сегодня нас ведут по второму кругу. Дорога кажется уж больно знакомой.

В старые времена о своем «мерседесе» или вилле в Швейцарских Альпах не смел думать даже секретарь обкома партии. Сейчас «Ролексом» и шикарной иномаркой уже никого не удивишь. Чтобы избиратор делал правильный выбор, надо было придумать новые заманчивые лозунги, убедить людей в единственно возможном пути. Идеологи от власти пытаются создать иллюзию справедливости, работы на общество, не ради себя, а ради великой национальной идеи. Советские экономисты придумали свою методику учета и отчетности. Они даже смогли убедить западных, симпатизирующих им экономистов в ее адекватности и научности. «*После 1980 г. ВВП Советского Союза превысит ВВП США. Наша перспективность советской экономической модели*», – утверждал П. Самуэльсон в 1979 г. По его учебникам до сих учатся миллионы студентов во всех странах мира. «*Разница между советскими и американскими общественными институтами уменьшается. Существует большая вероятность образования синтеза государственного социализма и капитализма*», – говорил Нобелевский лауреат Дж. Гэлбрейт. И эти люди продолжают оставаться светилами и авторитетами! Получив стандартное университетское образование, выпускник из России, Украины или Беларуси с трудом может описать реальный либерализм и сказать, почему социализм потерпел неудачу. Поэтому так легко сегодня политикам и чиновникам идти на обман и бесконтрольно воровать чужое время. В результате социальные стандарты обычновенных людей падают или повышаются крайне медленно. «Слуги народа» же на наших глазах превращаются в олигархов, миллионеров, в новый аморальный класс интервенционистской аристократии. Они загоняют миллионы людей в глубокую ловушку бедности. Ловушку, из которой в течение жизни выбраться нельзя.

Социальная ловушка

Мало назвать экономическую политику или стратегию развития страны социально ориентированной. Надо еще доказать, что предлагаемые механизмы и инструменты действительно приводят к декларируемым целям. В последнее время слово

«социальный» используется практически всеми полисимейкерами, причем для описания часто прямо противоположной политики. Это слово или термин превратилось в некое политически корректное и обязательное для использования клише. Изначальный смысл утерян. Семантика слова «социальный» прошла такую же трансформацию, как и слова «либеральный». Поэтому разговор о чем-либо «социальном» требует детального определения и описания. Начнем с определения.

Социальная ловушка – это такое состояние человека, когда инвестиции его личных факторов производства (сбережения, недвижимость, патенты, знания, навыки, время, внимание, воля и т. п.) не приводят к генерации денежного дохода, необходимого для приобретения корзины базовых товаров и услуг в течение периода активной трудовой деятельности. Главными, самыми дорогостоящими и времязатратными элементами такой корзины являются жилье и образование. В развивающихся странах к этим позициям можно добавить новый автомобиль, а также некоторые товары длительного пользования. Можно сказать, что страна выбрала правильную стратегию развития, если мы видим стабильное сокращение числа людей, которые находятся в социальной ловушке.

Мы говорим о социальной ловушке как о феномене всего жизненного экономического цикла. В одном или нескольких краткосрочных периодах денежный доход человека может быть высоким, но в долгосрочном периоде этих ресурсов не хватит для приобретения корзины базовых товаров и услуг. Человек также может получить наследство или быть бенефициаром денежных трансфертов родственников или близких. Однако таких людей в переходных экономиках очень мало. Более того, часто люди старшего поколения оказывают помощь молодым людям трудоспособного возраста.

Для оценки параметров ловушки бедности важно учитывать следующие факторы:

- уровень зарплаты;
- возможность получения дополнительных денежных доходов (финансовый, фондовый рынки, аренда объектов недвижимости и земли, дополнительная занятость);
- состояние рынка труда;
- производительность труда;
- уровень розничных цен на товары и услуги;
- степень открытости конкуренции на основных рынках;
- уровень протекционизма внутреннего рынка;
- объем иностранных и внутренних инвестиций в стране;
- вовлечение страны в международную систему.

Все эти факторы прямо или косвенно влияют на два важнейших компонента Индекса социального благополучия (ИСБ) «Ивановна», методика расчета которого приводится ниже. Аксиоматично то, что уровень доходов в стране в большой степени зависит от следующих факторов: количество капитала, которое работает в стране, технологический уровень производства, степень интеграции в региональную и мировую систему разделения труда (как горизонтальная интеграция – размещение производств конечных потребительских товаров, так и вертикальная интегра-

ция – размещение производств промежуточных товаров, компонентов для ТНК), качество человеческого капитала, качество транспортной, телекоммуникационной, инженерной и энергетической инфраструктуры.

Анализ интенсивности инвестиций, емкости финансовых и фондовых рынков, объема торговли и качества институтов доказывает, что фундаменты устойчивого роста благосостояния наиболее крепки в тех странах, власти которых гарантируют экономическим субъектам высокую степень экономической свободы. Напомним, что это означает не только свободу от криминального насилия, государственного произвола, конфискации, но и свободу торговли, самостоятельного выбора параметров производства и обмена, свободу сбережения, инвестирования, пользования различными денежными инструментами и различными валютами.

Экономическая свобода – это низкие налоги, низкие государственные расходы, ограничение сферы деятельности монополий, небольшие размеры нерыночного сектора, гарантии прав собственности, гарантии исполнения контрактов, равные условия ведения бизнеса, стабильность покупательной способности национальных денег, свобода контактов внутри страны и с зарубежными партнерами, ограниченные масштабы государственного регулирования. Страны, которые наиболее последовательно и долго придерживались такой политики, имеют гораздо больше накопленного капитала, стали лидерами в области технологий. Они обладают большими ресурсами для увеличения перспективной и деловой конкурентоспособности. Именно эти страны демонстрируют самые высокие в мире показатели по индексу социального благополучия «Ивановна». Мы наблюдаем четкую корреляцию между всеми этими индикаторами.

Таблица 7

Динамика рейтинга экономической свободы*

Место по докладу 2006 г.	Страна	Место по докладу 2005 г.	Индекс экономической свободы (ИЭС) Доклад 2006 г.	Индекс экономической свободы (ИЭС) Доклад 2005 г.
1	Гонконг	1	8,7	8,7
2	Сингапур	2	8,5	8,5
3	Новая Зеландия	3	8,2	8,2
12	Эстония	9	7,7	7,8
24	Швеция	24	7,3	7,3
35	Латвия	44	7,1	6,8
40	Литва	44	7,0	6,8
53	Индия	66	6,7	6,4
53	Польша	78	6,7	6,1
95	Китай	86	5,7	6
111	Украина	103	5,4	5,5
102	Россия	115	5,6	5,1
119	Беларусь	117**	5,1	4,9

*В Докладе 2005 г. в рейтинге было 127 стран, в 2006 г. – 130.

** Расчет Центра Мизеса (Беларусь).

Источник: *Economic Freedom of the World 2005, 2006 Annual Report*.

Таблица 8

Экономическая свобода – основа социального благополучия

Показатель	25% самых экономически несвободных стран	2-я группа 25%	3-я группа 25%	25% экономически самых свободных стран
1. Доход на душу населения по ппс USD 2003, в постоянных USD 2000 г.	2998	4859	10360	24402
2. Реальный экономический рост ВВП на душу населения, 1990 – 2003 гг.	-0,2	1,5	1,5	2,1
3. Экономическая свобода и безработица, 2003 г.	12,7	10,8	10,6	5,9
4. Продолжительность жизни при рождении, 2003 г., лет	55,0	63,2	69,4	77,8
5. Экономическая свобода и доля дохода самых бедных 10% населения, 2003 г., %	2,2	2,4	2,1	2,5
6. Экономическая свобода и годовой уровень дохода самых бедных 10% населения, 2003 г., \$	826	1186	2322	6519
7. Экономическая свобода и глобализация, индекс глобализации, 2005 г., A.T. Kearney Foreign Policy Globalization Index	48,3	41,7	34,2	13,5
8. Детская смертность, на 1000 новорожденных, 2003 г.	72,4	47,2	22,7	5,9
9. Доля детей в рабочей силе, 2003 г., %	19,3	12,0	3,6	0,3
10. Доступ населения к улучшенной питьевой воде, 2002 г., %	71,1	80,5	89,0	97,9
11. Экономическая свобода и индекс развития человеческого потенциала ИРЧП, Доклад ПРООН, 2003 г.	0,6	0,7	0,8	0,9
12. Экономическая свобода и защита окружающей среды Pilot 2006 Environmental Performance index 2006	57,5	60,9	70,5	80,7
13. Коррупция (по индексу восприятия коррупции 2005 «0» – самая высокая коррупция, «10» – нет коррупции)	3,0	3,7	4,4	6,8
14. Политические права, индекс от Freedom House («1» – самая высокая степень свободы, «7» – самая низкая), 2003 г.	4,6	3,5	1,9	1,8
15. Гражданские свободы, индекс от Freedom House («1» – самая высокая степень свободы, «7» – самая низкая)	4,3	3,3	2,3	1,7

Источник: *Economic Freedom of the World 2006. Annual Report, Frazer Institute.*

Таблица 9

Места стран по Индексу экономической свободы, 2003 – 2007 гг.

Страна	2007	2006	2005	2004	2003
Эстония	12	7	4	6	6
Литва	22	23	23	22	29
Латвия	41	39	28	29	33
Чехия	31	21	33	32	35
Молдова	81	83	77	79	92
Польша	87	41	41	43	44

Глава I.

Определимся с терминами

Страна	2007	2006	2005	2004	2003
Россия	120	122	124	114	135
Украина	125	99	88	117	131
Казахстан	75	113	130	131	119
Беларусь	145	151	143	145	151

Источник: www.heritage.org Индекс экономической свободы 2007.

Таблица 10

Динамика Индекса экономической свободы, 1995 – 2006 гг.

Страна	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007	Динамика, 1995–2007 гг.	Динамика, 2000–2007 гг.
Эстония	65,2	74,2	79,4	79	76,6	75,9	78,1	12,9	3,9
Литва	47,4*	63,3	68,2	70,9	69,5	73	72	24,8	8,7
Латвия	54,6*	63	65	66,2	63	69,2	68,2	13,6	5,2
Чехия	71,8	71,6	67,2	66,8	66,6	70	69,7	-2,1	-1,9
Молдова	33	58,1	57,5	54,8	55,1	63,2	59,5	26,5	1,4
Польша	52,3	63	61,5	58,7	59	61,6	58,8	6,5	-4,2
Россия	49,7	50,1	49,1	51,1	50,1	54,3	54	4,3	3,9
Украина	33,7	47,4	49,7	51,8	53,7	55,5	53,3	19,6	5,9
Казахстан	39,1**	47,5	50	47,3	51,1	61,2	60,4	21,3	12,9
Беларусь	41,2	37,8	33,9	41,6	45,3	48,5	47,4	6,5	9,9

* за 1996г. – первый год оценки.

** за 1998г. – первый год оценки.

Источник: www.heritage.org Индекс экономической свободы 2007.

Таблица 11

Динамика компонентов экономической свободы, 2000 – 2007 гг.

Показатель	Беларусь			Россия			Польша			Литва			Украина			
	2000	05	07	2000	05	07	2000	05	07	2000	05	07	2000	05	07	
Свобода для бизнеса	30	10	54,5	30	30	66,6	50	50	56,1	50	50	86,4	30	30	54	
Свобода торговли	52,6	64	62,2	52,4	63,2	62,6	89,8	74,2	76,6	96	79	76,6	85	71,2	72,2	
Фискальная свобода	72,2	84,2	87,9	83,1	94,3	86,3	72,1	78,9	79,1	80,3	88,5	91	74,9	88,7	89,1	
Свобода от государства	52,6	49,4	66,9	67,9	65,4	71,6	47,9	44,8	55,3	71,2	71,8	76,6	33,5	82	61,9	
Монетарная свобода	32,5	42,7	61,4	57,5	65,6	62,8	66,9	82,3	80,3	72,4	90,1	81,2	63	76,2	68,4	
Свобода инвестиций	30	30	20	50	30	30	70	50	50	70	70	70	50	30	30	
Финансовая свобода	30	30	10	30	30	40	50	70	50	50	90	80	30	50	50	
Права собственности	30	30	20	50	30	30	70	50	50	50	50	50	30	30	30	
Свобода от коррупции	10	42	26	30	27	24	50	36	34	30	47	48	30	23	26	
Свобода на рынке труда			70,4	64,7		65,8	66,2		53,9	56,2		58	60,1		56,3	51,8

Источник: www.heritage.org Индекс экономической свободы 2007.

Беларусь, Россия и Украина выбирают жесткий интервенционизм

Страны СНГ на практике отказались от создания полноценной капиталистической экономики. Полисимейкеры и большинство экспертов игнорируют выводы исследований по экономической свободе и, по сути, новую теорию экономического роста. Формы интервенционизма, которые используют страны, отличаются по интенсивности, правовому оформлению и содержанию, но так или иначе в России, на Украине, тем более в Беларуси, нет и никогда не было системы децентрализованного принятия экономических решений. Государство никогда не добивалось высокого качества услуг по защите жизни и собственности граждан.

Беларусь – единственная страна региона, которая не только на словах, но и на практике отказалась от создания системы, основанной на открытой политической и экономической конкуренции. 1991 – 2004 гг. – время инерционного распада коммунистической системы, 1995 – 2005 гг. – период активного восстановления неплановой, сильно централизованной экономики. Ее основные характеристики: доминация государственной собственности, монополизация и олигополизация рынков,сильный государственный интервенционизм во все сферы экономической деятельности, отсутствие динамичного права собственности, сильный торговый протекционизм, а также отсутствие личных прав и свобод. Созданную модель можно назвать белорусским **неопланом**, т. е. новой плановой экономикой. Многие ее элементы воспроизведены в России и на Украине.

Теоретической основой для создания неоплана стали стандартные рецепты марксистской и кейнсианской школ: стимулирование совокупного спроса, канализация инвестиций в «точки роста» и выделение их из общих правовых и экономических условий рынка, использование целого ряда инструментов монетарной и фискальной политики для проведения контрциклической политики, а также достижение полной занятости.

По мнению белорусских и российских сторонников данной модели, она должна была генерировать лучшие экономические показатели и, следовательно, лучшие социальные индикаторы. Проверим, чего же добились белорусские, российские и украинские полисимейкеры на фоне других стран, которые выбрали иную стратегию развития и целевую модель. Если Беларусь действительно имеет лучшие социальные показатели, чем рыночные, экономически свободные страны, если ее власти ликвидировали угрозу попадания в социальную ловушку бедности, тогда мы можем говорить о перспективности выбора ее модели.

Традиционная оценка

Уровень социального благополучия можно оценивать по-разному. Одни используют цифры по зарплате и пенсии, но не учитывают динамику цен. Другие говорят о ВВП на душу населения или госрасходах на социальные нужды. Эта методика также некорректна. Далеко не каждый получает кусок этого самого ВВП. Третьи описывают качество жизни при помощи индекса развития человеческого потенциала. Часто используются разного рода черты бедности. Все эти методики имеют раз-

ные достоинства и недостатки. Вот каковы результаты традиционной оценки социально-экономических показателей Беларуси и стран региона.

Данные докладов о мировом развитии Всемирного банка²⁵ получены по одной методике, поэтому хорошо подходят для международных сравнений. Валовой национальный доход (ВНД, или *gross national income*) Беларуси в 2004 г. составил \$20,9 млрд., или \$2120 на душу населения. Этот же показатель по паритету покупательной способности – \$68 млрд., или \$6900 на человека. Да, Беларусь опережает Азербайджан или Армению. Для справки: БССР в составе СССР делала это последние 50 лет. А вот на фоне наших партнеров по так и не родившемуся Единому экономическому пространству (ЕЭП), не говоря уже о странах Центральной и Восточной Европы, у Беларуси худшее показатели. Казахстан имеет ВНД \$2260 на душу населения (на 6,6% больше, чем у нас), а по ппс – \$6980, Россия – \$3410 (на 60,8% больше нашего уровня), по ппс – \$9620. Беларусь обгоняет Украину (более чем на 40%), но по ппс эти страны практически на одном уровне. Получается, что даже сильно дозированная экономическая и политическая свобода генерирует лучший результат, чем последовательный неоплан.

Польша, Литва, Латвия и Эстония сделали ставку на значительно большее присутствие рынка в экономике, отказавшись от широкомасштабного интервенционизма. Они предпочли большие экономической и политической свободы, решились на реальную интеграцию в рамках ЕС и получили приличный результат. Он на порядок лучше белорусского, якобы уникального и «чудесного». Так, ВНД Польши в 2,9 раза больше белорусского, а по ппс – в 1,8 раза. Литовцы обогнали Беларусь в 2,7 раза, по паритету – в 1,8 раза. Новые страны ЕС гораздо быстрее приближаются к социальным и экономическим стандартам богатого Запада. Страны же СНГ, выбравшие гораздо более жесткий интервенционизм, по-прежнему отстают от него на целые поколения.

ВНД на душу населения Германии в 14,2 раза выше белорусского. Средняя американская «душа» в 19,5 раза богаче. Более того, Беларусь все еще почти в 3 раза отстает от среднего показателя ВНД на душу населения по мировой экономике в целом. Доля Беларуси в нем составляет ничтожно малую величину – 0,05%, а по ппс – 0,1%. По ВВП доля Беларуси в мировой экономике в 2004 г. составила 0,06%. Впрочем, так было и 5, и 15 лет назад. Если бы действительно белорусский неоплан был лучше капиталистической экономики, то доля Беларуси в мировой экономике имела бы четкую тенденцию к росту. Топтание на месте едва ли можно назвать неким стратегическим успехом.

Не являются уникальными и темпы роста ВВП, которые демонстрирует Беларусь в последние годы. В 2003 – 2004 гг. темпы роста ВВП на душу населения составили 11,5%. Приличный показатель. Но почти столько же показали Армения и Азербайджан. Украина с низкого старта увеличивала свой ВВП за это время на 12,9%, а Туркменистан – на 15,4%. В 2000 – 2004 гг. темпы роста ВВП Беларуси (6,7%) вообще сливаются с десятками других стран мира. У Армении, Азербайджана и Казахстана они значительно выше. Беларусь опережают Украина (8,6%), Китай (8,7%) и Молдова (6,9%). Даже вступившие в ЕС Литва и Латвия, которые провели глубокие структурные реформы и в большой мере отказались от торгового протекционизма, демонстрируют более высокие темпы роста (7,5%).

Этот показатель достигнут при значительном топливно-энергетическом гранте для Беларуси со стороны России и при специфике белорусской статистики.

Таким образом, по традиционной методике оценки показателей экономического и социального развития белорусский неоплан работает хуже, чем экономически и политически более свободные страны.

Таблица 12

Индекс развития человеческого потенциала

Место в Докладе 2006		Место в Докладе 2005	Место в Докладе 2004	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении Доклад 2006	ИРЧП в Докладе 2006	ИРЧП в Докладе 2005
2005	2005					
1	1	Норвегия	1	79,6	0,965	0,963
2	2.	Исландия	7	80,9	0,960	0,956
3	3.	Австралия	3	80,5	0,957	0,955
37	36	Польша	37	74,6	0,862	0,858
40	38	Эстония	36	71,6	0,858	0,853
41	39	Литва	41	72,5	0,857	0,852
45	48	Латвия	50	71,8	0,845	0,836
65	62	Россия	57	65,2	0,797	0,792
67	67	Беларусь	62	68,2	0,794	0,786
77	78	Украина	70	66,1	0,774	0,766
79	80	Казахстан	78	63,4	0,774	0,761
81	85	Китай	94	71,9	0,768	0,755
114	115	Молдова	113	68,1	0,694	0,671
126	127	Индия	127	63,6	0,611	0,602

Источник: Доклад о развитии человека в 2004 – 2006гг.

Таблица 13

Динамика ВВП на душу населения, по паритету покупательной способности*

Страна	ВВП на душу населения, по ппс			Доклад 2006 к докладу 2004г. в %
	Доклад 2006	Доклад 2005	Доклад 2004	
Норвегия	38454	37670	36600	+5
Исландия	33051	31243	29750	+11
Австралия	30331	29632	28260	+7,3
Эстония	14555	13539	12260	+18,7
Литва	13107	11702	10320	+27
Польша	12974	11379	10560	+22,9
Латвия	11653	10270	9210	+26,5
Россия	9902	9230	8230	+20,3
Казахстан	7440	6671	5870	+26,7
Беларусь	6970	6052	5520	+26,3
Украина	6394	5491	4870	+31,3
Китай	5896	5003	4580	+28,7
Индия	3139	2892	2670	+1706
Молдова	1729	1510	1470	+17,6

*Доклад 2006г. – данные за 2004 г. Источник: Доклад о развитии человека в 2004 – 2006 гг.

Глава I.

Определимся с терминами

Таблица 14

Беларусь в мире: затраты на здравоохранение и образование

Место в Докладе 2006	Страна	Расходы на здравоохранение на душу населения по пис., \$		Количество врачей на 100 тыс. чел. 1990 – 2004	Госрасходы на образование, % ВВП	
		2002	2003		2000 – 2002	2002 – 2004
1	Норвегия	3409	3809	313	7,6	7,7
2	Исландия	2802	3110	362	6	8,0
3	Австралия	2699	2874	247	4,9	4,8
37	Польша	604	745	247	5,7	5,8
40	Эстония	477	682	448	5,8	5,7
41	Литва	549	754	397	5,9	5,2
45	Латвия	657	678	301	5,6	5,4
65	Россия	585	551	425	3,8	3,7
67	Беларусь	583	570	455	6	5,8
77	Украина	210	305	295	5,4	4,6
79	Казахстан	261	315	354	3	2,4
81	Китай	151	278	106	4,9	4,2
114	Молдова	261	177	264	-	4,9
126	Индия	96	82	60	4,1	3,3

Источник: Доклад о развитии человека в 2005, 2006 гг.

Таблица 15

Поддержка науки

Место в Докладе 2006	Страна	Расходы на НИОКР, % ВВП		Работники, занятые в НИОКР, на 1 млн. человек 1990 – 2003
		1997 – 2002	2000 – 2003	
1	Норвегия	1,7	1,7	4587
2	Исландия	3,1	3,1	6807
3	Австралия	1,5	1,6	3670
37	Польша	0,7	0,6	1581
40	Эстония	0,4	0,8	2523
41	Литва	0,7	0,7	2136
45	Латвия	0,6	0,4	1434
65	Россия	1,2	1,3	3319
67	Беларусь	0,6	0,6	1871
77	Украина	1,2	1,2	1774
79	Казахстан	0,3	0,2	629
81	Китай	-	1,3	663
114	Молдова	1,2	-	172
126	Индия	0,8	0,8	119

Источник: Доклад о развитии человека в 2005, 2006 гг.

Таблица 16

Создание и распространение технологий

Страна	Число пользователей сотовой связью, на 1000 человек		Число пользователей интернета на 1000 чел.		Патенты, выданные резидентам, на 1 млн. человек		Роялти и лицензионные платежи в \$ на душу населения	
	2003	2004	2003	2004	2003	2004	2003	2004
Норвегия	909	861	346	390	-	-	42,9	52,6
Исландия	966	998	675	772	7	14	0	5,8
Австралия	719	818	567	646	85	26	20,1	23,6
Польша	451	605	232	236	22	20	0,7	0,7
Эстония	777	931	444	497	8	3	3,5	3,0
Литва	630	996	202	282	15	18	0,1	0,2
Латвия	526	664	404	350	0	38	1,9	3,5
Россия	249	517		111	105	133	1,2	1,6
Беларусь	113	329	141	163	54	76	0,1	0,2
Украина	136	289	-	79	0	0	0,3	0,9
Казахстан	-	184	-	27	0	0	0	0
Китай	215	258	63	73	5	0	0,1	0,2
Молдова		187		96		57		0,5
Индия	25	44	17	32	0	1	0	0
Швеция	980	1034	620	756	317	275	261,8	384
США	546	617	556	630	302	281	167,2	178,2

Источник: Доклад о развитии человека в 2005-2006гг.

Таблица 17

Экономическое развитие

	ВВП на душу населения в USD 2004	ВВП на душу населения в USD 2003	Среднегодовые темпы роста ВВП % 1975 – 2004	Среднегодовые темпы роста ВВП % 1990 – 2004	Среднегодовая инфляция в % 1990 – 2004
Норвегия	54465	48412	2,6	2,5	2,2
Исландия	41893	36377	1,7	2,0	3,2
Австралия	31690	26275	2,1	2,5	2,4
Польша	6347	5487		4	17,5
Эстония	8331	6713	2,1	4,3	13,3
Литва	6480	5274		1,4	16,7
Латвия	5868	4771	0,3	2,8	17,0
Россия	4042	3018	-1,2	-0,6	59,4
Беларусь	2330	1770	-	1,6	163,7
Украина	1366	1024	-4,5	-3,2	73,3
Казахстан	2717	2000		1,7	33,6
Китай	1490	1100	8,4	8,9	5,5
Молдова	615	463	-6,1	-5,3	17,0
Индия	640	564	3,4	4,0	7,5

Источник: Доклад о развитии человека в 2005 – 2006 гг.

Таблица 18

Энергия и окружающая среда

Страна	Потребление электроэнергии на душу населения кВт/ч		ВВП на единицу использованной энергии (в USD2000 по пис за 1 кг. нефтяного эквивалента)		Эмиссия углекислого газа на душу населения в метрических тонах	
	1980	2003	1980	2003	1980	2003
Норвегия	22400	25295	4,5	6,8	8,2	9,9
Исландия	13838	29412	3,1	2,5	8,2	7,6
Австралия	6599	11446	3,7	4,8	13,9	18
Польша	3419	3702	-	4,6	12,8	7,9
Эстония	-	6094	-	3,4	-	13,6
Литва	-	3453	-	4,3	-	3,7
Латвия	-	2835	-	5,3	-	2,9
Россия	-	6303	-	1,9	-	10,3
Беларусь	-	3388	-	2,2	-	6,4
Украина	-	3683	-	1,9	-	6,6
Казахстан	-	4114	-	1,9	-	10,7
Китай	307	1440	1,3	4,5	1,5	3,2
Молдова	1119	1273	-	-	4,1	3,1
Индия	173	594	3,3	5,3	0,5	1,2
Швеция	11700	16603	3,7	4,6	8,6	5,9
США	10336	14057	2,8	4,5	20,1	19,8
Германия	-	7258	3,7	6,1	-	9,8
Япония	4944	8212	5,7	6,5	7,9	9,7

Источник: Доклад о развитии человека в 2006 гг.

Таблица 19

Структура торговли

Страна	Импорт товаров и услуг, % ВВП		Экспорт товаров и услуг, % ВВП		Доля экспорта высокотехнол. товаров, % произведенных товаров на экспорт	
	1990	2004	1990	2004	1990	2004
Норвегия	34	30	40	44	12	18
Исландия	33	43	34	37	10	6
Австралия	17	21	17	18	8	14
Польша	22	41	29	39	-	3
Эстония	-	86	-	78	-	14
Литва	61	61	52	54	-	5
Латвия	49	60	48	44	-	5
Россия	18	22	18	35	-	9
Беларусь	44	74	46	68	-	3
Украина	29	54	28	61	-	5
Казахстан	-	46	-	55	-	2
Китай	16	31	19	34	-	30
Молдова	51	82	48	51	-	4
Индия	9	23	7	19	-	5
Швеция	29	38	30	46	13	17

Страна	Импорт товаров и услуг, % ВВП		Экспорт товаров и услуг, % ВВП		Доля экспортов высокотехнол. товаров, % произведенных товаров на экспорт	
	1990	2004	1990	2004	1990	2004
США	11	14	10	10	34	32
Германия	25	38	25	38	11	17
Япония	9	10	10	12	24	24

Источник: Доклад о развитии человека в 2006 году.

Таблица 20

Накопленные ПИИ по состоянию на начало 2006г., млн. \$

Страна	Накопленные в стране ПИИ	Накопленные ПИИ на душу населения	Доля накопленных ПИИ от общих ПИИ мира %
Мир	10,129,739	1552	100
ЕС	4,499,128	9847	44,4
Эстония	12,274	9442	0,12
Латвия	4783	2174	0,04
Литва	6461	1805	0,06
Польша	93,329	2424	0,92
Китай	317,873	242	3,14
Беларусь	2383	245	0,02
Казахстан	25,152	1655	0,25
Молдова	1129	253	0,01
Россия	132,491	927	1,3
Украина	17,209	369	0,17

Источник: UNCTAD, World Investment Report 2006, расчеты автора.

Индекс развития человеческого потенциала

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) также может быть использован для оценки социальной ориентации страны. Из Доклада о развитии человека в 2005 г. «Междунородное сотрудничество перед выбором: помоць, торговля и безопасность в неравном мире»²⁶ явно видно, что Беларусь устойчиво ухудшает свое положение по ИРЧП. В Докладе 2003 г. Беларусь была на 53-м месте. В 2004 г. она переместились на 62-е, в 2005 г. была на 67-м месте. Россия с ее проблемами в Чечне, коррупцией, плохой инфраструктурой и техногенными авариями второй год подряд находится выше.

Если судить по ИРЧП, стагнация Беларуси очевидна. В 1990 г. индекс составлял 0,787. По итогам 2003 г. (данные Доклада 2005) этот показатель составил 0,786. У нас было небольшое падение до 0,751 в 1995 г. и взлет до 0,804 в 2001-м. По сути, мы топчемся на одном месте, в то время как многие другие страны уверенно идут вперед. В 1990 – 2003 гг. Польша повысила ИРЧП с 0,803 до 0,858, Эстония – с 0,814 до 0,853, Литва – с 0,823 до 0,852. Это наши соседи, которые выбрали европейский путь развития и вступили в ЕС. Динамика же стран СНГ совершенно иная.

Начав примерно с одной стартовой площадки, мы с нашими западными и северными соседями пошли в разные стороны. Россия в 1990 г. имела индекс 0,817, а в 2003 г. – 0,795, Украина – соответственно 0,799 и 0,766, Казахстан – 0,767 и 0,761.

Заметно упал уровень и качество жизни в Молдове: в 1990 г. ИРПЧ был 0,739, а в 2003-м – 0,671. Цена одной десятой индекса – это прыжок, к примеру, с 57-го места (Тринидад и Тобаго – 0,801) на 26-е (Словения – 0,904) или со 109-го (Кыргызстан – 0,702) на то же 57-е.

За последние 15 лет добиться роста хотя бы на 0,05 пункта был вполне реально. Десяткам стран это удалось. Тот же Китай в 1990 г. имел ИРЧП 0,627, сегодня – 0,755. Происходит стремительное сближение Беларуси и поднебесной. Если ничего не изменится и Китай будет быстро внедрять капиталистические рецепты, а Беларусь продолжит жить по заветам Мао и его советских учителей, то к 2007 г. по ИРПЧ Беларусь окажется ниже Китая.

Динамика ИРЧП убедительно опровергает гипотезу о том, что белорусский неоплан генерирует лучшие условия для развития человеческого потенциала, чем экономически свободные капиталистические страны. ИРЧП отражает результат комплексной социальной политики государства. Здесь есть социально-экономический элемент, учитываются инвестиции в здравоохранение и образование, развитие инфраструктуры, гендерные и экологические факторы. Если бы проводимая политика была сбалансирована в пользу человека, то Беларусь могла занять не 67-е место, а 25 – 30-е, т. е. быть там, где сегодня находится Словения. В свое время эта страна также считалась сборочным цехом ставшей историей Югославии. Данные Доклада-2005 доказывают, что так называемой социальной ориентации неоплановой экономики хватает разве только на то, чтобы топтаться на уровне 1990 г. Социальные ловушки в Беларуси, России или на Украине, которые выбрали жесткий интервенционизм, не стали реже и мельче.

Индекс социального благополучия «Ивановна»

Для оценки рисков попадания в социальную ловушку мы предлагаем еще одну методику. Индекс социального благополучия (ИСБ) «Ивановна», конечно, не претендует на статус единственного верного и абсолютно точного инструмента определения качества жизни. Он дополняет выводы, которые делают другие мозговые центры (*CATO, Frazer Institute, Heritage Foundation*), делая акцент на социальных преимуществах именно капиталистической экономики.

ИСБ выгодно отличается от других инструментов, особенно агрегатных, не только для оценки уровня жизни, но и для диагностики стратегии развития страны. В основе ИСБ лежит оценка количества времени, которое надо проработать, чтобы на полученные деньги купить тот или иной товар или услугу. ИСБ не зависит от агрегатных показателей и «прочих равных». Расчет его очень прост. Первый компонент – зарплата. Мы берем среднегодовую зарплату, которую подсчитывают официальные органы статистики. Второй компонент – продолжительность рабочего дня, месяца и года. Третий – розничная цена товара или услуги. Сначала мы определяем стоимость одного часа работы среднего рабочего (ЗП в месяц/количество часов). Затем при помощи элементарных арифметических операций рассчитываем, сколько времени нужно отработать, чтобы купить тот или иной товар.

Например, розничная цена 1 кг апельсинов в Беларуси составляет \$1,5. Сколько времени нужно отработать, чтобы на заработанные деньги его купить, скажем, в 2005 г.? Среднегодовая зарплата в Беларуси в 2005 г. составила около \$210. Человек

работает 8 часов в день, 40 часов в неделю (5 рабочих дней), в месяц – 160 часов. Соответственно, в год человек нарабатывает 1920 часов. Получается, что в час средний белорус зарабатывает \$210 : 160 часов = \$1,31. Это и есть цена одного часа, цена единицы рабочего времени. Затем рассчитываем время, которое нужно отработать, чтобы купить 1 кг апельсинов: \$1,5 x 60 мин. : \$1,31 = 1 час 9 минут. Такой же расчет производится по каждому из 35 товаров и услуг, которые входят в индекс «Ивановны». Затем все время суммируется. В 2005 г. для Беларуси этот результат составляет 63293 ч. 4 мин., что эквивалентно 33 полным годам работы. Индекс социального благополучия получается при делении данной суммы на 1000 и округления результата до десятых, т. е. в 2005 г. ИСБ «Ивановна» для Беларуси составил 63,3 пункта.

Таким образом, зная денежный доход человека (зарплату) и розничные цены в разных странах в разные годы, можно совершенно корректно, без курсовых искажений, с учетом реальных доходов определить, кто живет лучше, т. е. работает меньше, чтобы купить аналогичный товар или услугу. Именно этот принцип лежит в основе «Ивановны». Чем больший доход получает человек за единицу времени, тем быстрее и больше товаров и услуг он может купить. Значит, больше времени остается на семью, друзей, отдых, развлечения и спорт или путешествия. Соответственно, выше уровень не только его социального благополучия, но и удовлетворения жизнью.

Компоненты ИСБ «Ивановна» разбиты на четыре группы: продовольственные и непродовольственные товары, товары длительного пользования и услуги. Мы можем сравнивать эти компоненты как между странами, так и за разные годы одной и той же страны. 35 товаров и услуг выбраны на основе реальной структуры потребления домашнего хозяйства, а также для представления основных затратных статей не текущего, а жизненного потребления, т. е. «Ивановна» оценивает долгосрочную структуру потребления и жизненный цикл доходов.

К таким расходным статьям в первую очередь относится образование, жилье и хороший автомобиль. Вне зависимости от страны эти три позиции составляют 90 – 95% «веса» индекса «Ивановна». Такой подход объясняется тем, что «Ивановна» не призвана выявлять ценовые колебания или изменения доходов в краткосрочной перспективе. ИСБ – это показатель возможности достижения материального достатка в течение всей жизни. Каждый человек мечтает о своем жилье, хорошем образовании для себя и своих детей. Хороший автомобиль считается признаком достатка. Естественно, каждая семья живет не только текущим, но и будущим потреблением. Она сберегает и инвестирует, планируя расходы на годы вперед. Однако большой вес трех компонентов не исключает возможности сравнения качества жизни по другим товарным позициям.

В принципе, список товаров и услуг можно расширять и дополнять, принцип расчета от этого не меняется. Мы берем цены на товары среднего качества, а также довольно интернациональные позиции (кока-кола, биг-мак, автомобиль «Форд», телевизор «Сони» или компьютер «Делл»). Поскольку в долгосрочной перспективе очень трудно найти идентичные по качественным характеристикам товары и услуги, то даже при сохранении одной и той же цены потребитель получает гораздо лучший продукт. К примеру, компьютеры, телевизоры, телефоны или автомобили,

которые были доступны в 2005 г., имели гораздо больше функций, чем их аналоги в 1995-м и тем более в 1990 г. (при такой же цене).

«Ивановна» и другие

Как и любой другой индекс, ИСБ «Ивановна» рассчитывается с целым рядом условностей. Он дает наиболее точный результат при применении к конкретному человеку с его доходом и структурой потребления. ИСБ принимает в расчет среднюю зарплату и цены на товары и услуги среднего качества (экспертная оценка). Понятно, что даже в рамках одной товарной группы «пицца», «кроссовки» или «прическа», тем более «квартира» или «автомобиль», цены могут отличаться в разы. При международных сравнениях мы учитывали, что цены на жилье в США, России, на Украине и в Польше гораздо выше, чем в Беларусь. Аналогичная ситуация по образованию, услугам здравоохранения и ЖКУ.

В отличие индекса потребительских цен (ИПЦ) индекс «Ивановна» охватывает все товары и услуги, которые покупает или стремится купить человек в долгосрочной перспективе. В первую очередь это касается недвижимости и услуг образования. ИПЦ в принципе не может указывать на уровень благосостояния, равно как и ИСБ не предназначен для отслеживания текущего изменения цен.

Во-вторых, «Ивановна» нейтрализует разницу в уровне цен, т. к. ориентируется на реально складывающиеся розничные цены. В этом плане он лучше, чем ВВП, по паритету покупательной способности отражает уровень благосостояния. Обыкновенный белорус вряд ли сможет сказать, хорошо он живет или нет, если известно, что в Беларуси ВВП по ппс составляет \$6900. Но если ему показать, что для покупки джинсов *Levi's* в 2005 г. он должен был отработать 53 часа, поляк – 17 часов, а американец – всего 4 часа, он, конечно, оценит уровень своего благосостояния.

В-третьих, ИСБ легко разбивается на товарные группы, что позволяет сделать адекватный сравнительный анализ. К примеру, в 2005 г. на оплату ЖКУ по квартире 60 кв. м белорус должен был работать 38 часов 10 минут, в то время как россиянин – 28 часов 34 минуты, поляк – 22 часа 10 минут, а американец – 13 часов 53 минуты. Наконец, ИСБ учитывает денежный доход и уровень цен в одном показателе. Такой синтез построен не на каких-то сложных математических формулах и моделях, поэтому понятен каждому человеку. Я назвал ИСБ «Ивановна», чтобы показать, что он является простым, народным инструментом измерения уровня социального благосостояния.

Продуктивное время каждого человека, когда он может генерировать доход, жестко ограничено. Оно редко выходит за пределы 40 лет и является естественным ограничителем капитала, который человек может самостоятельно генерировать за свою жизнь. Чем больше у него затрат на текущее потребление, тем меньше остается возможностей для покупки жилья, образования, качественных услуг здравоохранения и транспорта. Для приобретения квартиры площадью 60 кв. м в 2005 г. белорус со средней зарплатой должен работать почти 24 года. Добавим сюда 2 года на высшее образование и 6 лет на автомобиль и получаем весьма тревожную ситуацию, когда на все остальное остается всего 8 лет активной работы.

Динамика благосостояния

В 2005 г. уровень благосостояния жителя Беларуси по сравнению с 1995 г. заметно улучшился. В 1995 г. на покупку 35 базовых товаров и услуг надо было потратить 50 лет и 6 месяцев. Спустя 10 лет на это потребовалось 33 года, т. е. сокращение составило 17,5 лет. Однако до уровня 1990 г. пока далеко (14 лет). Для сравнения: в России в 2005 г. ИСБ «Ивановна» составил 51,9 пункта (27 лет), что на 6 лет меньше, чем в Беларуси. Отметим, что в 2000 году ИСБ в России был на критически низком уровне 200,5 пункта (104 года 42 минуты). В 2005 г. средний украинец на покупку 35 базовых товаров и услуг тратит 55 лет (ИСБ – 105,7). Это гораздо лучше, чем в 2000 г. (105 лет и 7 месяцев), но до уровня 1990 г. (14 лет) еще очень далеко.

Обратим внимание на тренд ИСБ Польши. Эта страна выбрала демократию, политическую конкуренцию и избежала длительного шока падения уровня социального благосостояния. Вопреки расхожему мнению, именно в Беларуси, России и на Украине произошел шок, но без терапии. Польша же планомерно повышает уровень социального благополучия. В 1990 г. индекс «Ивановна» у нее был хуже, чем в Беларуси, России и на Украине. В 2005 г. ИСБ Польши составляет 28,5 (14 лет 10 месяцев работы), что гораздо лучше, чем у нас. Поляки вошли в группу «зажиточные, но с ограничениями в потреблении дорогих товаров и услуг». В отличие от Беларуси, России и Украины за последние 15 лет Польша не имела резких падений, что весьма благоприятно сказалось на потенциале накопления капитала для покупки дорогостоящих товаров в цикле жизненного потребления.

Постсоциалистическим странам очень важно понять феномен капитализма в общем и США в частности. Средний американец в 2005 г. тратит на покупку 35 товаров и услуг всего 8 лет 11 месяцев. Это хуже, чем в 1990 г., главным образом потому, что недвижимость в США в последние годы резко подорожала. Отметим, что для Америки мы берем не квартиру 60 кв. м, а дом 120 кв. м. За 15 лет его цена выросла со \$170 тыс. до \$220 тыс. При таком уровне доходов и чрезвычайно низких ценах на большинство товаров не удивительно, что американцы тратят гораздо больше денег на развлечения, науку, образование и кино. Не случайно в Америке наибольшее количество Нобелевских лауреатов: когда решены базовые проблемы, удовлетворены базовые желания, можно и великим заняться.

Продовольственные и непродовольственные товары

На покупку десяти продовольственных товаров в корзине ИСБ средний белорус должен работать 20 часов 20 минут, в то время как в 2000 г. этот показатель составлял 56 часов 58 минут, а в 1990-м – 13 часов 38 минут. По этому фактору Беларусь заметно отстает от Польши (7 часов 14 минут) и США (2 часа 24 минуты). Даже средний россиянин тратит на эти товары 16 часов 18 минут, т. е. на 4 часа 2 минуты меньше, чем в Беларуси. Чтобы позволить себе скромный обед в кафе среднего класса, надо работать почти целый день. Наверное, поэтому в Беларуси пока не приживается традиция питаться вне дома. Для сравнения: в Польше аналогичный обед обойдется в сумму, которую можно заработать за 2 часа 28 минут, а в США – 1 час 7 минут. Такого результата американцы, как и жители других западных стран, добились без помощи импортозамещения, колхозов и посевно-уборочного аврала. Мишмаром является утверждение, что капитализм порождает бедность. Динамика

индекса «Ивановна» наглядно убеждает, что экономически и политически свободные страны имеют гораздо более социально ориентированную экономику.

В 2005 г. на девять непродовольственных товаров средний белорус тратил 427 часов 19 минут, или 2,6 месяца. По этому показателю мы почти вышли на уровень 1990 г. (422 часа 32 минуты). Главная заслуга в этом отнюдь не государства, а в первую очередь самих производителей и качества деловой среды. Товары основных брендовых фирм дорожали, но очень медленно. При этом товары аналогичного качества без дополнительных «наворотов» и апгрейдинга неуклонно становились дешевле. Белорусские власти проводили политику ограничения конкуренции, заставляя белоруса работать для покупки этих товаров дольше, чем в Польше или России. Наш западный сосед работает на покупку девяти обозначенных товаров 137 часов 59 минут (меньше месяца), а восточный – 319 часов 54 минуты. Житель капиталистической, социально ориентированной Америки аккумулирует нужную сумму на покупку данных товаров при инвестициях в работу в течение 34 часов 5 минут.

Без государства дешевле и надежнее

Сила капитализма особенно явно проявляется в производстве так называемых товаров длительного пользования. За счет технологических инноваций, массового производства многие товары, которые были недоступны среднему белорусу, сегодня прочно вошли в его быт. Компьютер несравненно более плохого качества в 1990 г. «стоил» 15 месяцев работы, в то время как современный деск топ сегодня – только 3,3 месяца. Поляк тратит на его покупку 172 часа 25 минуты (чуть больше недели), а американец вообще копейки – 42 часа 25 минут. Аналогичная ситуация по телевизорам, видеокамерам, холодильникам и стиральным машинам. Эти вещи давно пора переводить в разряд обыкновенной домашней швабры или чайника, а не считать предметами роскоши.

Около 73% стоимости 35 товаров и услуг в Беларуси составляет квартира. В 2005 г. на ее приобретение надо было работать 23 года и 10 месяцев. Это лучше, чем в 2000 г. (более 41 года) или в 1995-м (26 лет 8 мес.), но на фоне западных стран с их ценами мы явно проигрываем. Поляк на аналогичную квартиру должен работать 11 лет 7 месяцев, русский – 19 лет 4 месяца, американец – 6 лет и 4 месяца. Очевидно, что для обеспечения обычных людей доступным жильем не надо монополизировать строительную отрасль, приказывать банкам выдавать дешевые кредиты, регулировать цены и тарифы через Минэкономики. Надо создать полноценный строительный и финансовый рынок, дополнив его рынком земли. Надо впустить на рынок иностранных инвесторов, создать условия для роста производительности труда. В результате мы получим более высокие доходы и низкие цены. Тогда жилье станет доступнее.

Такой же подход необходимо применять к сфере образования, здравоохранения, транспорта и телекоммуникаций. Самый дешевый и надежный способ «сбивания» цены – интенсификация конкуренции. Сегодня Интернет в Беларуси и других странах мира намного дешевле, чем в 1995 г. Опять же, из-за давления глобального конкурентного рынка, по причине того, что богатые люди исправно выполняют свою социальную функцию. Белорус зарабатывает на час Интернета за 1 час

4 минуты, а американец – за 1,7 минуты. Естественно, деревенской девушке из Алабамы проще пробиться на образовательный и социальный топ, чем пареньку из белорусского Слонима или российской глубинки. Аналогичная ситуация складывается по авиаперевозкам. Сегодня на Западе летать самолетом стало таким же доступным способом перемещения, как ездить скоростным поездом. Для многих белорусов путешествие самолетом все еще воспринимается как роскошь.

Оставляя за скобками анализа бесплатное высшее образование, скажем, что в 2005 г. диплом вуза в Беларуси обходится в 2 года работы, в Польше – в 2 раза меньше. Американец зарабатывает на обучение в своем отечественном вузе также за 2 года работы. При этом в США учеба в вузе стоит \$70 тысяч. Опять же, для превращения высшего образования в услугу для всех желающих, а не элиты, не надо сохранять олигополию государственных университетов, вводить специальные режимы поступления для молодежи из сельской местности или сохранять крепостную систему распределения после окончания вуза. Надо позволить творческим предпринимателям в области образования работать по единым правилам рынка, в условиях открытой конкуренции с другими странами – участниками Болонского процесса.

Стратегия развития

ИСБ «Ивановна» наглядно демонстрирует, что Беларусь, а также другие страны, выбравшие жесткие формы интервенционизма, по уровню социального благополучия и защиты населения явно отстает от тех стран, которые выбрали большую степень экономической и политической свободы. Белорусский неоплан не является примером социальной ориентации экономики, потому что он создает или сохраняет гораздо большие риски попасть в глубокую и обширную социальную ловушку бедности и неблагополучия, чем капиталистическая модель.

Далеко не все экономические субъекты Беларуси, России или Украины получают зарплату, которую мы использовали для расчетов. С учетом денежных доходов разных социальных групп в социальной ловушке в Беларуси находится 2,5 – 2,9 млн. работающих, около 70% всего населения страны. Аналогичная ситуация складывается в России и на Украине. Такой доход за всю трудовую жизнь не позволит жителям этих стран приобрести пакет 35 базовых товаров и услуг. И не потому, что их человеческий капитал и имеющиеся активы не имеют никакой рыночной ценности. Проблема в том, что экономическая политика интервенционистских, неоплановых государств «омертвила» не только большой объем средств производства, в том числе землю, но и огромные ресурсы человека: инициативность, предпринимательскую активность, знания, способность находить рыночные решения для победы в конкурентной борьбе и т. д.

Капитализм никому не гарантирует мгновенное обогащение. Это не манна небесная и не система социального иждивенчества. Многочисленные факты и индексы убедительно доказывают, что именно свободная рыночная экономика, общество с гарантиями фундаментальных прав и свобод человека создают условия для того, чтобы творческие, трудолюбивые, честные люди добивались своих целей, покупали жилье, учили детей в вузах и создавали им прочный фундамент для накопления семейного капитала.

Работающий поляк тратит в год на покупку базового пакета 35 товаров и услуг на 18 лет меньше, чем белорус. Американец должен работать на 24 года меньше, чем белорус. Преимущества стратегического выбора рынка и свободы очевидны. Даже в 1990 г. разница между республиками СССР и США была очевидной: для покупки 35 товаров и услуг советский человек при бесплатном образовании, здравоохранении, жилье должен был работать 14 лет, а американец – 7 лет 11 месяцев (при большой условности существовавшего тогда обменного курса, доступности импортных товаров и товаров длительного пользования, а также общего качества жизни).

Если страна не воюет, процесс накопления капитала идет, даже вопреки действиям власти. Где-то быстрее, где-то медленнее. Это предопределено самой природой экономической деятельности и мотивацией экономического субъекта. Если человек имеет денежные доходы гораздо ниже среднего уровня по стране, то его личный индекс «Ивановна» будет гораздо хуже, чем в среднем по стране. Поэтому не стоит удивляться тому, что уровень социального благополучия в Беларуси, России или на Украине растет. Проблема заключается в том, что темпы накопления капитала и денежные доходы в этих странах могли бы быть гораздо выше, а цены – ниже. Издержки упущеных возможностей прямо или косвенно выливаются в потерянное время. Потерянное для полноценной жизни и творчества. Это время исчисляется не минутами или часами, а десятками лет. Эти годы – лучшие годы нашей жизни – крадут у нас бюрократическое, интервенционистское государство.

Если у человека есть свое жилье, диплом о высшем образовании и автомобиль, то его жизненный старт значительно облегчен. По индивидуальному индексу «Ивановна» он располагается в категории зажиточных или даже устойчиво богатых. Для общества выгодно, когда в стране живет как можно больше таких людей. Когда из поколения в поколение идет накопление капитала. Именно зажиточные, состоятельные люди выступают мотором внутреннего спроса, финансируют инновационные товары и постепенно создают новое качество жизни для остальных. Страна становится социально благополучной, когда ее власти не борются, а лелеют и уважают своих состоятельных граждан. Причем формы этого выражения проявляются не во вручении грамот передовикам или размещении портретов на Доске почета, а в элементарной защите прав собственности и создании условий для реализации личной и экономической свободы.

Выводы, основанные на динамике ИСБ «Ивановна», совпадают с выводами традиционной оценки уровня благосостояния, а также с выводами, основанными на анализе динамики ИРЧП. Они сильно коррелируют с выводами исследовательских институтов по индексу экономической свободы (*Frazer Institute. Heritage Foundation*), Всемирного банка по деловому климату и оценке бедности, *UNCTAD* по инвестиционной и инновационной политике, а также *World Economic Forum* по перспективной и деловой конкурентоспособности.

Белорусский неоплан, жесткий российский или украинский интервенционизм, равно как и любая другая некапиталистическая модель, теоретически и практически обречены на генерацию худших экономических и социальных результатов, чем

полноценная либеральная экономика. Социальная ловушка, в которой продолжают находиться миллионы обыкновенных граждан (за всю свою трудовую жизнь они не в состоянии купить базовый набор товаров и услуг), подтверждает бесперспективность и опасность избранной стратегии развития и целевой модели. Попытки заменить либерализм некими суррогатами дают экономический и социальный результат гораздо худшего качества. Время, как лакмусовая бумажка, еще раз убедительно доказывает преимущества либерализма. Беларусь, Россия и Украина нужна глубокая ревизия теоретических основ созданной ими модели интервенционизма. Перед аналогичным выбором стоят страны ЦВЕ и Западной Европы. Умный учится на ошибках других. Умный с удовольствием адаптирует лучший опыт, лучшие практики. Нам выгодно быть умными, строить свое будущее на основе научных выводов, а не гадания на кофейной гуще. Наш регион и мир в целом стоит перед серьезным вызовом выработки практических решений по созданию реальной либеральной экономики, единственной модели по-настоящему социальной ориентации.

Таблица 21

Индекс социального благополучия (ИСБ) «Ивановна»

	1990	1995	2000	2005
Беларусь				
Стоимость одного часа работы (средняя ЗП/число отработанных часов), ₽	0,75	0,41	0,38	1,31
Время на покупку 35 базовых товаров и услуг, <i>годы</i>	14 лет	50 лет 6 мес.	69 лет 7 мес.	33 года
ИСБ «Ивановна» (время, часов/1000)	26,8	97	133,6	63,3
Россия				
Стоимость одного часа работы (средняя ЗП/число отработанных часов), ₽	0,75	0,39	0,36	1,75
Время на покупку 35 базовых товаров и услуг, <i>годы</i>	14 лет	65 лет 6 мес.	104 года 5 мес.	27 лет
ИСБ «Ивановна» (время, часов/1000)	26,8	125,8	200,5	51,9
Украина				
Стоимость одного часа работы (средняя ЗП/число отработанных часов) ₽	0,75	0,35	0,26	0,81
Время на покупку 35 базовых товаров и услуг, <i>годы</i>	14 лет	62 года 2 мес.	105 лет. 7 мес.	55 лет
ИСБ «Ивановна» (время, часов/1000)	26,8	119,3	202,8	105,7
Польша				
Стоимость одного часа работы (средняя ЗП/число отработанных часов) ₽	0,69	1,44	2,25	4,06
Время на покупку 35 базовых товаров и услуг, <i>годы</i>	20 лет 11 мес.	19 лет 7 мес.	16 лет 6 мес.	14 лет 10 мес.
ИСБ «Ивановна» (время, часов/1000)	40,1	37,6	31,6	28,5
США				
Стоимость одного часа работы (средняя ЗП/число отработанных часов) ₽	15,9	16,4	16,5	18
Время на покупку 35 базовых товаров и услуг, <i>годы</i>	7 лет 11 мес.	8 лет 6 мес.	8 лет 11 мес.	8 лет 11 мес.
ИСБ «Ивановна» (время, часов/1000)	15,3	16,3	17,1	17,1

Источник: Научно-исследовательский центр Мизеса АЦ «Стратегия», 2005 г.

Таблица 22

Сколько нужно работать, чтобы купить 35 базовых товаров и услуг*
(время в годах, месяцах, часах и минутах)

Товар	Беларусь		Россия		Польша		США 2005
	1995	2005	1995	2005	1995	2005	
Продовольственные товары							
1. Черный хлеб, 1 кг	22 мин.	12,8 мин.	23 мин.	7,9 мин.	42 мин.	19 мин.	6,6 мин.
2. Свинина, 1 кг	7 ч. 32 мин.	3 ч. 35 мин.	7 ч. 41 мин.	2 ч. 17 мин.	2 ч. 18 мин.	1 ч. 9 мин.	12,3 мин.
3. Молоко, 1 л	22 мин.	14 мин.	23 мин.	10,3 мин.	8,3 мин.	10,3 мин.	3,3 мин.
4. Кока-кола, 1 л	2 ч. 26 мин.	46 мин.	2 ч. 3 мин.	34,3 мин.	33 мин.	14,8 мин.	3,3 мин.
5. Подсоленчное масло, 1 л	2 ч. 26 мин.	1 ч. 9 мин.	2 ч. 34 мин.	51 мин.	42 мин.	25 мин.	5,7 мин.
6. Пицца (средняя)	7 ч. 19 мин.	3 ч. 31 мин.	7 ч. 41 мин.	2 ч. 51 мин.	2 ч. 26 мин.	1 ч. 14 мин.	23,3 мин.
7. Обед в кафе среднего класса	9 ч. 45 мин.	7 ч. 38 мин.	12 ч. 49 мин.	6 ч. 52 мин.	3 ч. 8 мин.	2 ч. 28 мин.	1 ч. 7 мин.
8. Шоколад, 100 г	58 мин.	46 мин.	1 ч. 2 мин.	34,3 мин.	16,7 мин.	14,8 мин.	6,7 мин.
9. Биг-мак	3 ч. 54 мин.	1 ч. 32 мин.	4 ч. 6 мин.	1 ч. 9 мин.	1 ч. 19 мин.	35,5 мин.	11,7 мин.
10. Апельсины, 1 кг	3 ч. 25 мин.	1 ч. 9 мин.	3 ч. 35 мин.	51 мин.	1 ч. 3 мин.	23,6 мин.	5,3 мин.
ИТОГО по продовольственным товарам	38 ч. 29 мин.	20 ч. 20 мин.	42 ч. 17 мин.	16 ч. 18 мин.	12 ч. 36 мин.	7 ч. 14 мин.	2 ч. 24 мин.
Непродовольственные товары							
11. Джинсы Levi's	153 ч. 40 мин.	53 ч. 27 мин.	161 ч. 32 мин.	40 ч.	43 ч. 45 мин.	17 ч. 14 мин.	3 ч. 53 мин.
12. Костюм мужской	243 ч. 54 мин.	122 ч. 8 мин.	256 ч. 25 мин.	91 ч. 26 мин.	69 ч. 26 мин.	39 ч. 25 мин.	8 ч. 53 мин.
13. Сапоги женские	158 ч. 32 мин.	68 ч. 42 мин.	166 ч. 40 мин.	51 ч. 26 мин.	45 ч. 8 мин.	22 ч 10 мин.	5 ч.
14. Колготки, 1 шт.	4 ч. 53 мин.	1 ч. 59 мин.	5 ч. 8 мин.	1 ч. 29 мин.	1 ч. 36 мин.	44 мин.	16,7 мин.
15. Шкаф книжный	243 ч. 54 мин.	106 ч. 52 мин.	256 ч. 25 мин.	80 ч.	69 ч. 26 мин.	34 ч. 29 мин.	10 ч. 34 мин.
16. Кроссовки Adidas	182 ч. 56 мин.	68 ч. 42 мин.	192 ч. 19 мин.	51 ч. 26 мин.	52 ч. 5 мин.	22 ч. 10 мин.	5 ч.
17. Зубная паста Colgate, 100 мл	4 ч. 9 мин.	1 ч. 27 мин.	4 ч. 21 мин.	1 ч. 5 мин.	1 ч. 11 мин.	28 мин.	9,3 мин.
18. Стиральный порошок Ariel, 1 кг	3 ч. 25 мин.	1 ч. 13 мин.	3 ч. 35 мин.	55 мин.	58 мин.	24 мин.	6,7 мин.
19. Лекарство Coldrex, 1 уп. (10 пакетиков)	8 ч. 3 мин.	2 ч. 49 мин.	8 ч. 28 мин.	2 ч. 7 мин.	2 ч. 18 мин.	55 мин.	12,3 мин.
ИТОГО по непродовольственным товарам	1003 ч. 26 мин.	427 ч. 19 мин.	1057 ч. 53 мин.	319 ч. 54 мин.	285 ч. 53 мин.	137 ч. 59 мин.	34 ч. 5 мин.
Товары длительного пользования (ТДП)							
20. Автомобиль Ford Fiesta	31707 ч. = 16,5 лет	11450 ч. = 6 лет	33333 ч. = 17 лет 4 мес.	8571 ч. = 4 года 6 мес.	9028 ч. = 4 года 8 мес.	3695 ч. = 1 год 11 мес.	833 ч. 20 мин. = 5,2 мес.
21. Компьютер Dell	2927 ч. = 18,3 мес.	534 ч. = 3,3 мес.	3077 ч.	400 ч.	833 ч.	172 ч. 25 мин.	42 ч. 25 мин.
22. Телевизор Sonny, 54 см	609 ч. 46 мин. = 3 мес. 24 дня	206 ч. 7 мин. = 1 мес. 9 дней	641 ч.	131 ч. 26 мин.	173 ч. 58 мин.	66 ч. 30 мин.	13 ч. 53 мин.

Товар	Беларусь		Россия		Польша		США 2005
	1995	2005	1995	2005	1995	2005	
23. Телефонный аппарат <i>Panasonic</i>	207 ч. 19 мин.	68 ч. 42 мин.	217 ч. 57 мин.	51 ч. 26 мин.	59 ч. 2 мин.	22 ч. 10 мин.	5 ч.
24. Видеокамера <i>Sony</i>	1951 ч. = 12 мес. 6 дней	382 ч. = 2 мес. 12 дней	2051 ч.	285 ч. 43 мин.	555 ч. 34 мин.	123 ч. 9 мин.	27 ч. 47 мин.
25. Квартира 60 кв. м в столице	51220 ч. = 26 лет 8 мес.	45802 ч. = 23 года 10 мес.	76923 ч. = 59 лет. 5 мес.	37142 ч. = 19 лет 4 мес.	24306 ч. = 12 лет 8 мес.	22167 ч. = 11 лет 7 мес.	12222 ч. = 6 лет 4 мес.
26. Стиральная машина <i>Bosch</i>	1463 ч. = 9,1 мес.	381 ч. 41 мин. = 2,4 мес.	1538 ч. 28 мин.	257 ч. 8 мин.	416 ч. 40 мин.	123 ч. 9 мин.	22 ч. 13 мин.
ИТОГО по ТДП	90085 ч. 5 мин. = 46 лет 11 мес.	58824 ч. 30 мин. = 30 лет 8 мес.	117781 ч. 25 мин. = 61 год 4 мес.	46838 ч. 43 мин. = 24 года 5 мес.	35372 ч. 24 мин. = 18 лет 5 мес.	26369 ч. 23 мин. = 13 лет 9 месяцев	13166 ч. 38 мин. = 6 лет 10 лет
<i>Услуги</i>							
27. Высшее образование	4878 ч. = 2 года 6 мес.	3817 ч. = 2 года	5897 ч. = 3 года	4571 ч. = 2 года 5 мес.	1736 ч.	1970 ч.	3889 ч. = 2 года
28. Трехминутный звонок в Европу	7 ч. 10 мин.	1 ч. 27 мин.	7 ч. 41 мин.	1 ч. 5 мин.	1ч. 57 мин.	27 мин	3,3 мин.
29. Стрижка женская	22 ч. 26 мин	7 ч. 38 мин.	15 ч. 23 мин.	14 ч. 17 мин.	4 ч. 52 мин.	3 ч. 12 мин.	1 ч. 23 мин.
30. ЖКУ (квартира 60 кв. м), семья из 4 человек в отопительный сезон	43 ч. 54 мин.	38 ч. 10 мин.	46 ч. 9 мин.	28 ч. 34 мин.	20 ч. 50 мин.	22 ч. 10 мин.	13 ч. 53 мин.
31. Интернет, 1 час	8 ч. 32 мин.	1 ч. 4 мин.	8 ч. 58 мин.	34 мин.	2 ч. 5 мин.	15 мин.	1,7 мин.
32. Билет на самолет, международный рейс, 1 тыс. км	854 ч.	130 ч.	897 ч. 26 мин.	97 ч. 8 мин.	194 ч. 26 мин.	19 ч. 42 мин.	4 ч. 26 мин.
33. Общественный транспорт (метро или автобус)	14,6 мин.	17,4 мин.	15,4 мин.	13,7 мин.	16,7 мин.	11,8 мин.	6,7 мин.
34. Билет в кино	2 ч. 26 мин.	1 ч. 27 мин.	2 ч. 34 мин.	1 ч. 19 мин.	1 ч. 3 мин.	37 мин.	1 ч. 7 мин.
35. Услуги врача (один прием терапевта)	7 ч. 19 мин.	6 ч. 52 мин.	12 ч. 49 мин.	8 ч. 34 мин.	2 ч. 47 мин.	4 ч. 11 мин.	5 ч.
ИТОГО по услугам	5838 ч. 2 мин.	4020 ч. 55 мин.	6888 ч. 15 мин.	4722 ч. 45 мин.	1964 ч. 17 мин.	2020 ч. 46 мин.	3915 ч. 1 мин.
ИТОГО по 35 товарам и услугам	96965 ч. 2 мин. = 50 лет 6 мес.	63293 ч. 4 мин. = 33 года	125769 ч. 50 мин. = 65 лет 6 мес.	51897 ч. 40 мин. = 27 лет	37635 ч. 10 мин. = 19 лет 7 мес.	28535 ч. 22 мин. = 14 лет 10 мес.	17118 ч. 8 мин. = 8 лет 11 мес.
ИСБ «Ивановна» (время/1000)	97	63,3	125,8	51,9	37,6	28,5	17,1

* цены в долларах США в розничной торговле в каждой из стран, по годам.

Источник: Научно-исследовательский центр Мизеса АЦ «Стратегия» 2005, г.

Таблица 21

Классификация стран по Индексу социального благополучия «Ивановна»

№	Категория	Значение ИСБ «Ивановна»
1.	Устойчиво богатые и благополучные»	от 9 до 18 пунктов
2.	Зажиточные, но с ограничениями в потреблении дорогих товаров и услуг	от 19 до 28 пунктов
3.	Накапливающие капитал, условно состоятельные	от 29 до 38 пунктов
4.	Со стартовым капиталом, но неустойчивой траекторией накопления	от 39 до 48 пунктов
5.	Стабильное текущее потребление	от 49 до 58 пунктов
6.	На питание хватает, все остальное достается с напряжением	от 59 до 68 пунктов
7.	Хорошее питание по праздникам и социальное иждивенчество	от 69 и выше

Источник: Научно-исследовательский центр Мизеса АЦ «Стратегия», 2005 г.

8. Деньги и мораль либеральной системы

Известная американская писательница и философ Айн Рэнд утверждает, что деньги являются своеобразным индикатором морального состояния общества. С ней нельзя не согласиться. Мы часто слышим, что деньги являются корнем зла. А. Рэнд предлагает ответить на простой вопрос: «Что же является корнем денег?».

Деньги – это средство, инструмент обмена. Чтобы не менять пшеницу на мясо, уголь, табак или услуги врача, люди придумали деньги. Для своего удобства. Без указа монарха или постановления правительства. Деньги не могут существовать без товаров и услуг, которые производят человек. Деньги – практическая, материальная форма реализации принципа взаимоотношений между людьми. Речь идет о принципе добровольной торговли и взаимовыгодном обмене ценностями. Товар на товар. Услуга за услугу. Не потому, что так велит чиновник, а потому, что это выгодно каждому участнику обмена.

Деньги – это не средство варваров, которые силой забирают то, что человек привез на продажу. Деньги появились благодаря производителям. Столетия тяжелого труда многих поколений – вот что стоит за появлением денег. Да, общество состоит не только из благочестивых, трудолюбивых производителей. Есть в нем халевщики разных мастей: воры, мошенники, убийцы, фальшивомонетчики. Все они хотят получить ценность, не предоставив ничего взамен. Они хотят стать собственниками незаработанного. Обманом или насилием они порочат благородную суть денег. Как бы они ни извращали историю, факт остается фактом: деньги появились благодаря честным производителям.

Человек принимает деньги в обмен за свой товар и труд только потому, что он уверен, что сможет обменять их на усилия и труд других людей. Аттилы и шаманы, люди, использующие грубую силу или обман для получения ценностей других людей, не в состоянии превратить эти кусочки бумаги в товары и услуги. Денежный банкнот – это бумага, за которой должен стоять реальный товар, будь то золото, серебро или иной капитал. Деньги – это признак чести и достоинства человека. Это право требовать энергию и талант другого человека. Твой личный капитал дает тебе

право надеяться, что где-то в мире живут люди, не нарушающие принципа добровольного, взаимовыгодного обмена. Принципа, который лежит в основе денег. Единственного морального принципа экономического взаимоотношения между людьми.

Многие утверждают, что деньги – это продукт физически сильных, вооруженных людей. Это товар, который они получают за счет слабых. Ложь. Да, деньги – это товар сильных, но сильных духом, окрыленных идеей, вооруженных знаниями людей. Важно отметить разницу между силой принуждения и силой, которая стоит за созданием ценности. Это не сила мышц или оружия. Это не сила кулака или электрошока.

Богатство – это результат человеческой способности думать. Это результат принятия решений, которые были одобрены потребителями. Разве человек, придумавший компьютер, сделал это за счет тех, кто этого не сделал? Разве рабочие заводов или сотрудники торговых фирм зарабатывают деньги за счет получающих социальную помощь иждивенцев? Разве способные, талантливые люди живут за счет некомпетентных? Сначала деньги нужно создать. Только потом их можно отдать в виде военной добычи или налогов. Каждый честный человек производит деньги. Их количество зависит от его способностей и умения соединять факторы производства. Честный человек знает, что он не может потребить больше, чем произвел. Иначе разнице он должен у кого-то украсть. Честный, настойчивый, трудолюбивый, умный, тот, кто оказался в нужное время в нужном месте с нужным товаром, – вот кто выигрывает на рынке. Этот выигрыши принципиально отличается от выигрыша на ринге или в войне, потому что никто никого не убивает. Рыночные конкуренты физически не разрушают капитал друг друга. Наоборот, жизнь всех становится лучше. Право делать деньги принадлежит каждому из нас, потому что оно является неотъемлемой частью права на жизнь. Никто не запрещает другим делать деньги. Только государство может блокировать доступ на рынок, создавая монополии, запрещая людям обмениваться ценностями напрямую, без посредников.

А. Рэнд пишет: «*Торговля при помощи денег – это код чести людей доброй воли. Концепция денег исходит из того, что каждый человек является собственником производимых руками или мозгом продуктов. Деньги сами по себе не могут определять ценность, цену твоих усилий, если они рассматриваются вне контекста добровольного выбора других людей, желающих торговаться своими продуктами с тобой. Деньги позволяют человеку покупать за свои товары и усилия, которые имеют определенную ценность для других людей, продукты их труда. Причем ни большие, ни меньшие того, чем он сам произвел. Деньги позволяют производить сделки, приносящие обоюдную пользу торговцам, которые сами, добровольно определяют стоимость своего труда и труда других. Деньги требуют признания того, что люди должны работать для своего блага и благополучия, для получения прибыли, а не производства убытков... Деньги требуют признания того, что люди – это не дикие бессознательные животные, брошенные в стихию жизни. Человек предлагает ценность, а не раны и обиды. Людей связывает не обмен страданиями и болью, а обмен товарами».*

Деньги предполагают, что человек обменивается не своими слабостями, глупостями, а своим талантом и теми продуктами, которые при его помощи были произведе-

деньги. Деньги требуют не того, чтобы ты покупал товар плохого качества по высокой цене, а получал наибольшую ценность за имеющиеся в наличии средства. Когда люди будут жить по принципу торговли, «по мозгам», а не по принципу получения богатства при помощи грубой силы, тогда будет побеждать самый качественный продукт, лучшие услуги, самые умные и последовательные и талантливые люди. Не с точки зрения некоего научного органа или правительства, а с позиции миллионов потребителей во всех странах мира. Производительность человека определяет размер его вознаграждения. В свою очередь, производительность труда зависит от того, насколько человек понимает интересы, ценности и желания других людей.

Деньги – это важнейший экономический и социальный инструмент. При его помощи можно получить другие ценности. Деньги – это средство, а не самоцель. Это средство удовлетворения желаний. Однако деньги сами по себе не могут снабдить человека желаниями. Деньги не купят человеку счастья, если он не знает, что делает его счастливым. Если он не имеет цели и не знает, что ему в жизни доставляет удовольствие. Деньги не дают человеку кодекса чести и иерархии ценностей. Ему самому надо узнать, понять, что такое ценность. *«Деньги не дают человеку цели, если он не знает, что искать. Деньги не купят ум для дурака, чувство восхищения для труса или чувствоуважения для некомпетентного»*, – говорит А. Рэнд. Человек, который делает попытки «купить» мозги других, в конце концов становится их жертвой. Главное, чтобы деньги были заработаны, а не отобраны силой.

Для человека, который понял суть денег, принял, что они только инструмент, не страшно унаследовать богатство. Оно его не испортит и не извратит. Если ты знаешь, как создавать ценность, то наследство будет служить тебе. Если нет, деньги разрушат тебя. Интервенционисты разных мастей утверждают, что деньги разворачивают. Могут, если ты привык к халяве, к получению незаслуженного, если возвел деньги в тотем, в единственную цель жизни. Если ты не знаешь, как их зарабатывать, а не перераспределять.

Деньги – это сильная власть, но она умирает без своих корней, т. е. без процесса производства. Они не помогут тому, кто не знает, как ими пользоваться. Экономические субъекты, которые имели особый, почти монопольный доступ к приватизируемым объектам, к бюджетным ресурсам, которые получили по низкой цене большое количество заводов, фабрик, земли, все равно вынуждены служить потребителям. Это честный путь к благосостоянию. Нечестный – вступить в сговор с чиновниками и политиками и установить монополию на рынке, т. е. заставить потребителей покупать товары и услуги на выгодных только тебе условиях.

Производить и продавать в условиях открытой конкуренции – это единственный устойчивый путь к созданию богатства. Это самая надежная страховка от его разрушения. Само владение заводом не делает человека богатым. Надо еще знать, что и на каких условиях производить. Надо добиться, чтобы твое богатство получило общественное признание. Первый владелец приватизированного предприятия далеко не всегда становится последним. Активы переходят из рук в руки, потому что люди постоянно ищут более дешевые и качественные товары, более полного удовлетворения своих желаний.

Деньги всегда будут следствием, а не причиной. Деньги – это продукт добродетели, но они не заменят саму добродетель. Равно как они не в состоянии победить

недостатки человека, исправить его природу. Деньги не могут заменить духовные ценности, купить настоящую дружбу и любовь. Они могут извратить, затмить реальные причинно-следственные связи мира, если ты не понимаешь смысла фразы «делать деньги».

Любить что-то – это знать и любить суть, содержание этого явления или человека. Любить деньги – это знать, что деньги – продукт лучшего в человеке. Это понимание того, что заработанные деньги являются пропуском к торговле, свободному обмену своего труда на труд других людей. Тот, кто за пятак готов продать душу, громче других кричит, что деньги – это корень зла. У него есть причины так поступать. Он не привык меняться, он привык воровать или вымогать силой. Тот, кто любит деньги, готов работать и производить ценности. Он знает, что заслужит деньги, если удовлетворит желания других людей. Единственной альтернативой денег как средства обмена между людьми является оружие или кулак, т. е. сила принуждения.

Деньги требуют проявления лучших качеств, если ты хочешь сохранить или умножить капитал. Человек без личного мужества, гордости и самоуважения, человек, не имеющий морального права на получение заработанных денег, не будет защищать их, как он защищает свою жизнь. Они ему легко достались, не по труду. Поэтому он с ними легко расстается.

Человек, который извиняется за свое богатство, недолго будет богатым. Он является естественной приманкой для толпы. Она быстро освобождает его от бремени богатства. Она требует отдать ей незаработанное и незаслуженное. Толпа может лишить человека жизни, национализировав его деньги. У каждой толпы есть свои лидеры. Манипулируя эмоциями и животными страхами, эти люди быстро становятся глашатаями народа, монополизируют право отражать национальные интересы. Посредством таких манипуляций создают состояния люди с двойными стандартами. Они живут за счет грубой силы и обмана. Источник их обогащения – производители, делающие деньги в процессе добровольного обмена.

В обществе высоких моральных стандартов, где деньги зарабатываются, а не перераспределяются, воры и мошенники сидят в тюрьме. Их презирают и пытаются осуждать. Честные люди создают законы для защиты от таких асоциальных типов. Эти законы поддерживают гораздо более сильные неформальные нормы общения между людьми: «не укради», «не убей», «не пожелай чужого». Однако есть общества, где уголовники в законе имеют полное право по закону силой забирать незаработанное. Они считают, что грабить беззащитных людей абсолютно безопасно, если только есть соответствующий закон.

Ограбить людей раз и остановиться очень сложно. Как кровь жертвы пьянит хищника, так и награбленное магнитом притягивает новых мародеров. Так начинается гонка за незаработанным, за чужими деньгами. Если ее не остановить, богатство переходит не к самым способным, а к самым жестоким и беспрincipиальным. Когда насилие становится стандартом поведения, убийца побеждает карманника. Общество поражает глубокий кризис. Оно теряет моральные ориентиры и погружается в пучину бесправия и хаоса. Коллапс общества – это результат забвения принципа торговли. Это результат непонимания сути денег.

Деньги – это барометр добротели общества. Когда торговля происходит не по доброй воле, а по принуждению, когда для производства товара и услуги тебе необходима лицензия от тех, кто ничего не производит, когда деньги переходят к тому, кто торгует не товарами, а привилегиями, тогда можно говорить о глубоком моральном кризисе общества.

Если человек богатеет в результате перераспределения и посредничества, а не производительного труда, если коррупция поощряется, а честность обрекает человека на бедность, если нужно делать выбор между моралью и самопожертвованием, значит, общество потеряло моральные ориентиры и разучилось отвечать на базовые философские вопросы. Оно отказалось от изучения философии, от защиты человека труда, человека-творца в угоду привилегиям разного рода аттил и шаманов.

Деньги – это защита человека и основа жизни по четким моральным принципам. Интервенционисты отказались от золота и оставили людям суррогат в виде простых бумажек. Чтобы еще сильнее задурить людям голову, они сохранили оригинальное название – деньги. Современные банкноты и монеты не имеют объективного стандарта. Они захвачены в плен политиками и чиновниками. Бюрократы, а не потребители и производители определяют иерархию ценности. Золото было объективной ценностью, эквивалентом производимого богатства. Бумага – это несуществующий залог, поддерживаемый только оружием и страхом применения силы. Дуло пистолета направлено не на преступника, а на производителей. Бумажные деньги – это счет, выписанный мародерами в законе. Заплатить за него должны ничего не подозревающие производители. Если вовремя не остановить реализацию таких схем, очень скоро вся страна становится банкротом. Производители, творцы уезжают туда, где можно делать деньги, создавать ценности. Старики и дети остаются в опасной компании с идеологами, мародерами и малоинициативными, инертными рабочими.

История человечества полна примеров перераспределения денег при помощи грубой силы. Имена варваров менялись, но методы оставались теми же: захватить богатство силой, обесчестить и унизить производителей, выставить их виновниками всех социальных бед. Этим грешит большинство стран мира.

Избитая фраза о деньгах как о корне зла, возникла, когда богатство производилось рабским трудом. Рабы повторяли ее столетиями. Другие эпохи подхватили ее, забыв об этимологии и проигнорировав тот исторический контекст, в котором она возникла. В докапиталистическую эпоху большая часть богатства добывалась в войнах, производилась крепостным или рабским трудом. Парадоксально, но на протяжении столетий, когда люди страдали от голода, болезней и эпидемий, человечество воспевало мародеров. Их представляли как аристократов меча. Писатели и поэты некритически принимали право аристократов от рождения быть богатыми и претендовать на деньги других людей. Они воспевали аристократов по социальному положению, не подвергая сомнению их право на дискриминацию других людей. В то же время через произведения искусства и общественное мнение толпа высказывала презрение в отношении настоящих производителей: рабов, купцов, собственников торговых лавок и промышленников.

В Америке, а вслед за ней в десятках государств мира, деньги начали зарабатывать. Эпоха тотального распределения закончилась. Капиталистические страны

стали государствами разума, справедливости, свободы, производства и акцента на достижение. Впервые в истории человечества разум человека и деньги стали свободными. Вместо рыцарей и рабов появились производители богатства. Фактом истории стал особый тип рабочего – промышленник. Наверное, это он придумал выражение «делать деньги».

Люди всегда считали богатство результатом грабежа и перераспределения, потому что его захватывали, вытесняли, наследовали, разделяли, грабили или получали в качестве особой привилегии. Фраза «делать деньги» выражает суть либеральной морали. Интервенционисты всех континентов ополчились против стран, которые посмели бросить вызов вековой морали грабителя и мошенника. Достижение было объявлено постыдным. Благополучие ставилось в вину честным и ответственным производителям. Стремление к благополучию и богатству было заклеймено как путь к моральной деградации. К сожалению, сегодня в странах, добившихся беспрецедентного роста богатства и благополучия, политики и идеологии далеко ушли от моральных принципов, которые в свое время были положены в основу государственного устройства. Они безропотно приняли на себя незаслуженную вину. За свой успех. За свою активность и близость к потребителям, т. е. к обычным людям.

Современный мир нуждается в моральном очищении. Чтобы выйти из системного кризиса, нужны не столько инвестиции, кредиты или современные технологии, сколько новая философия. Философия морального выбора и честных денег. Нужно вернуться к истокам денег – к производству ценностей. К добровольному, взаимовыгодному обмену товарами и услугами между людьми. Сегодня в век современных телекоммуникационных технологий, в век глобализации и информации сделать это гораздо проще, чем несколько веков назад.

Пора вернуть деньгам их объективную основу – товарный стандарт. Пора вернуть изначальный смысл выражению «делать деньги». Пора, наконец, осудить в философском суде современности воров, мошенников и перераспределителей. Под прикрытием благих намерений они творили и продолжают творить социальное и экономическое зло. Они продолжают неистово выступать против денег. Они лицемерно говорят о духовности и морали. Они претендуют на роль незаменимых защитников малообеспеченных, обездоленных и попавших в беду. Они врут. Они врали последние двести лет. Пора отказать им в кредите доверия. Деньги заслужили того, чтобы освободить их из грязных рук аморальных типов. Деньги достойны того, чтобы передать их в честное, ответственное управление производителям товаров и услуг. Тем, что нужны потребителям, а не политикам и бюрократам. Это либеральный подход. Это либеральное решение ключевой проблемы современного мира.

9. Ты принадлежишь сам себе

Мой автомобиль. Моя квартира. Мой компьютер. Обычно в быту у нас не возникает проблем с определением прав собственности. Мы с детства усваиваем значение местоимения «мое». Чуть позже мы расширяем сферу его применения. Моя семья.

Мой друг. Моя жена. Моя страна. Владение и распоряжение, контроль и отождествление с чем-то или кем-то – это и есть смысл простого и емкого слова «мое».

Мы взрослеем и учимся строить отношения с другими на взаимном уважении друг друга. Мое «мое» становится стабильнее, безопаснее и благоприятнее, если «мое» каждого другого человека вокруг меня имеет такой же правовой статус. Интересы каждого соблодаются, если люди самостоятельно определяют условия передачи собственности, правила ее использования другими. Выбирая свой режим производства и потребления, люди максимизируют свою полезность. Каждый по-своему. Каждый свою.

Все споры и разногласия между собственниками решаются в суде. Таковы правила цивилизованно общества. Есть в этой системе и место государству. Его место чрезвычайно важное. Мы, граждане, делегируем полномочия конкретным людям, называем их парламентом и правительством. Мы наделяем их монопольным правом применения насилия для защиты жизни и имущества граждан, а также для принуждения к исполнению контрактов. Не бесплатно. Мы им платим налоги. Они на наши с вами деньги организуют систему защиты наших прав и свобод. Чем четче определены границы собственности на все активы в стране, тем проще навести порядок, определить виновника и гарантировать компенсацию убытков. Это экономическая и институциональная аксиома.

Однако не все так ясно и прозрачно, как кажется на первый взгляд. Люди давно летают в космос, но не решили целого ряда базовых проблем своей земной жизни. Складывается парадоксальная ситуация. Мы говорим о правах собственности на сложные финансовые инструменты, землю, даже воздух и морское дно. Мы придумываем сложные схемы страховки и перестраховки рисков, связанные с передачей прав собственности. При этом многие политики, эксперты и обыкновенные люди с трудом отвечают на вопросы: «Кому принадлежит тело человека?», «Кому принадлежит моя жизнь?». На первый взгляд, это риторические вопросы, не требующие особых пояснений. Однако от ответа на них зависит содержание отношений «государство – гражданин».

Либерал считает, что человек принадлежит самому себе. Он и только он имеет право распоряжаться своей жизнью. Никто не владеет никем другим. Рабство в любой форме несовместимо с либерализмом. Из принципа самовладения следуют следующие выводы. Каждый человек имеет право по своему усмотрению распоряжаться своей жизнью и телом точно так же, как он распоряжается другой своей собственностью. Владение собой предполагает наличие права на самооборону. Если ты подвергаешься нападению или сталкиваешься с угрозой, ты имеешь полное право защищать себя всеми имеющимися у тебя средствами.

Далеко не в каждой ситуации человек может рассчитывать на помощь милиции. Даже самая идеальная силовая структура не в состоянии обеспечить защиту жизни и имущества каждого гражданина 24 часа в сутки семь дней в неделю. Поэтому у него должно быть право использовать средства самозащиты, в том числе оружие. Это не значит, что на рынке оружия не должно быть ограничений. Но если мы исходим из принципа самовладения, то проблема легализации оружия для защиты граждан отпадает сама собой. Наличие запретов не останавливает преступников. Все они хорошо

вооружены. Поэтому некорректно оправдывать запрет на приобретение оружия стремлением навести порядок в стране.

Человек делегирует полномочия государству по защите своей жизни и имущества, поэтому действия государства по предотвращению преступлений и наказанию за их совершение в отношении человека абсолютно совместимы с либерализмом. Здесь речь идет о покушении на жизнь, о воровстве, насилии, краже, мошенничестве, грабеже, нанесении ущерба имуществу или здоровью граждан. Совсем другое дело, когда государство вмешивается в мирную деятельность граждан. Деятельность, которая никак не связана с выполнением фундаментальной функции государства по защите жизни и собственности граждан. Речь идет о производстве, торговле, финансовых операциях и других формах взаимоотношений между людьми. В современном мире государство использует целый ряд инструментов, при помощи которых оно производит интервенции во взаимоотношения между людьми. Оно умалчивает о негативных последствиях своей интервенции. Оно скрывает прямые издержки своей работы и непреднамеренные последствия своих действий. Оно активно манипулирует общественным мнением через часто монополизированные им СМИ. Поэтому обыкновенному человеку трудно оценить последствия государственного интервенционизма, открыть реальные причинно-следственные связи, т. е. сказать, кто виноват в убытках, стагнации, моральном разложении и кому надо аплодировать за рост благополучия, создание рабочих мест и увеличение продолжительности жизни.

Один из самых ярких представителей австрийской школы М. Ротбард выделяет три типа интервенции. Первый называется аутистической, т. е. односторонней, интервенцией. Она имеет место тогда, когда специфичное действие или приказ государства касается только самого субъекта. Интервенционист ограничивает возможности использования собственности, когда обмен с другими субъектами не предполагается. Этот тип интервенции имеет место, когда государство принуждает человека к определенному типу социального поведения без предоставления взамен товаров или услуг. К таким действиям относятся смертная казнь, запрет свободы слова, собраний или религии, запрет на оказание определенного рода услуг или потребление товаров.

Второй тип называется бинарной интервенцией. Она предполагает ограничение обмена между субъектом и государством или принуждение к совершению определенных действий в пользу интервенциониста. Здесь речь идет о налогообложении, обязательной воинской службе или предоставлении государству обязательных судебных услуг.

Третий тип – трехсторонняя интервенция. Она предполагает запрет или ограничение действий между двумя или несколькими субъектами. К этому типу интервенции относятся различные виды ценового контроля, лицензирование, сертификация, выдача разрешений, навязывание правил продажи товаров или совершения внешнеторговых операций.

Все типы интервенции ограничивают право человека на распоряжение своим имуществом или своим телом. Чиновники практикуют введение целого ряда ограничений на потребление (алкоголь, табак), квотирование потребления газа, электроэнергии или бензина, нормируют розничную торговлю и импорт, дискриминируя

экономических субъектов по принципу страны происхождения, формы собственности, времени работы на рынке и т. д. При любой форме интервенции человек теряет полезность, потому что он не имеет права действовать согласно своим ценностям, предпочтениям и средствам.

Это не значит, что либерализм поощряет алкоголизм, курение, проституцию или потребление наркотиков. Либерал просто не игнорирует природу человека и призывает учитывать уроки истории. А они учат, что государство, вмешиваясь во взаимоотношения между людьми, усугубляет проблемы. Запреты, ограничения, даже самая жесткая система наказаний не работают. Более того, они порождают крайне негативные последствия в виде развития «серого» рынка, криминализации общества, падения уважения к государству и закону. Запреты, угрозы применения жестких уголовных наказаний не решили проблемы ни наркомании, ни алкоголизма, ни насилия. Либеральное решение всех этих проблем – не опускать руки и не взирать растерянно на развитие прока. Либерал предлагает организовать качественную работу на уровне начальной и средней школы, провести профессиональную медийную кампанию против потребления наркотиков, против насилия, алкоголизма и проституции, координировать активную работу со структурами гражданского общества, религиозными и молодежными организациями. Важно подключить к созданию неформальных общественных институтов и традиций местные органы власти, авторитетных людей из сферы спорта, музыки и кино.

Либерал исходит из того, что самой эффективной защитой человека является жесткое неприятие нарушения его прав и свобод со стороны соседей, местного сообщества и всех органов власти. После формального принятия даже идеального закона преступники не исчезают, пороки не испаряются, демоны не превращаются в ангелов. Если закон входит в противоречие с привычками, нормами и традициями неформального поведения людей, если они воспринимают его как несправедливый, они все равно будут его нарушать. США и Советский Союз в разные исторические периоды пытались бороться с потреблением алкоголя при помощи «сухого закона». В обеих странах эти попытки с треском провалились.

На Западе и на Востоке государства борются с наркотиками, не допуская мысли об их легализации. На программы борьбы с наркотиками ежегодно тратятся десятки миллиардов долларов, а количество наркоманов и объем потребляемых наркотиков растет. На протяжении тысячелетий политики и чиновники запрещают проституцию. Какой результат? Сотни тысяч женщин из бедных стран обслуживают клиентов в богатых странах. Ежегодный оборот порнобизнеса, интимных услуг в мировой экономике превышает десятки миллиардов долларов. Правительства бедных и богатых стран давно объявили войну «грязным» деньгам. И что? Ежегодный оборот «грязных» денег в мире составляет около \$2 трлн. Провал политики государства в этих и многих других сферах, связанных с производством и торговлей определенными «грешными» товарами и услугами, очевиден.

Государство должно принять как аксиому принцип «человек принадлежит сам себе». Оно не должно вмешиваться в жизнь человека, защищать его от угроз современного мира, решать за него, что хорошо, а что плохо, страховать от потребления вредных товаров или некачественных услуг. Оно должно сконцентрироваться на защите жизни и имущества граждан. Тогда уважение к чиновнику, милиционеру,

судье или прокурору будет гораздо выше, чем в интервенционистской системе. Тогда качество работы госструктур будет выше. Это либеральное решение. Оно основано на доверии к человеку, на его способности выбирать лучшее для себя решение без принуждения в виде закона. Лучшее – исходя из собственных приоритетов, ценностей и вкусов. Главное, не создавать для него фальшивых стимулов, не относиться к нему, как к немощному ребенку или старику, не создавать иллюзию безнаказанности за совершаемые просчеты и ошибки.

10. Человек действующий и рациональный. Можно ли знать счет до начала игры?

Мы живем в мире информации. Ее много, очень много. С появлением Интернета, развитием спутникового телевидения мир превратился в одну глобальную информационную деревню. Сегодня очень важно уметь определить качество информации, надежность источников, которые ее передают, использовать адекватную методику ее проверки. Наконец, нам надо знать, как эту информацию использовать для повышения качества жизни. Информационное сообщество по определению либерально, если, конечно, государство не устанавливает запретов на получение и передачу данных, если чиновники не используют методы средневековой цензуры. Информация становится товаром, товаром товаров, потому что от ее качества во многом зависит успех в профессиональной сфере, даже в личной жизни. Поэтому сегодня особую значимость приобретает знание теорий и научных исследований, которые описывают значение информации для принятия решений, определяющих ее качество и потенциал для использования в любой сфере человеческой деятельности.

Адекватное понимание эпистемологических подходов представителей австрийской школы экономики полисимейкерами в переходных странах позволило бы избежать серьезных ошибок и провалов в области экономической политики. Как нельзя построить надежный дом без прочного фундамента, так нельзя вырабатывать стратегию и тактику развития домашнего хозяйства, компаний и страны, не зная, как работать с информацией. Это касается не только конкретных фактов физического мира, но и той информации, которую мы получаем в виде цен, самых разнообразных индексов, опросов общественного мнения, рекомендаций и т. д. По мере усложнения информационного рынка и накопления знаний спрос на адекватную методику оценки информации будет возрастать. От качества работы с ней во многом зависит не только качество социально-экономической политики страны, но и качество жизни каждого человека.

Опасность некритического восприятия информационных догм

Фундаментальным вызовом переходной экономики является проблема получения знаний и информации, их обработка и принятие адекватных решений. Речь, разумеется, идет не о содержании учебных программ вузов и не о доступе полисимейкеров к анализу и опыту системных преобразований в других странах. Хотя и

это было фактором формирования информационной среды для принятия решений (незнание иностранных языков, однобокость получаемых рекомендаций, незнание трансформационного опыта других стран). Проблема заключается в наличии объективной информации с микроуровня для принятия дисижннейкерами адекватных решений, минимизации издержек и сокращении количества экономических ошибок (потребительских и инвестиционных).

Контекст, в котором вынуждены были принимать решения полисимейкеры в переходных экономиках, характеризовался следующими параметрами:

- отсутствие цен в социалистической экономике (как информационных индикаторов, отражающих преференции экономических агентов и предельную полезность их ресурсов);
- искусственная структура производства и занятости, созданная в результате решений чиновников и политиков, а не частных инвесторов и предпринимателей;
- несформированность неформальных институтов, которые определяли бы хотя бы канву принимаемых решений;
- слабость и непредсказуемость институтов государства при распределении ресурсов.

Государство пыталось создать так называемую оптимальную структуру производства, выйти на «адекватный» уровень цен, проводить рациональную социальную политику во имя максимизации социальной полезности. Все эти действия полностью игнорировали положения экономической теории и праксеологии и демонстрировали методологическую несостоятельность.

Понятия «оптимальность», «эффективность», «рациональность» относятся к сфере человеческой деятельности. Они являются субъективными ценностными суждениями, которые отражают, насколько человек адекватно, правильно выбрал средства для достижения поставленной им самим цели. Они демонстрируют, насколько удачно сумел он, во-первых, собрать всю относящуюся к данному аспекту деятельности информацию, во-вторых, проанализировать ее и оценить издержки упущеных возможностей, в-третьих, выбрать временные рамки для совершения своих действий, в-четвертых, спрогнозировать реально полученный результат и сравнить его с ожидаемым перед совершением действия. В процессе достижения цели часто появляется новая информация (нельзя игнорировать объективно существующее «радикальное невежество» *radical ignorance*), которая приводит либо к корректировке средств достижения цели, либо даже к ревизии самой цели.

Полисимейкеры переходных стран, включая Беларусь, Россию и Украину, некритично приняли философские и неоклассические догмы, пытаясь определить ту самую оптимальность и эффективность на макроуровне. Для достижения этой цели принимались многочисленные программы, законы и постановления. Они искали поведение экономических агентов на микроуровне, вносили серьезные корректировки в структуру стимулов. В контексте грубых информационных искажений максимизация полезности отдельных чиновников, так называемых политических предпринимателей, обслуживающих финансовые и ресурсные потоки государства, шла за счет перераспределения активов от подавляющего большинства домашних

хозяйств и предпринимателей к небольшой группе постсоветской партийно-хозяйственной номенклатуры.

Понятия «эффективность» и «оптимальность» стали рассматриваться через смысловой аппарат конкретных чиновников, но никак не миллионов самостоятельных экономических субъектов. Максимизация общественной полезности на самом деле означала получение максимальной выгоды тем, кто принимал ключевые решения по распределению ресурсов. Пагубная самонадеянность дисижнмейкеров, которые взяли на себя смелость определять параметры оптимального, эффективного распределения ресурсов для всей страны на многие годы вперед, привела к целому ряду негативных последствий для людей и компаний. В сложившейся среде они не могли добиваться своих целей или их достижение было сопряжено с чрезвычайно высокими издержками. Полисимейкеры не только извратили суть понятий «оптимальность» и «эффективность», но и проигнорировали одну из аксиом человеческой деятельности – неопределенность будущего. Происходящие структурные трансформации, прекращение самоизоляции социалистических экономик резко усилили эту неопределенность, поскольку процессы вышли за рамки формальных и неформальных институтов.

Ex ante и ex post

Каждый человек наверняка скорректировал бы по меньшей мере некоторые элементы своего поведения в детстве, если бы обладал знаниями и опытом, которые он накопил, скажем, к 40 годам. Аналогичным образом обстоят дела с оценкой результатов экономического выбора, корректировкой планов, с одной стороны, и ожиданий на будущее, с другой. В мире радикальной неопределенности (*radical uncertainty*) логично было бы задать вопрос: имеет ли понятие «оптимальность» практическое значение, можно ли его использовать при проведении экономической политики?

Существует сильная асимметрия между информацией до совершения действия (*ex ante*, или *anterior*) и после его совершения (*ex post*, или *posterior*). При этом даже информацию после совершения действия нельзя назвать полной. Даже она не ликвидирует наличие радикального невежества. Многие факторы по-прежнему остаются неоткрытыми для действующего человека. Что мы знаем и чего не знаем? Как эти знания позволяют нам делать определенные выводы по поводу окружающего мира? Да, мы знаем, что люди стремятся к счастью, а фирмы – к максимизации прибыли. Люди отмечают психологические импульсы, которые называются «удовольствие» и «боль». Можно сравнить объем продаж фирм и их издержки, сделать вывод о том, кто заработал больше прибыли. Но можно ли «зарегистрировать», что кто-то получил больше удовольствия от того, что съел яблоко, а не грушу или банан? Можем ли мы утверждать, что, к примеру, белорусское предприятие «Мілавіца» заработало бы больше денег, если бы выпускало купальники и эксклюзивное мужское белье, а не свой традиционный ассортимент? Говоря об экономических отношениях, можно ли утверждать, что человек максимизировал свою полезность, а фирма свою прибыль? Нет, не можем. Надо видеть разницу между абсолютным и относительным уровнем удовлетворения. Мы можем установить абсолютное удовлетворение только *ex post*.

Люди действуют исходя из представления о своем относительном удовлетворении, которое они получают в результате совершения действий. Занимаясь импортом стиральных порошков, ты выбираешь *Ariel*, потому что ты ожидаешь заработать на нем больше, чем, к примеру, на «Досе». Ты оцениваешь свои действия на основе: а) своего опыта об абсолютном удовлетворении и б) предположений об альтернативных издержках данного удовлетворения. В любом случае вероятность ошибки существует. Неоклассические агрегатные модели, которые используются для определения оптимального распределения ресурсов, игнорируют действующего человека и поэтому не имеют ничего общего с наукой, которая изучает живого человека, действующего в реальном мире.

Рынок как процесс открытия новой информации и оценки старой

Неоклассическая теория утверждает, что фирмы и экономические субъекты являются успешными оптимизаторами. Сторонники теории общественного выбора и экономики информации делают акцент на ситуации, в которой оптимизация ведет к достижению субоптимального равновесия. «Эффективность» определяется как отношение ценности факторов производства к ценности потенциально произведенных товаров и услуг или как отношение ценности произведенных товаров к ценности факторов производства или издержкам. Делается предположение, что фирма или человек ведет себя «эффективно», достигает своего максимума с учетом технологических ограничений. Считается, что одна фирма работает более эффективно, чем другая, если она достигает более высокой производительности всех факторов производства.

Рынок открывает человеку информацию, но сформулировать теоретические и праксеологические положения, описывающие содержание этой информации, очень трудно. Решив импортировать *Ariel*, вы не можете быть абсолютно уверены, что ваше состояние будет лучше, что вы выбрали адекватные средства для достижения своих целей. Вы не можете сказать, что достижение данных целей приведет вас к максимально возможному уровню удовлетворения, потому что у вас нет фактов для проведения сравнительного анализа.

Классики австрийской школы экономики утверждают, что рыночный процесс ликвидирует несоответствие ожиданий по линии *ex ante ex post*. Ф. Хаек пишет, что рынок – это процесс открытия, в котором экономические акторы, обладающие неполной информацией, подвергают ревизии и дополняют свои преференции и технические знания в ответ на получение новой информации. Такие же процессы происходят и в политической сфере. Известный экономист Д. Норт ставит очень важный вопрос: «*Почему же в свете того, что мы знаем о желательности частной собственности и децентрализованных рынков, люди постоянно выбирают плохой результат в виде обширного государства и статизации частной собственности?*». Получается, что экономический и политический рынки не могут избавиться от непроизводительных институциональных форм.

Ответ на этот вопрос надо искать не в неоклассических моделях, не в эконометрических уравнениях, а в сути действий человека. Л. Мизес и М. Ротбард убедительно доказали, что человек действует, чтобы ликвидировать состояние

неудобства, беспокойства или тревоги, чтобы в результате этих действий чувствовать себя лучше. Мотив действия – получить желаемое состояние мира. Состояние, которое лучше того, в котором человек пребывал до совершения действий.

Ex ante человек ожидает получить пользу от своего действия. Если два человека вступают во взаимодействие, безусловно, каждый из них ожидает получить пользу. Результат действия часто не совпадает с ожиданиями. Как утверждает И. Кирзнер, рынок – это цепь последовательных *ex post* оценок предпринимательских действий. Сутью рыночных изменений является как раз предприниматель с его постоянно действующим внутренним механизмом оценки новой информации. Ему необходимо видеть постоянно меняющееся отношение «цели – средства» как результат процесса получения опыта. В свете новой информации рождается новая последовательность действий. Такую адаптацию лучше всего может делать сам действующий человек. Он ежедневно анализирует информацию, поступающую с рынка, и принимает адекватные с его точки зрения решения. Если же мы передаем полномочия по принятию экономических решений на уровень государства, то мы резко усложняем и замедляем процесс принятия решений. Мы увеличиваем риск совершения инвестиционных, производственных и потребительских ошибок, т. е. мы наносим вред конкретным людям, которые вынуждены подчиняться решениям власти, и наносим ущерб стране в целом.

Таким образом, информация оказывает большое влияние на действия человека. Капитализм адаптирует структуру производства к потребностям потребителей. Неоклассические модели не учитывают процесс образования новых предпочтений потребителей под воздействием новой информации. Они статичны и не могут описать процесс динамичного изменения средств и даже целей человека в контексте постоянно поступающей к нему от действий информации. Инертность, догматизм чиновников, работа в рамках пятилетних планов и многолетних государственных инвестиционных программ лишают экономику страны гибкости в адаптации к быстро меняющемуся миру. Центр получения первичной информации с рынка, ее переработки и принятия решений в рамках своей собственности должен быть на уровне человека. Тогда мы достигаем наилучших показателей и нейтрализуем риски совершения грубых, системных ошибок, которые могут оказать негативное влияние на всю страну.

Ex post знания и предпочтение

Чтобы определить, правильно ли импортер выбрал продукт (например, *Ariel*), надо выполнить одно важное условие – решить дилемму, что больше устраивает импортера: состояние компании и рынка, если бы он не сделал свой выбор, или состояние, которое он ожидает получить после совершения данного выбора. Он должен четко знать, что произошло бы, если бы он, к примеру, занялся импортом «Доси» или продажей отечественных стиральных порошков. Поскольку это сделать невозможно, то мы не можем определенно говорить об относительном удовлетворении актора в данном конкретном контексте. Да, *posterior* знания будут влиять на будущие решения. М. Ротбард пишет: «Мы увидели, что в свободном рынке индивидуумы максимизируют свою полезность *ex ante*. Люди ожидают получить выгоду, когда они принимают решения. Совершенно другой вопрос, получают ли они реально пользу от полученного результата.

Как свободный рынок и интервенционизм проходят этот принципиально важный путь от *ante* до *post*? Свободный рынок устроен так, что он сокращает количество ошибок до минимума. Для предпринимателя, который несет самую большую тяжесть адаптации к неопределенным, постоянно меняющимся желаниям потребителей, тест на проверку качества адаптации очень прост и понятен – получение прибыли или убытков. Большая прибыль – показатель правильности выбора пути. Убытки сигнализируют о том, что выбор был сделан неудачно. Механизм «прибыль – убытки» стимулирует быструю адаптацию к спросу потребителей. В то же время он выполняет функцию перераспределения денег от неэффективных предпринимателей к эффективным».

Конечно, потребители не все знают, но у них есть четкие тесты, как приобретать и проверять свои знания. Они покупают товары под определенным брендом, у конкретного человека, в конкретном магазине. Если этот товар им не нравится, если они посчитали себя обманутыми, обиженными, они больше этот товар не покупают или приобретают его в другом месте. Если они пользуются автомобилем определенной марки и он их полностью устраивает, потом, когда приходит время новой машины, они покупают такую же, да и друзьям рекомендуют. Так же они делятся и своим негативным опытом.

О росте благосостояния *ex post* можно судить двумя способами. Получение абсолютной пользы имеет место, когда экономический субъект однозначно заявляет, что он улучшил свое состояние в мире. К примеру, это происходит, когда предприниматель получает прибыль, когда потребитель испытывает чувство удовольствия. Несомненно, люди могут завидовать своей пользе *ex post*. Но это заявление эмпирическое, а не праксеологическое. Второй случай – относительная польза. Она имеет место, когда наш импортер, продавая *Ariel*, получает большую прибыль, чем если бы он торговал другими стиральными порошками. Для предпринимателя наличие прибыли свидетельствует, что была получена польза *ex post*. Но это ни в коем случае не говорит о том, что фирма «максимизировала» прибыль. Для того чтобы сделать вывод о получении фирмой пользы, надо также установить, что данные решения фирмы принесли большую прибыль, чем любые другие решения могли бы ей принести. Однако данное условие нельзя установить. Жизнь нельзя отмотать назад (как это часто делается в кино) и потом сравнить два варианта развития событий. Чувство удовлетворения, осуществление клиентом аналогичных покупок в будущем свидетельствует о *ex post* пользе, но продемонстрировать это на фактах реальной жизни, доказать, что польза от покупки была бы больше, чем в результате реально осуществленных коммерческих операций, нельзя.

Таким образом, мы можем говорить о двух типах пользы. Абсолютная польза имеет место, когда предприниматель получает прибыль или психологическое удовлетворение. Эту пользу мы можем наблюдать. Относительная польза имеет место, когда предприниматель получает психологическое удовлетворение или прибыль сверх того, что он мог бы получить, если бы действовал иначе. Поскольку нам ничего неизвестно о состоянии мира, которого не было, то мы не можем определить относительную пользу. Мы не можем утверждать, что человек максимизировал свою полезность. Тем более абсурдно говорить о максимизации полезности, оптимизации ресурсов в рамках всей страны.

Парадигма оптимизации

Составляющей частью неоклассического анализа является определение оптимальности распределения ресурсов через построение различных моделей. Дж. Бьюкенен, как последовательный сторонник неоклассической школы, предлагает поставить парадигму максимизации полезности (прибыли) в центр экономической науки. Он призывает забыть о редкости ресурсов, условиях их размещения и сконцентрировать внимание на происхождении, свойствах и институтах обмена в широком смысле: «*Мы должны обратить внимание на алокацию ресурсов и, следовательно, на эффективность*».

Первая фундаментальная теорема экономики благосостояния гласит, что при определенном наборе предположений (полная информация, бесконечное число потребителей и производителей, гомогенные товары и т. д.) децентрализованная рыночная экономика будет осуществлять эффективное размещение ресурсов, причем эффективность определяется по Парето (нельзя увеличить благосостояние одного агента без ухудшения благосостояния другого). Значит, «рыночный провал» определяется как провал первой теоремы, т. е. децентрализованный рынок не производит результат, который по Парето является оптимальным.

В учебниках по экономике полно задач определения функции полезности при определенных условиях, нахождения равновесия, а также определения, является ли данное равновесие эффективным. В результате некритического отношения к неоклассической теории появился большой пласт литературы. Тысячи авторов описывают провалы рынка и предлагают свои решения по «оптимизации» экономики. С другой стороны, представители австрийской школы убедительно опровергли данные эпистемологические догмы неоклассиков. К сожалению, их анализ и выводы по-прежнему недоступны не только полисимейкерам и интеллектуальному сообществу переходных стран, но даже нашим коллегам на Западе. Большинству студентов западных вузов предлагают курсы по информационной экономике, экономике общественного сектора, промышленной организации и т. д. Все эти курсы построены на положениях о несовершенной информации, завершенных рынках и неограниченном выборе продавцов. Затем на основе выводов этих «наук» делаются рекомендации полисимейкерам относительно нейтрализации «провалов рынка» путем государственного интервенционизма. Так неправильная работа с информацией порождает серьезные проблемы. Правда, не для всех. Бенефициарами такой политики являются получатели государственных трансфертов.

Могут ли экономисты вообще говорить о «последствиях для благосостояния» в свете того, что мы выяснили о знаниях *ex post*? Едва ли. Вся нормативная экономика общего равновесия теряет смысл. В данной «науке» используются идеальные выходные данные, чтобы затем на основании моделирования различных ситуаций давать рекомендации чиновникам по максимизации благосостояния общества. Чтобы сделать неоклассический анализ, надо знать все функции полезности, производства и человеческого капитала для описания состояния равновесия. К тому же получение информации и полезности всех факторов производства всеми субъектами сопряжено с огромными издержками и логистически неосуществимо.

Будущее неопределенно. Этот «железный» факт не позволяет нам точно оценить размер издержек упущеной выгоды от тех действий, которые не были совершены, и от того состояния мира, которое было бы желательным. Следуя принципу субъективной ценности, мы можем сказать, что если наш продавец *Ariel* не в состоянии оценить альтернативные состояния мира (того, в котором он находился бы, если бы выбрал другой товар), то ни один экономист, какими бы титулами он ни прикрылся, сделает этого не сможет.

Сторонники неоклассической школы (их подход описывается в стандартных учебниках по микроэкономике) защищают парадигму оптимизации на той основе, что экономические агенты ведут себя, «как будто» они максимизируют объективную функцию, что «полная информация» – это необходимое условие для достижения эффективного равновесия. Однако такой подход, на котором настаивает Дж. Бьюкенен, ничего нам не говорит об институтах обмена в широком смысле. По словам Нобелевского лауреата 2003 г. в области экономики Вернона Смита, «*идея, что агентам нужна полная информация, вытекает из интроспективной ошибки: как теоретикам, нам нужна полная информация для того, чтобы посчитать конкурентное равновесие. Но это не теория о том, как информация или ее отсутствие является причиной поведения агента для достижения или недостижения им состояния конкурентного равновесия. Это просто немотивированное утверждение без доказательства того, что каждый агент является конструктивистом в таком же смысле, как мы – теоретиками. А тезис о том, что «если бы» у агентов была полная информация, ничуть не помогает понять источники действия».*

Проблема не только в том, что мы не знаем функцию полезности импортера *Ariel* или что он сам не знает свою собственную функцию полезности. Проблема в том, что концепция полезности лишена операционного смысла, т. е. она не может быть использована при моделировании действия конкретного человека. По мнению Л. Мизеса и М. Ротбарда, суть действия в выборе различных видов факторов производства в данное время для максимизации объективной функции для достижения самого высокого уровня удовлетворения из всех возможных сама по себе лишена всякого экономического содержания и не может быть использована в нормативном анализе. В свете того, что мы знаем о *posterior* знаниях, вопросы «Действительно ли люди максимизируют свое поведение?» или «Была ли ситуация оптимальной?» нельзя рассматривать как экономические теоремы.

Что же касается институтов обмена, то здесь представители неоинституциональной экономики четко описали, при каких условиях межличностный обмен наиболее вероятен. Брок писал: «*Слабые институты создают стимулы для сторон заниматься перераспределением, когда значительные частные ресурсы переводятся для пользования другими агентами без нетто увеличения ресурсов общества. Желательные институты стимулируют долгосрочную производственную, а не перераспределительную деятельность.*» Таким образом, либеральные решения по организации производства, инвестирования или потребления конкретными людьми в рамках своих частных ресурсов, гораздо эффективнее, чем решения по перераспределению ресурсов через бюджет или некоммерческий сектор.

Выводы для полисимейкеров относительно знаний и проблем расчета

Если сам предприниматель не знает, максимизировал ли он свое удовольствие относительно других возможных состояний мира (они не были достигнуты), то ни один орган не может обладать такой информацией. Еще более абсурдны претензии правительства, которое заявляет о том, что оно может максимизировать полезность 147 млн. россиян или даже 9,7 млн. белорусов. Добровольный обмен между экономическими субъектами еще более затрудняется, когда решения принимает не человек, а орган госуправления. Как утверждает М. Ротбард, интервенция не может увеличить социальную полезность, потому что одна из сторон уже демонстрирует потерю полезности *ex ante*. Позиции интервенционистов в оценке издержек упущеных возможностей еще слабее, чем у самого экономического субъекта.

Интервенционизм нарушает рыночный процесс открытия (*discovery process*) и резко увеличивает издержки действия. По мнению Розенберга, социалистические экономики нереализуемы, неустойчивы, потому что они не знают, что делать с технологическими инновациями. Рациональный экономический расчет невозможен без рыночных цен на факторы производства, а они, в свою очередь, существуют, только если эти факторы находятся в частной собственности. При социализме возможно лишь измерение технической эффективности (к примеру, сколько тракторов на одного рабочего было произведено). Поэтому в социализме вообще теряется смысл разговора об экономической эффективности. Это относится и к тем секторам переходной экономики, в которых государство сохранило свою монополию.

Хотя *ex post* знания об абсолютной пользе не делают предпринимателя всезнающим относительно всех возможных опций поведения, они тем не менее создают основу для рационального анализа альтернатив. Наш предприниматель, выбравший *Ariel*, может в будущем отказаться от него в пользу отечественного порошка, если его оценка ситуации будет говорить о большей полезности такого выбора. Предприниматель может заинвестировать ресурсы в новое изобретение или технологию и затем на основе анализа прибыли и убытков *ex post*, сделать вывод об увеличении или, наоборот, прекращении инвестиций.

«Шаг за шагом» – так идет динамичный процесс открытия на рынке. При этом он «заземлен» на индивидуальное удовлетворение. Государственная интервенция разрывает связь между затратами и оценкой, которая существует в условиях свободного рынка. Введение элемента принуждения (через налоги, к примеру) мешает потребителю точно выразить свои предпочтения через механизм «прибыль – убытки». Недостаток *ex post* оценки увеличивает риски инвестиционных ошибок государства, приводит к технологическому застою и в конечном итоге к деградации и бедности.

Таким образом, с праксеологической позиции экономические акторы не могут знать, выбрали ли они способ действия, который сделает их самыми счастливыми или который обеспечит получение максимальной прибыли. Тем не менее они могут точно сказать, что нечто сделало их счастливыми. Это «нечто» известно только конкретному человеку, но никак не органу государственного управления. Такая информация чиновникам в принципе недоступна. Человек не может знать *ex post*, получил

ли он пользу относительно других возможных опций своего выбора. Поэтому существует неопределенность *ex post*, которая не относится к *ex ante*. Доволен ли предприниматель состоявшимся обменом? Этот вопрос надо разбить на два: 1) доволен ли он обменом в отличие от того состояния, в котором он пребывал бы, если бы данного обмена не было? 2) доволен ли он обменом в отличие от других видов обмена? На первый вопрос можно ответить, на второй – нет.

Праксеологические выводы для любителей неоклассического моделирования

Праксеология – наука, которая занимается изучением деятельности отдельного человека. Область ее исследований – человеческая деятельность, а не психологические события, которые реализуются в действии. Этим она отличается от психологии. Действовать может только человек. Именно он определяет цели своей деятельности и выбирает средства для их достижения. Праксеология показывает, насколько адекватен его выбор средств декларируемой цели. В неоклассической теории теория индивидуального действия, как и субъективная теория ценности, игнорируются. Поэтому все выстраиваемые модели похожи на экономические шахматы, не имеющие ничего общего с реальной жизнью. При их помощи находить оптимум, определять максимальную степень удовлетворения потребностей общества – значит не понимать природы человеческой деятельности. К сожалению, игнорирование аксиом и закономерностей праксеологии стало типичной ошибкой полисимейкеров в постсоциалистических странах. Как пишет Л. Мизес, «*действие – вещь реальная. В расчет берется общее поведение человека, а не его разговоры о планировавшихся, но не реализованных поступках. С другой стороны, действие следует отличать от приложения труда. Как правило, одним из используемых средств является труд действующего человека. Но это необязательно. В особых условиях достаточно лишь слова. Тот, кто отдает приказы и устанавливает запреты, может действовать без затрат труда. Говорить или не говорить, улыбаться или оставаться серьезным – все это может быть действием. Потребление и наслаждение являются такими же действиями, как и воздержание от доступного потребления и наслаждения. Это общие условия человеческой деятельности. Человек суть существо, которое живет в данных обстоятельствах. Он не только homo sapiens, но и в не меньшей степени homo agens*».

Да, человек живет и действует в социуме, во взаимодействии с другими людьми, но все решения принимает он сам. Методологический индивидуализм не оспаривает значимость коллективных институтов. Он лишь выбирает единственный метод, позволяющий изучить их наиболее полно. Если мы тщательно исследуем смысл действий, предпринимаемых индивидами, то неизбежно узнаем все о деятельности коллективных целостностей, потому что в реальном мире коллектив как единое неделимое целое не существует вне деятельности отдельных его членов. Коллектив живет в деятельности составляющих его индивидов. Наличие наций, государств и вероисповеданий, общественного сотрудничества при разделении труда различимо только в деятельности конкретных индивидов. Изучение коллективных, агрегатных величин наталкивается на непреодолимое препятствие: человек принадлежит к различным социальным группам, выполняет различные функции

одновременно. Загнать его в рамки одного «класса» – значит игнорировать реальный мир, заниматься профанацией науки.

В отличие от неоклассиков и марксистов австрийская школа экономики и человеческой деятельности в целом зиждется на логической структуре человеческого мозга: *«Любой человек своим каждодневным поведением подтверждает непреложность и универсальность категорий мышления и деятельности. Тот, кто обращается к другому человеку, желая информировать или убедить его, задает вопросы или отвечает на вопросы других людей, может сделать это только потому, что может обратиться к чему-то общему для всех людей, а именно к логической структуре человеческого разума. Мысль, что A может быть одновременно не-А или что предпочтение A перед B одновременно есть предпочтение B перед A, просто невообразима и абсурдна для человеческого разума. Мы не в состоянии понять любой тип дологического или метаэтического мышления. Мы не способны мыслить о мире без причинности и телесологии».*

Сторонники коллективистской или агрегатной экономики до сих пор не осознали смысла субъективной теории ценности. Они не понимают, что была открыта общая теория выбора, а не просто теория экономической стороны человеческих усилий, борьбы людей за предметы потребления и материального благосостояния. Праксеология – это наука о любом виде человеческой деятельности, потому что любое решение человека – это совершение выбора. Из всего множества факторов «производства удовлетворения» вы выбираете именно те, которые, на ваш субъективный взгляд, удовлетворят вас максимально полно. При этом выбор затрагивает материальное и духовное, благородное и подлое, принципиальное и оппортунистическое. В любом случае, одно отвергается, другое используется. Тот, кто действует под влиянием эмоциональных импульсов, тоже действует. Отличие эмоционального действия от других действий заключается в оценке затрат и результатов. Эмоции искажают оценочную функцию. Человек, сжигаемый страстью, видит цель более желанной, а цену, которую он должен заплатить, менее обременительной, чем ему бы это показалось, если бы он действовал более хладнокровно. Но это никак не опровергает саму концепцию человеческого действия.

В экономическом трактате «Человеческая деятельность» Л. Мизес пишет: *«Разум человека – не чистый лист, на котором внешние события пишут свою собственную историю. Он вооружен набором инструментов для мысленного схватывания реальности. Человек приобрел эти инструменты, т. е. логическую структуру разума, в ходе своей эволюции от амбы до сегодняшнего состояния. Но эти средства логически предшествуют любому опыту. Человек не является всего лишь животным, полностью подчиненным раздражителям, с неизбежностью определяющими обстоятельства его жизни. Он – действующее существо. И категория деятельности логически предшествует любому конкретному действию. Тот факт, что у человека не хватает творческого воображения для представления категорий, противоречащих фундаментальным логическим отношениям и принципам причинности и телесологии, предписывает нам то, что можно назвать методологическим априоризмом. Это важный тезис по отношению к тем, кто механически переносит информацию прошлого на будущее, моделирует тренды и прогнозирует развитие рынков. Праксеология принципиально отличается от естественных наук.*

Модель получения знаний и информации в ней, т. е. эпистемологическая система, принципиально отличается от естественных наук. Политики и эксперты, которые, с одной стороны, придумали «واشنطنский консенсус», с другой – сделали ставку на государство при моделировании системы будущего, не только совершили смертельный методологический грех, но и ввергли многие страны в состояние периодически возникающих кризисов и хронических дисбалансов.

Человеческая деятельность и человеческое мышление имеют один источник. Деятельность и мышление являются «близнецами». Их можно даже назвать двумя аспектами одного и того же предмета. Мысление путем чисто логического рассуждения объясняет существенные характерные черты деятельности. Поэтому теоремы, полученные в результате правильных праксеологических рассуждений, абсолютно верны и неоспоримы. В этом они аналогичны математическим теоремам. Они дают точное и строгое описание реальной жизни, а не гипотетических равновесных состояний и оптимумов. К сожалению, слишком многие серьезные решения на уровне правительства Беларуси, России, Украины и других стран нашего региона принимались на эмоциональном уровне. Все мы знаем, что такие решения резко увеличивают риски совершения ошибок. Решение о вступлении в брак, принятое на эмоциональной волне, может оказаться далеко не таким правильным, когда человек начнет думать. Негативные последствия для страны, в которой политики и чиновники принимают эмоциональные решения, оказываются гораздо трагичнее. В брак отправляются товары тысяч предприятий, производственные и инвестиционные планы миллионов обычных людей, больших и малых инвесторов.

Рациональность и субъективизм действия

Очередным заблуждением сторонников агрегатной экономики и макроэкономического моделирования является отношение к понятию «рациональность». Они считают, что образованные, профессиональные полисимейкеры с дипломами престижных вузов более рациональны, чем простые люди, которые не знают, как лучше для них самих распорядиться имеющимися у них ограниченными ресурсами. Данный тезис лежит в основе политики государственного интервенционизма, попыток оптимизации социальной полезности и других вредных действий государства.

В переходной экономике деление действий на рациональные и иррациональные (глупые, ошибочные, эмоциональные) ведет к еще большим проблемам. Лозунг «мы лучше знаем, что вам полезнее» реализуется через монополии, систему лицензирования, сертификации, посредством ценового регулирования, инфляции и через десятки других инструментов и механизмов интервенционизма.

Сторонники австрийской школы экономики утверждают, что человеческая деятельность всегда необходимо рациональна. Выражение «рациональная деятельность» звучит, как масло масляное. В приложении к конечным целям деятельности понятия «рациональный» и «иррациональный» неуместны и бессмысленны. Как пишет Мизес, «конечная цель деятельности всегда состоит в удовлетворении определенных желаний действующего человека. Поскольку никто не в состоянии заменить свои собственные субъективные оценки субъективными оценками действующего субъекта, бессмысленно распространять свои суждения на цели и желания других людей».

Никто не имеет права объявлять, что сделает другого человека счастливее или несчастнее. У людей разная оценка рисков и временная шкала предпочтений. У каждого из нас своя иерархия желаний и целей. Со временем они могут меняться, иногда на прямо противоположные. Иррациональной обычно называют деятельность, если она направлена на достижение «идеального» или «высшего» удовлетворения (эмоционального или духовного) в ущерб материальным выгодам. Однако стремление к подобным высшим целям не более и не менее рационально или иррационально, чем стремление к другим человеческим целям. Ошибочно полагать, что удовлетворение первичных жизненных потребностей более рационально, естественно или оправданно, чем стремление к другим вещам и удовольствиям.

Потребности в пище или тепле роднят человека с другими млекопитающими. Но для человека подчинение этим инстинктам не является неизбежной необходимости. В то время как животные безусловно подчиняются инстинкту сохранения жизни и размножения, человек может контролировать свои инстинкты. Человек способен умереть ради чего-то или покончить жизнь самоубийством. Для человека жизнь – результат выбора, его ценностного суждения. То же относится и к желанию жить в достатке. Само существование аскетов и тех, кто отказывается от материальных выгод ради верности своим убеждениям и сохранения чувства собственного достоинства и самоуважения, служит доказательством того, что стремление к более осозаемым удовольствиям не является неизбежным. Оно является результатом выбора каждого конкретного человека. Нельзя считать «естественным» и потому «рациональным» лишь удовлетворение физиологических потребностей, а все остальное «искусственным» и потому «иррациональным». Именно тот факт, что человек в отличие от животных занят поисками не только пищи, крова и сексуальных партнеров, но и других видов удовлетворения, составляет характерную черту человеческой природы.

Человеку свойственно ошибаться. Мозг человека при всех его достоинствах не идеальная машина для прогнозирования результатов действия. Деятельность, не соответствующая цели, не оправдывает ожиданий. Она противоречит намерениям, но тем не менее рациональна, т. е. является результатом разумного, пусть и ошибочного, обдумывания. Она представляет собой попытку, может быть, и неудачную, добиться определенной цели. Прогресс в медицине, технологиях и других сферах показывает, что многие способы решения проблем с позиции сегодняшних знаний были неверными. Технологии будущего будут более эффективными, но не более рациональными. Л. Мизес утверждает, что *«противоположность деятельности – не иррациональное поведение, а реактивная реакция органов тела и инстинктов, которая не контролируется волевыми актами человека. На одно и то же раздражение при определенных условиях человек может отвечать как реактивной реакцией, так и действием»*.

Экономическую науку часто ругают за игнорирование иррациональности жизни. Эти обвинения напрямую относятся к представителям разных неоклассических теорий и сторонникам агрегатной экономики. Именно они проводят разделение действий на рациональное и иррациональное (эмоциональное). В качестве научных истин они представляют модели рационального поведения, уверяя, что в результате их реализации люди добьются желанного оптимума.

Ошибки одной школы экономики, какой бы популярной она ни была, нельзя распространять на истинную экономическую науку. Как и любая другая отрасль науки, экономическая теория может развиваться только до тех пределов, где действуют рациональные методы. Затем она останавливается, натолкнувшись на конечную данность, т. е. на явление, которое не может, исходя из существующего сегодня уровня знаний, быть далее разложено на фрагменты. Теории праксиологии и экономической науки валидны для любой человеческой деятельности безотносительно к лежащим в ее основе мотивам, причинам и целям. Для любого вида научного исследования первичные ценностные суждения и первичные цели человеческой деятельности заданы, они недоступны для дальнейшего анализа. Праксеология занимается изучением методов и средств, выбираемых для достижения таких первичных целей. Ее предмет – средства, а не цели. Именно поэтому мы говорим о субъективизме общей науки о человеческой деятельности. Она принимает первичные цели действующего человека в качестве начальных данных, оставаясь нейтральной по отношению к ним, и воздерживается от вынесения ценностных суждений. Для праксеологии и экономики важна лишь адекватность выбранных средств поставленным целям.

В процессе деятельности человек открывает причинно-следственные связи и адаптируется к новой информации. Действие требует и предполагает наличие категории причинности. Как пишет Л. Мизес, «*действовать способен только человек, видящий мир сквозь призму причинности. В этом смысле мы можем сказать, что причинность является категорией деятельности. Категория средства и цели заключает в себе категорию «причина и результат». В мире, где отсутствуют причинность и упорядоченность явлений, нет места человеческим рассуждениям и человеческой деятельности. Трудно даже вообразить себе условия существования такого хаотичного универсума.*

Неоклассические «модельеры» игнорируют существующие в реальном мире причинно-следственные связи. Они делают допущение «при прочих равных», предполагают наличие полной информации или идеальной конкуренции и тем самым намеренно искажают существующие причинно-следственные связи. Но самый большой их научный грех, который выводит их за рамки науки, это навязывание ценностных суждений действующим субъектам.

В рамках неоклассических моделей очень трудно определить причину и следствие, следовательно, гораздо сложнее идет процесс открытия и корректировки ошибок. Если человек не находит никакой причинной связи, значит, он не может действовать. Однако даже установив некую причинно-следственную связь, он тем не менее не сможет действовать, если не в состоянии повлиять на причину. Интервенционизм представляет человеку ложную причину различных явлений. Он ведет человека по ложному пути к цели, которая является светлым будущим, но только для строго ограниченной группы людей. Если человек поверит полисимейкерам, он будет корректировать свое поведение в неправильном направлении. Он направляет ресурсы на реализацию проектов, которые в конечном итоге сделают его беднее и несчастнее.

Человек, карты которому спутало государство, наугад пытается определить, как ему повлиять на причину, которая на самом деле не является причиной его неудов-

летьврительного состояния. Он ищет регулярность и «закон» потому, что хочет вмешаться. Вмешивается – и обнаруживает далеко не тот результат, который он ожидал получить. Чиновники и экономисты-агрегатники сознательно или от невежества ведут человека по ложному пути. Легализуя те или иные формы интервенционизма, они так или иначе максимизируют свою личную полезность. Их поведение, результаты проведения реформ в постсоциалистических странах Европы подтверждают выводы австрийской школы экономики.

Чиновники и политики действуют в своем ограниченном информационном и аксцелогическом поле, отождествляя его с информационно-ценостным полем всех людей, каждого из нас. Неважно, какими формальными знаниями и информацией владеют дисижнмейкеры. Надо признать очевидный факт: ничто в экономической науке и пракснологии не говорит о том, что они в принципе могут достигать некоей универсальной максимизации полезности или общественного блага. Экономическая теория лишает чиновников права претендовать на наши деньги, чтобы нам же творить добро.

За фразами «ответственной социальной политики», «защиты национальных интересов» кроется неистребимое желание отдельных людей жить за счет других. Таким образом, понятие «разумное регулирование» – это словесная метафора, которая никоим образом не относится к качеству работы госструктур, т. е. интервенционизма. Бессспорно, реализация прав собственности, защита жизни и имущества граждан требует наличия сильных, прозрачных, нейтральных (т. е. не дискриминирующих людей), дешевых институтов, в том числе независимого суда, профессиональной милиции. Именно на создании такой административно-правовой системы, а не на максимизации социальных благ через неоклассическое, эконометрическое моделирование должны концентрироваться усилия полисимейкеров любой переходной страны. Если бы правительства Беларуси, России или Украины последовали этой рекомендации либералов, сегодня мы были бы гораздо богаче и, смею предположить, счастливее. Ведь мы жили бы не по указке чиновников, а реализовывали бы свои личные планы.

11. Многозначительные ярлыки. Определитесь с философской, политической и экономической ориентацией

На политической сцене каждой страны представлены различные политические партии: коммунисты, социал-демократы, либералы, консерваторы и другие. Трудно назвать все существующие политические ярлыки. Когда дело доходит до международных встреч, политики, как правило, склонны сотрудничать с единомышленниками, с теми, кто разделяет их философские и идеологические ценности. Тем не менее по многим вопросам, рассматриваемым в европейском парламенте, все немецкие депутаты вне зависимости от партийной принадлежности голосуют одинаково. Аналогичным образом ведут себя парламентарии Франции, Литвы или Польши. Ранняя партийная принадлежность членов делегации России или Украины в Совете

Европы не мешает им добиваться единого мнения по многим вопросам, стоящим в повестке дня данной организации.

Во избежание бурных и бессмысленных встреч с представителями совершенно противоположных по взглядам партий каждая организация старается придумать «говорящее» название, ярлык, который является как бы визиткой данного объединения. Традиционно политики придерживаются этого негласного правила, но в современном мире все чаще встречаются исключения. К примеру, от либерально-демократической партии, если судить по названию, можно ждать либеральной политики и приверженности демократии. Структуры же с таким названием в России и Беларусь демонстрируют, что данный ярлык наполнен совершенно иным содержанием. Немецкие христианские демократы традиционно считаются правыми, т. е. выступающими за увеличение степени экономической свободы. Лидер блока ХДС – ХСС Ангела Меркель, победившая на парламентских выборах 2005 г., начала свое правление с... повышения налогов. Если строго придерживаться классических определений, то такого поведения следовало бы ожидать от левых партий, т. е. социал-демократов и коммунистов.

Классический пример, показывающий динамику значений современных политических и идеологических терминов, – российские реформаторы 90-х гг. прошлого века. На весь мир было заявлено, что системными трансформациями в России занимаются либералы. При этом до дефолта 1998 г. размер государства увеличивался и полномочия бюрократии увеличивались. Евгений Примаков, которого никто не может квалифицировать как либерала, первым начал сокращать присутствие государства в экономике, т. е. уменьшать долю средств, перераспределяемых через бюджет. Республиканец Джордж Буш, который, если следовать логике партийной принадлежности, должен был дать больше прав рынку, довел до неприличных размеров дефицит бюджета США и поставил под угрозу достижения демократа Билла Клинтона, по американским меркам, левого политика.

Одни из самых успешных либеральных реформ в мире провела лейбористская партия Новой Зеландии. Столкнувшись с острым кризисом внешнего долга, левые политики вынуждены были отказаться от политики перераспределения в пользу производства в условиях открытой конкуренции и свободной торговли. Если судить по объему государственного потребления, то Швецию, Данию и другие скандинавские страны можно отнести к сильно интервенционистским государствам, сторонникам так называемого рыночного социализма. При этом правящая социал-демократическая партия Швеции на протяжении десятилетий выступает за реализацию принципа свободной торговли в Европейском союзе. Для контраста: Маргарет Тэтчер, которая прославилась на весь мир отставанием принципов свободного рынка, оказалась не готова реализовать в своей стране и в ЕС эти самые принципы свободной торговли.

Таковы политические и семантические реалии сегодняшнего дня. Поэтому попытки понять взгляды человека, спрогнозировать его поведение при голосовании по тому или иному законопроекту, исходя из принадлежности его к той или иной политической партии, часто обречены. Смысл традиционных политологических ярлыков выхолощен. Новые названия еще не вошли в обиход и пока не ассоциируются с определенными ценностями и взглядами. С одной стороны, это связано с тем,

что большинство представителей политической элиты не имеет системных, последовательных взглядов. Они вышли из коммунистической «шинели», которую шили на уроках политэкономии социализма и научного коммунизма. Для переосмыслиения наследия прошлого надо было опять браться за учебники. Времени на это не было, поэтому полисимейкеры пошли «срезать углы». Они нацепили новые ярлыки, научились пользоваться модными фразами и клише, но на философском, ценностном уровне остались убежденными интервенционистами, т. е. сторонниками тезиса о необходимости сохранения сильного присутствия государства не только в экономике, но и в других сферах общественной деятельности.

У обычных людей могло сложиться впечатление плорализма мнений, реального противостояния старого и нового. В большинстве случаев борьба шла не между идеями, а между ярлыками. Не между аксиологическими противоположностями, а между разными олигархическими группами. Избиратели «купились» на ярлыки. После провала той или иной политической группировки они жестко критиковали и подвергали обструкции... ярлыки, которыми прикрывались некомпетентные или коррумпированные политики и чиновники. Так либерализм, сам того не подозревая, стал изгояем в разных странах на постсоциалистическом пространстве. Даже не узнав, что такое настоящий либерализм, люди начали его тихо ненавидеть, обвиняя во всех смертных грехах. Интервенционисты разных мастей торжествовали. Они добились главного – власти себе и дискредитации той единственной альтернативы, которая могла бросить вызов работающим под разными ярлыками интервенционистам. Аналогичная ситуация сложилась в Польше, Чехии, Венгрии и других странах ЦВЕ. Самый свежий пример – новая украинская власть. При благородных целях и правильных лозунгах построения либерального рынка и демократического общества первое «оранжевое» правительство премьера Юлии Тимошенко проводило ярко выраженную интервенционистскую политику. Либеральные ценности опять остались только на предвыборных плакатах.

Осторожно: политологические ярлыки!

Смысл политологических ярлыков меняется на глазах. Консерваторы Новой Зеландии критикуют своих социалистов за умеренность. В свою очередь, социалисты с зеленого острова радикальнее, чем республиканцы в США. Республиканцы Джорджа Буша обвиняют демократов Америки в социализации экономики. Очевидно, что как бывший президент Билл Клинтон, так и проигравший на выборах Альберт Гор по своим взглядам довольно комфортно чувствовали бы себя среди консерваторов Великобритании. Лейбористы Тони Блэра – это не социалисты и коммунисты Франции и Италии. Они по крайней мере знают: прежде чем распределить богатство, надо его создать.

Все вышеперечисленные партии бесспорными, непререкаемыми ценностями считают права человека, свободу слова, собраний, перемещения и другие свободы современной цивилизации. Никому в Европе не приходит в голову лишать телевизора или закрывать газеты оппозиции, лишать ее права на высказывание своей точки зрения. По отношению к государству, бизнесу и потребителю белорусские либералы очень похожи на европейских социал-демократов.

Коммунисты из стран СНГ имеют целый ряд особенностей. Они очень разношерстны. Среди коммунистов можно встретить как бизнесменов-миллионеров, так и бедствующих пенсионеров. После многочисленных уроков истории как-то несусрочно звучат призывы вернуться к монополии государства в экономике. Только уникальные люди могут продолжать отстаивать достоинства и преимущества плановой экономики и искать третий путь, когда количество томов эмпирических данных и документальных подтверждений неэффективности, губительности и преступности данной социально-экономической системы во сто крат превысило совокупный тираж социалистов-коммунистов от Фурье и Маркса до Ленина и Брежнева.

Кого же называть социалистом? Кто такой либерал? Дело далеко не в целях, которые ставят перед собой различные политические партии. От Александра Лукашенко и Владимира Путина до сингапурских и чилийских реформаторов цели государства похожи: повысить благосостояние народа, создать побольше рабочих мест, улучшить конкурентоспособность национальной экономики, привлечь как можно больше инвестиций, обеспечить гражданам безбедную старость, качественное медицинское обслуживание и образование. Вряд ли есть в мире политическая партия, которая выступала бы против вышеперечисленных целей. Все дело в выборе средств для достижения поставленных целей, в конкретных механизмах, которые предлагаются для решения различных задач, в ответе на вопрос «Кто должен принимать экономические решения на рынке товаров, услуг, денег и рабочей силы: собственники, инвесторы, предприниматели или чиновники?». Ответив на эти и целый ряд других вопросов, легко определить, кто ты: либерал, коммунист, социал-демократ или обычный нигилист.

Либералы критикуют не потому, что они против декларируемых целей. Они против предлагаемых коммунистами и социал-демократами институциональных и законодательных решений, против экономических механизмов и средств, которые те предлагают для решения поставленных задач. Либералы знают и могут доказать фактами из старой и новейшей истории, что в результате передачи полномочий от человека государству темпы экономического роста падают, конкурентоспособность экономики снижается с вытекающей отсюда социальной деградацией. Если вы решили похудеть, едва ли вам стоит каждый день пытаться пиццей или биг-маками, запивая эту «полезную» пищу несколькими литрами пива. Если мы решили избавиться от бедности и нищеты и войти в число двадцати самых богатых стран мира, нам надо забыть о государственном интервенционизме и создать гибкую, открытую, справедливую экономику, т. е. взять курс на полноценный, последовательный либерализм.

Между либерализмом и социал-демократией есть существенные отличия в философии, идеологии и экономической политике. С одной стороны, мы имеем концепцию «малого государства», или *laissez faire*, с другой – государство всеобщего благосостояния, рыночного социализма или социалистического рынка. «Невидимая рука» А. Смита, с одной стороны, и «жесткий кулак бюрократии» – с другой. Для одних теоретическим фундаментом и философией являются работы Л. Мизеса, Ф. Хаека, А. Рэнд, Нобелевских лауреатов М. Фридмана, Д. Норта, Г. Бэйера или Дж. Стиглера. Для других основной источник вдохновения и аргументов – все те же К. Маркс, Дж. Кейнс, О. Ланге, П. Самуэльсон и другие сторонники третьего пути.

Давайте сравним позиции последовательного либерала и социал-демократа (социалиста) и предлагаемые ими способы решения основных макроэкономических проблем. Стоит заметить, что социал-демократ при долговременном осуществлении своей социально-экономической политики склонен трансформироваться в более жесткий тип сторонника твердой руки и авторитарных методов управления государством и экономикой. По мере развития либерального общества все большее место и значение в решении социальных, гуманитарных и даже экономических проблем приобретает гражданское общество.

Инфляция

Инфляция – это чисто монетарное явление резкого увеличения количества денег по сравнению с количеством выпускаемых товаров. Это приводит к падению реальной стоимости денег. Инфляция приводит к потере сбережений экономических субъектов в национальной валюте, тормозит инвестиции в долгосрочные проекты, искашает рыночную информацию и приводит к иррациональному размещению ресурсов. Формирование рациональных ожиданий при высоком уровне инфляции проблематично. Политические партии по-разному относятся к инфляции. Для одних защита денег от нее является важнейшим элементом экономической политики. Другие допускают невысокую инфляцию, третьи вообще считают ее эффективным способом конфискации ресурсов и их перераспределения.

ЛИБЕРАЛЫ

Непременные условия успеха: независимый Нацбанк с единственной целью обеспечения стабильности национальной валюты, равенство Минфина и экономических субъектов в плане доступа к ресурсам и финансирования своей деятельности, долговременное планирование, прозрачность и однозначность законодательной базы, либерализация финансово-кредитного рынка, равный доступ внутренних и внешних субъектов на рынок, отмена административных ограничений на валютном рынке, развитая инфраструктура финансовых посредников и наличие большого числа финансовых инструментов. Жесткие монетарные ограничения и строгий контроль за размером денежной массы. Правила игры определяют мозги, технологии, современный менеджмент и маркетинг.

Идеальное решение – полная деполитизация денег через возврат к деньгам, обеспеченным товаром, т. е. золотом или серебром.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Нацбанк находится в прямом подчинении исполнительной или законодательной власти. Он используется для финансирования государственных программ поддержки экспортёров, обеспечения жильем, проведения с/х кампаний и т. п. Нацбанк отвечает за состояние национальной экономики в целом. Минфин имеет приоритетный доступ к ресурсам на условиях, недоступных экономическим субъектам. Небольшая инфляция (до 10 – 15%) считается благом, т. к. якобы повышает конкурентоспособность отечественных производителей. Де-факто существует разделение экономических субъектов на социально значимые, стратегические, бесполезные. Экспортёры имеют приоритетное значение, а импортёры работают в неравных условиях. Принимается законодательство, определяющее статус самых «важных» пред-

приятий в плане доступа к финансовым рынкам и инструментам. Главными бенефициарами являются приближенные к органам власти структуры и лица.

Внутренний и внешний долг

В отличие от остальных экономических субъектов государство привыкло жить в долг. Оно просит или заставляет внутренних или внешних кредиторов предоставить ему средства. Ежегодный дефицит бюджета выливается в рост внутреннего или внешнего долга страны. В цивилизованном мире долги принято отдавать. Сейчас никто не рискнет поступить так, как в свое время Ленин или Гитлер. Они просто «кинули» кредиторов СССР и Германии. Накапливающийся долг становится настоящей удавкой экономического развития страны. При игнорировании проблемы выплата процентов по долгам превышает 20% ВВП, что приводит к росту налоговой нагрузки и бегству из страны капитала и общесистемному кризису.

ЛИБЕРАЛЫ

Проведение жесткой монетарной политики при одновременной либерализации и проведении институциональных преобразований. Законодательное принятие графика сбалансирования бюджета, закона, запрещающего перерасход средств государством. Сокращение госрасходов, прежде всего за счет отмены субсидий и дотаций экономическим субъектам, сокращения силовых структур, проведение широкомасштабной прозрачной приватизации. Одновременно проводится кардинальная налоговая реформа, предполагающая введение налога с продаж как основного элемента новой системы вместо НДС, налога на прибыль и других оборотных налогов. Данная мера значительно снижает расходы на содержание налоговых органов, а также расходы экономических субъектов на выполнение обязательств перед государством. Переход на индивидуальные двухгодичные контракты со всеми госслужащими. Введение законодательной нормы полной финансовой прозрачности всех государственных структур. Обеспечение гласности при проведении тендеров на предоставление государству услуг. Сбалансирование бюджета основано на пяти принципах: упразднение ненужного; консолидация раздробленного; приватизация и максимальное использование рыночных сил; передача на местный уровень власти оказание государственных услуг; снижение налогов.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Монополизация рынка финансовых услуг, выпуск кратко- и долгосрочных облигаций государственного займа на льготных для государства условиях, отвлечение средств из реальной экономики, принуждение Центробанка к покупке государственных финансовых инструментов, повышение ликвидности государственных банков, перераспределение бремени госрасходов на всех участников рынка посредством более дорогих ресурсов для МСБ. Предпочтительное обслуживание внешнего, а не внутреннего долга, хотя на определенном этапе происходит замораживание выплат процентов и ведутся переговоры по его списанию. Вся тяжесть долга перекладывается на плечи будущих поколений. Законодательная и исполнительная власть выдает многочисленные льготы, привилегии, которые увеличивают расходы государственного пенсионного фонда. Повышаются налоги, особенно на относительно богатых граждан и юридических лиц. Помимо этого доходную часть предполагается увеличивать за счет постепенной государственной монополизации предложе-

ния товаров и услуг. Ресурсы делятся в тиши кабинетов. Эффективность их использования остается государственной тайной.

Преодоление спада в промышленности и сельском хозяйстве

Различия между либералами и социал-демократами особенно ярко проявляются во взглядах на промышленную и сельскохозяйственную политику. Поле для манипуляций и интервенций огромно. Экономика предполагает совершенно иную методологию, чем точные, экспериментальные науки. Приняв некое решение на заводе или ферме, вы только по истечении времени можете сказать, правильным ли оно было. Сравнить результат с альтернативным решением (если бы вы выбрали иной бизнес-план, иную технологию или иные условия контракта) на практике нельзя. Определение так называемых точек роста – основная проблема при определении параметров промышленной и с/х политики. Многочисленные провалы государства в угадывании «национальных чемпионов» дают основания задать вопрос: «Может ли государство в принципе этим заниматься?». Существует одна известная экономическая аксиома: «Человек всегда реагирует на стимулы». Либералы и социал-демократы предлагают создание экономической среды, основанной на совершенно противоположных стимулах для людей, занятых в промышленности и сельском хозяйстве.

ЛИБЕРАЛЫ

Государство, равно как и остальные экономические субъекты, не может определить будущих лидеров в промышленности, сельском хозяйстве или в сфере услуг. Не может по одной простой причине – из-за информации, вернее ее отсутствия. Даже известный мощный компьютер *Deep Blue*, победивший Гарри Каспарова в шахматах, – просто жалкая игрушка, не способная проанализировать триллионы битов ценной информации, которая меняется каждую минуту. Нет никаких рациональных оснований думать, что даже 10 тысяч чиновников справятся с этой задачей.

Получение неискаженной информации с рынка в виде свободной цены, говорящей о выборе потребителей, инвесторов, предпринимателей, благоприятный деловой климат – вот основа рациональной, эффективной промышленной и с/х политики. Нельзя принимать рациональные решения, не имея полной информации, которую, в свою очередь, можно получить только после либерализации внутренней и внешней торговли, рынков недвижимости и рабочей силы, земли и других форм капитала. Потоки капитала направляются туда, где они приносят максимальную прибыль. Динамическое право частной собственности на все формы капитала способствует смене собственника в зависимости от преференций потребителя. Система стимулов: сокращение себестоимости продукции, повышение качества производимых товаров или услуг, расширение ассортимента, инвестирование в науку и развитие новых технологий, специализация и учеба, создание квалифицированных рабочих мест. Все это для того, чтобы успешно конкурировать на внутреннем и внешнем рынках. Основой экономической законодательной базы является гарантирование реального равенства всех субъектов хозяйствования во всех аспектах хозяйственной деятельности.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Государство принимает многочисленные программы спасения и вывода из кризиса экономики в целом и отдельных ее секторов. Рост и появление «локомотивов» отечественной экономики планируется в рамках пятилетних планов. Для «социально значимых предприятий и отраслей» создаются тепличные условия хозяйствования в виде невозможности конкуренции со стороны зарубежных поставщиков аналогичных товаров или услуг (таможенные пошлины, изощренная сертификация, квоты), дискриминации внутренних конкурентов, работающих в той же сфере (перекрытие доступа к дешевому кредиту, отмена лицензии, перерегистрация, проверки, соответствующая политика аренды производственных и офисных помещений, предоставление энергоресурсов по льготным ценам и т. д.),нейтрализация конкурентов за ресурсы из других секторов экономики (лишение статуса «социально значимые» или «стратегические», предоставление особых полномочий министерствам и государственным агентствам по управлению предприятиями, введение «золотой акции»). Недостаток валютных средств компенсируется политикой импортозамещения, что является очередным «шедевром» бюрократического управления экономикой. Все импортозамещение построено на предположении, что государство определяет «вредные» для национальной экономики сектора и направляет ресурсы на создание отечественных производственных структур. Игнорируется система разделения труда и ее преимущества. Любимые инструменты обеспечения роста объемов производства промышленности и с/х – субсидии, дотации, инвестиционные (читай: бесплатные) кредиты, девальвация национальной валюты, освобождение от обязательных для остальных бюджетных платежей, таможенных пошлин и т. п. Право собственности на землю и недвижимости очень сильно ограничено. Государство регулирует большинство аспектов экономической деятельности начиная от времени работы магазинов, ассортимента продаваемых товаров, количества отечественных и импортных товаров на полках, содержания рекламы и заканчивая жестким регулированием естественных монополий и импортеров стратегически важных товаров (сигареты, алкоголь, нефтепродукты, электроэнергия и т. п.).

Система стимулов: создание сильного лобби в органах законодательной и исполнительной власти на местном и национальном уровне, консервация старых и неэффективных методов и механизмов управления экономикой и распределением ресурсов, «вымывание» квалифицированных рабочих мест, пренебрежение экологией, стремление искусственно повысить затраты для привлечения очередной порции госпомощи, инвестирование в технологически и финансово отсталые отрасли и предприятия.

Финансовый кризис системы пенсионного и медицинского обеспечения

Система государственного пенсионного обеспечения была введена, когда на одного пенсионера работало сто человек. Сейчас ситуация резко изменилась. В странах с переходной экономикой на одного пенсионера приходится в среднем 1,5 – 2,5 рабочих. Система здравоохранения также страдает хроническим дефицитом инвестиций, средств на модернизацию технической базы поликлиник и больниц. При доминирующей государственной монополии с трудом развивается частная меди-

цина. Она дорога, потому что государство резко увеличивает стоимость входа на рынок медицинских услуг.

Суть основной дилеммы заключается в следующем. *Опция 1*: оставлять пенсионное обеспечение и медицинские услуги вне стимулов экономической деятельности и законов рынка, вне закона спроса и предложения. *Опция 2*: приватизировать пенсионную систему и систему здравоохранения, создавая стимулы для потребителей заботиться о своем здоровье и старости, а для врача – стимулы сокращать расходы и применять новейшие технологии, не надеясь на то, что страховая компания заплатит за все. При приватизации государство принимает на себя безусловное выполнение обязательств, данных им ранее. На вопросы «Являются ли пенсии и медицинские услуги экономическим товаром?», «Является ли получение пенсий и медицинских услуг естественным правом человека?» социал-демократы и либералы имеют противоположные ответы.

ЛИБЕРАЛЫ

Введение индивидуальных пенсионных накопительных счетов в частных пенсионных фондах, которые строго регулируются и контролируются государством. Человек, а не профсоюз, определяет место открытия пенсионного счета. Отмена обязательных выплат в социальные фонды юридическими лицами, введение обязательных индивидуальных выплат для новых участников рабочей силы (10 -15%). Гарантированные социальные пенсии для инвалидов, вдов и сирот.

Законодательное ограничение инвестиционной активности пенсионных фондов, закрепление невозможности использования средств индивидуальных пенсионных счетов в проектах Совета директоров фонда, который является отдельным юридическим лицом. Введение индивидуальной медицинской страховки. Гарантирование обеспечения медицинскими услугами каждому гражданину на определенную законом сумму. Проведение тендеров среди частных подрядчиков на управление государственными больницами и поликлиниками. Каждому человеку выдается индивидуальная медицинская книжка, в которой ведется строгий учет объема и стоимости оказываемых услуг. Развитие частной специализированной медицины и создание механизмов, стимулирующих повышение качества медуслуг, сокращение затрат на их оказание, инвестирование в новые технологии и разработку новых лекарств и, конечно же, постоянная пропаганда здорового образа жизни.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Раздача привилегий и «подарков» различным социальным и лоббистским группам в виде более раннего выхода на пенсию, повышения размера пенсии безотносительно к ежемесячным взносам в пенсионный фонд. Создание единого государственного пенсионного фонда, руководство которого расходует средства по своему усмотрению. Отсутствие отчетности и контроля за деятельностью данного фонда, осуществление «показательных» социальных проектов в виде образцовых микрорайонов (в которых совершенно случайно живут все местные боссы), строительства шикарных домов отдыха, пансионатов, заповедников для рабочих (они случайно работают в самых высоких кабинетах). Превращение отчислений в пенсионный и другие социальные фонды в еще один налог, поступающий в общий государственный «котел». Полное подчинение пенсионного фонда исполнительной

или законодательной власти, превращение его в дополнительный стимул для управлеченческих структур и их государственных служащих.

Монополизация рынка медицинских услуг государственными компаниями, законодательный запрет на рынок медицинских услуг или жесткая дискриминация частных структур на данном сегменте рынка. Перераспределение средств осуществляется через бюджет. Высокие налоги на зарплату лишают стимулов для создания новых рабочих мест, способствуют скрытию реальных доходов и завышению затрат. Все эти действия в конечном итоге снижают конкурентоспособность национальной экономики в целом. В рамках государственной страховой медицины потребителям выгодно потреблять как можно больше медицинских услуг, т. к. они напрямую не платят за оказываемые услуги. Врачи склонны завышать счета, поскольку их затраты компенсируют в основном страховые компании. В завышенных медицинских счетах часто кроются «откаты» чиновников и менеджеров государственных медицинских учреждений.

Курильщик, пьяница, наркоман не видит никакой связи между своими пороками, затратами на свою медицинскую страховку и уровнем личного дохода.

Мы выбрали четыре проблемы, по которым позиции либералов и социал-демократов отличаются, как рецепты К. Маркса от рекомендаций Л. фон Мизеса. Бросается в глаза одно. Либералы стараются решить экономические проблемы экономическими способами. Они используют политические институты в качестве администраторов, гарантов того, что будет обеспечена политическая воля жить по средствам. Социал-демократы смешивают в кучу цели и средства, причины и следствия, предполагая, что краткосрочные интересы политической группировки полностью совпадают с интересами всех налогоплательщиков, потребителей, собственников капитала и предпринимателей. В различных экономических функциях они не оперируют понятием «человек». Они всегда обращаются к обществу, народу или нации. За этими терминами легче спрятать свои шкурные интересы и волиющий непрофессионализм в управлении активами.

Как же разобраться во множестве политических и экономических ярлыков? Как застраховать себя от авантюризма различных лидеров и политических групп? Лучшее, что можно предложить, *это начать думать*, а не принимать на веру декларируемые благородные цели. Если вы считаете безнравственным и неправильным *самому просить* или требовать у соседей и друзей заплатить за вас долги, компенсировать убытки от собственной бесхозяйственности, если вы не можете потребовать у соседа обеспечить пропитание, образование и медицинские услуги вам и вашей семье, то *почему просить и требовать этого же через политического посредника – депутатов или президента*, которые делают то же самое, – правильно, порядочно и честно? Неважно, требуешь ты этого от имени нации, рабочего класса, крестьян или во имя равенства мужчин и женщин.

Беларусь, Россия и Украина стоит присмотреться к опыту Новой Зеландии. Интеллектуальная элита этой страны сумела ловконейтрализовать влияние разных лоббистских групп популистов и демагогов. В начале 80-х гг. на выборах в этой стране победили социалисты, оказавшиеся настоящими патриотами. Они начали реформировать экономику экономическими средствами, что в конечном итоге и

является самым социальным, т. к. гарантирует повышение благосостояния народа. Такая политика стирает грани между городом и деревней, уравнивает в правах мужчин и женщин, граждан страны и иностранцев. Коммунистам, либералам и социал-демократам переходных стран надо начать думать экономическими категориями. Пора перестать тратить ресурсы и время на бессмысленное жонглирование ярлыками. Перед лицом стоящих перед нами проблем и вызовов пора стать патриотом. Пора сконцентрировать знания, ресурсы и время для выработки либеральной повестки дня постсоциалистических стран. Экономическая теория доказывает, что это одно и то же.

ТЕСТ

30 вопросов для определения политической, экономической и философской ориентации

Из предложенных вариантов ответа выберите один. Суммируйте количество баллов и определите себя с точки зрения философской, политической и экономической ориентации.

1. Учитель говорит, что социальная справедливость должна быть основой любой экономической системы. Вы:
 - A. Полностью с ним соглашаетесь, поскольку учитель повторяет слова президента. (0)
 - B. В принципе согласны, но хотели бы уточнить, как быть с чрезмерно богатыми. (1)
 - B. Уверены, что понятие «справедливость» относится только к взаимоотношениям между людьми, а фраза «социальная справедливость» не имеет смысла. (3)
 - G. Возражаете учителю, потому что под данным «знаменем» вершились самые жуткие преступления. Прежде всего надо воспитать нового человека. (2)
2. Партийный лидер утверждает, что только грамотные люди, как минимум с начальным образованием, должны иметь право голосовать. Вы:
 - A. Поддерживаете его, потому что старики являются препятствием на пути прогресса и блокируют реформы. (0)
 - B. Твердо убеждены, что голосовать может любой человек, достигший 18 лет. (3)
 - B. Идея вам нравится, но вы предлагаете создать комиссию по выработке более четких критериев грамотности. (1)
 - G. Уверены, что политик явно белены объелся: за такой бред надо лишить его права участия в выборах. (2)
3. На совместном заседании синода РПЦ и правительства принимается тезис о том, что отделение церкви от государства привело к деморализации общества. Вы:
 - A. Считаете опасным синдромом болезни страны сам факт принятия совместных документов церкви и правительства в светском государстве. (2)
 - B. Считаете, что к деморализации страны приводит отсутствие прав собственности, закрытое государство, а также жесткий контроль над гражданским обществом. (3)

-
- B. Считаете, что наше общество и ранее было аморальным, что нас спасет только введение регулярных молитв в школах, университетах и на предприятиях всех форм собственности. (1)
- G. Полностью поддерживаете отмену принципа отделения церкви от государства, считая необходимым установление квоты на представительство православной церкви в центральных и местных органах власти. (0)
4. *На лекции по философии вам говорят, что не каждый убийца, вор или насильник заслуживает осуждения, что все контекстуально и относительно. Вы:*
- A. Уверены, что А – это А и не может одновременно быть Б. Вор или убийца – это преступники при любой власти, в любое время. Они одновременно не могут быть героями. (3)
- B. Считаете, что убивать или воровать за святое дело (независимость страны, идеалы церкви, сверхприбыль, честь любимой) можно и даже полезно. Мы потом сами напишем историю. (0)
- B. Полагаете, что воровство, тем более убийство, конечно, надо осуждать, но если никто не видит, а дело, на ваш взгляд, святое, то изредка такие действия допустимы. (1)
- G. Убийство недопустимо ни при каких обстоятельствах. Жизнь священна, но воровать в исключительных случаях оправданно, если ты хочешь помочь бедным или сделать взнос на создание национального парка. (2)
5. *Ваш знакомый издает и продает книги, в которых описывает схемы производства бомб, изготовления ядов и дурманящих веществ. Вы:*
- A. Нанимаете ребят, чтобы те отбили «извращенцу» печеньки за такую деятельность. (0)
- B. Требуете, чтобы подобный вид деятельности был строго лицензирован, а каждая публикация проходила одобрение специальной депутатской комиссии. (1)
- B. Осуждаете опасное, на ваш взгляд, увлечение и говорите ему, что лучше бы ему заняться публикацией книг Мизеса или Рэнд. (3)
- G. Покупаете несколько книг. Образованный человек должен знать все и делиться этими знаниями с окружающими. Думаете разместить эти книги в открытом доступе в Интернете. (2)
6. *Министерство информации заявило, что родителям нельзя доверять мониторинг того, что дети смотрят по ТВ. Поэтому содержание ТВ-программ необходимо регулировать. Вы:*
- A. Считаете, что только родители несут ответственность за воспитание детей, т. е. имеют право определять параметры их информационного поля. Не дело государства вмешиваться в процесс изготовления и продажи информации. (3)
- B. Уверены, что цензура на ТВ должна быть, т. к. родители слишком много работают и не могут постоянно следить за детьми. (1)
- B. Выступаете за установку специальных декодеров, которые должна покупать каждая семья в министерстве информации на право смотреть определенные программы и фильмы. (0)

- Г. Защитить ребенка от «вредной» информации трудно, но стараться надо. На каждом канале должен быть государственный художественный совет по контент-мониторингу. (2)
7. *Идеологи, радеющие за добродетель в обществе, утверждают, что люди слишком глупы, чтобы знать, что для них лучше всего. Поэтому им нужно помогать делать правильный выбор. Вы:*
- А. Думаете, что люди действительно глупы, но не настолько, чтобы их нужно было опекать от коляски до гроба. (2)
- Б. Выступаете за запрет рекламы и гармонизацию производства. У людей голова кругом идет от выбора, поэтому товарную номенклатуру надо свести к семи позициям – для разнообразия на каждый день недели. (0)
- В. Считаете, что рассчитывать на наличие полной информации у каждого человека нельзя, поэтому государству иногда, при обороте социально значимыми товарами и услугами, надо вмешиваться. (1)
- Г. Уверены, что речь идет о схемах выманивания денег у налогоплательщиков, что чиновники или политики часто глупее обычных рабочих. Главное, чтобы человек сам нес ответственность за свои глупости. (3)
8. *Вам говорят, что каждый человек по определению рационален. Вы:*
- А. Только экономисты могут быть по-настоящему рациональными. Остальные, особенно филологи, музыканты и женщины, типично иррациональны. (0)
- Б. Полностью согласны. Каждый человек в момент совершения действия выбирает лучший, с его точки зрения, вариант выбора. У него нет знаний *ex post*, чтобы сказать, что данный выбор – глупость или не совсем оптимум. (3)
- В. Считаете, что иногда человек действует эмоционально, поэтому о рациональности забывает. Чтобы особо эмоциональные люди поступали рационально, им надо прислушиваться к мнению родителей (супруга, депутата, центра Мизеса). (2)
- Г. Считаете, что для того, чтобы человек поступал духовно, ему надо прочитать Библию. Поступать духовно важнее, чем рационально. Кому сегодня нужна рациональность в эпоху потери нравственных ориентиров?! (1)
9. *Вы назвали жену соседа крашеной стервой и дурой. Сосед вызывает вас на дuelль. Вы:*
- А. Называете его старомодным кретином и советуете обратиться в суд. (2)
- Б. Приводите доказательства своих слов. Затем, помирившись, распиваете с ним бутылку водки и забираете у него пистолет. (1)
- В. Берете кухонный нож и отрезаете ему ухо. Вам просто нравится Пикассо. (0)
- Г. Принимаете его предложение, но для начала предлагаете провести кампанию по легализации дуэлей. Человек должен иметь право самостоятельно распоряжаться своей жизнью. (3)
10. *Вы видите, как незнакомые люди сбрасывают мусор в лес и озеро, как растут свалки вокруг городов и грязнее становятся реки. Вы:*
- А. Выступаете за принятие четких законов по распределению ответственности за загрязнение окружающей среды. Леса и озера могут быть в государственной собственности. (2)

-
- Б. Образуете добровольный отряд «зеленых» и забираете транспортное средство каждого, кто загрязняет лес. Мягкая мера наказания – доставка в милицию и административное наказание на 15 суток. (0)
- В. Призываете приватизировать землю в целом, леса и реки в частности. Только хозяин сможет навести порядок на земле, что бы на ней ни находилось. (3)
- Г. Призываете ужесточить налоговое законодательство, введя повышенные налоговые ставки на отдельные предприятия (сектора), а также норму отзыва лицензии при превышении выбросов в воздух (воду) на 50% от нормы. (1)
11. *На предвыборном собрании кандидат в депутаты говорит, что традиции – это надежный путеводитель для определения того, что такое хорошо и что такое плохо. Вы:*
- А. Забрасываете кандидата яйцами. Какие могут быть традиции в эпоху Интернета, борьбы с глобализацией и моды на бисексуальность?! (0)
- Б. Считаете, что традиции традициям рознь. Наши национальные традиции лучше российских (немецких, польских). Поэтому государство должно финансировать развитие нужных и полезных традиций. (1)
- В. Считаете, что традиции, конечно, надо уважать, но все меняется. То, что было хорошо сто лет назад, может быть вредным сегодня. Каждую традицию надо рассматривать в контексте своей личной выгоды. (2)
- Г. Не соглашаетесь с кандидатом. Морально все то, что практически. Практично все то, что ведет к выживанию и сохранению жизни при условии добровольного обмена между людьми. (3)
12. *Белорусская частная компания изобрела таблетку, которая вылечивает рак. Вы:*
- А. Радуетесь успеху соотечественников и стараетесь купить акции компании, оставляя за ней право свободного ценообразования на новое лекарство. (3)
- Б. Говорите о грандиозном успехе белорусского государства, национализируете изобретение как стратегически важное для безопасности страны и начинаете продавать новое лекарство, устанавливая цену от \$10 до \$200 тыс. (для бедных и богатых стран). (1)
- В. Уверены, что Беларусь должна выполнить свой долг перед мировым сообществом. Поэтому при помощи лицензирования и установленной бюджетной компенсации для частной фирмы вы позволяете каждому производить данные таблетки по всему миру. (2)
- Г. При помощи манипуляций получаете рецепт таблетки, быстро патентуете ее в США и ЕС, а потом привлекаете белорусского производителя к суду за нарушение прав собственности. (0)
13. *На соседней улице убили уже второго человека за последнюю неделю. Подозревают фундаменталистов. По ТВ постоянно говорят о росте преступности. Вы напуганы и предлагаете:*
- А. Расширить полномочия правительства по контролю за телефонными разговорами и перепиской граждан. Поддерживаете предложение оснащения каждой улицы и двора камерами слежения. (1)
- Б. Увеличить число милиционеров в данном районе, улучшить сбор информации от местного населения и установить премию за поимку преступника. (3)

- В. Жестко ограничить иммиграцию, а в случае рецидива преступления ввести комендантский час в данном районе. (0)
- Г. Требуете увольнения должностных лиц, ответственных за состояние правопорядка в городе, а также поддерживаете выделение средств на техническое оснащение и материальную помощь милиции. (2)
- 14. После просмотра чемпионата мира по футболу сосед сетует, что спортсменам слишком много платят. Вы:**
- А. Предлагаете ему не считать деньги в чужом кармане, а подумать над повышением налогов на сверхдоходы. (2)
- Б. Поддерживаете соседа и предлагаете ввести предельный размер заработка спортсменов, артистов, писателей. (1)
- В. Получаете рекомендацию от соседа на вступление в Совет по справедливому распределению национального дохода и в качестве взноса сдаете высокий гонорар жены за успешно продаваемую книгу. (0)
- Г. Терпеливо объясняете соседу понятие «редкость» и «спрос», а также как добровольно и с удовольствием люди создают Рональдо, Бэкхемов или Шевченко. (4)
- 15. Один богатый человек говорит, что если отбросить административные факторы, то потребляющий меньше услуг государства, должен платить меньше налогов. Вы:**
- А. Считаете этого типа асоциальным, аморальным и безграмотным человеком. (0)
- Б. Считаете, что рациональное зерно в предложении есть, и предлагаете внести изменения в законодательство, только если такая практика есть в ЕС. (2)
- В. Считаете, что теория хороша, но поскольку механизмов и формул подсчета стоимости потребляемых услуг нет и быть не может, надо ввести ограничение на максимальный размер госрасходов. (3)
- Г. Сама постановка вопроса кажется вам недопустимой. Богатые обязаны делиться с бедными, ведь мы живем в одной стране. (1)
- 16. Создается Министерство по средствам массовой информации, которое призвано обеспечить равный доступ всем гражданам и политическим организациям к государственным газетам, радио и телевидению. Вы:**
- А. Уверены, что все это ширма для того, чтобы умиротворить гражданское общество и создать иллюзию свободы СМИ. Информация – это экономический товар, который подчиняется тем же экономическим законам, что и земля, бананы или тракторы. (3)
- Б. Считаете это ненужной тратой денег на еще одно министерство. Нет смысла впускать частные СМИ на рынок информации. Хватит нам государственных. Не обязательно давать слово разным экстремистам. (0)
- В. Радуетесь малой победе демократии и считаете, что и через государственные СМИ можно добиться политической победы. Когда мы придем к власти, у них тоже будут проблемы с доступом. А контроль, безусловно, нужен. (1)
- Г. Министерство пусть работает. Оно будет в равной степени следить за государственными и частными СМИ. Без госСМИ трудно обеспечить политический плюрализм. (2)

-
17. *После резкого повышения цен на газ и нефть «затрецтал» бюджет. Правительство предлагает включить печатный станок, чтобы ликвидировать задолженности по зарплате учителям, врачам, рабочим и колхозникам. Вы:*
- A. Снимаете деньги с рублевого депозита и покупаете наличную валюту, понимая, что инфляция съест ваши сбережения. (2)
 - B. С одобрением и пониманием относитесь к человечности правительства и проблемам госслужащих и продолжаете регулярно продавать несколько баксов из своих валютных сбережений, отложенных «на жизнь». (1)
 - B. Недоумеваете по поводу щепетильности правительства. Конечно, надо помочь бедным бюджетникам, и чем скорее, тем лучше. Более того, для сохранения позиций наших экспортёров на внешних рынках надо обеспечить рублями и промышленность, и сельское хозяйство. (0)
 - G. Сочувствуете бюджетникам и студентам. Лично вас действия правительства не касаются. Вы не держите сбережения ни в какой валюте в государственных банках. (3)
18. *Президент своим указом назначает председателя Национального банка на три года и требует от него повышения эффективности национальной экономики, в том числе роста ВВП и занятости. Вы:*
- A. Жалеете своего друга, имеющего акции белорусского коммерческого банка, и советуете ему обменять их хотя бы на российские или польские. (2)
 - B. Зная порядочность нового председателя, вы надеетесь на то, что он сможет отстоять свою точку зрения и все-таки добьется стабилизации валюты, пусть даже административными методами. (1)
 - B. Вздыхаете с облегчением: наконец-то президент взялся за белорусский рубль и наведет порядок среди жадных банкиров. (0)
 - G. Считаете, что при существующей централизации власти фамилия любого должностного лица, в том числе председателя Нацбанка, не имеет никакого значения. (3)
19. *Минские тракторный и моторный заводы получают внутренний льготный кредит в размере 100 млн. долларов под 2% годовых на 20 лет с началом выплаты процентов после 5 лет, а также освобождение от уплаты подоходного налога на 2 года. Вы:*
- A. Радуетесь, что белорусская продукция будет экспортироваться во многие страны мира, принося валюту в страну. (1)
 - B. Считаете, что не стоило освобождать заводы от уплаты налогов в бюджет, поскольку надо как-то кормить бюджетную сферу. (2)
 - B. Приходите в ярость, понимая, что страна потеряла очередные 20 ты. рабочих мест в МСБ: на них налоговая и административная нагрузка не уменьшилась. (3)
 - G. Поддерживаете решение власти и требуете получить трактор в свое домашнее хозяйство по льготной цене (на 60% ниже себестоимости) в рассрочку на 10 лет. Именно так обеспечивается продовольственная безопасность. (0)

20. *Президент издает указ о запрете приватизации государственных газовых, нефтяных компаний, железной дороги и телекоммуникаций. Вы:*
- A. Считаете, что следовало бы акционировать данные естественные монополии, но сохранить их в государственной собственности. При этом надо создать специальное Агентство по контролю за работой естественных монополий. (2)
 - B. Поддерживаете решение президента: национальное богатство должно находиться в руках народа. (0)
 - B. Возмущаетесь хитростью лоббистов, которые хотят по-прежнему выкручивать руки всем остальным секторам экономики, скрывая за перекрестным субсидированием свою некомпетентность, разбазаривание госсобственности и обогащение чиновников. (3)
 - G. Считаете возможным акционирование, но не приватизацию сетевых компаний. Запрет на их приватизацию должен быть записан в Конституции. (1)
21. *Создается Министерство предпринимательства для поддержки малого и среднего бизнеса. Вы:*
- A. Считаете, что сейчас малый бизнес получит реальную поддержку и начнет развиваться, создавая новые рабочие места. (2)
 - B. Уверены, что очередная бюрократическая структура монополизирует и поставит под контроль развитие малого бизнеса, создавая «тепличные условия» только избранным субъектам. (3)
 - B. Не согласны с таким решением, т. к. незачем тратить народные деньги на частный бизнес. На эти средства надо централизованно создавать рабочие места на государственных заводах. (0)
 - G. Предлагаете на пост министра директора завода, который слывет либералом. Ему наверняка удастся поддержать наиболее эффективные проекты. (1)
22. *Государственные концерны «Беллегпром» и «Беллесбумпром» рапортуют о 30-процентном увеличении выпуска продукции вследствие повышения импортных пошлин и реализации государственных программ импортозамещения. Вы:*
- A. Радуетесь расторопности соответствующих министерств, которые смогли обеспечить работой несколько десятков тысяч человек и при этом вывести отрасли из кризиса. (1)
 - B. Подсчитываете, сколько рабочих мест разрушили чиновники концернов и сколько переплатили за более дорогие товары домашние хозяйства. (3)
 - B. Уверены, что власти должны применять меры, позволяющие отечественным компаниям набрать обороты, прежде чем те начнут конкурировать на равных с иностранными. (2)
 - G. Предлагаете ликвидировать предприятия, которые не входят в концерны, но работают на данных рынках. Надо навести порядок на рынках и защитить потребителей от некачественных импортных подделок. (0)

-
23. *Православной церкви разрешено заниматься коммерческой деятельностью и импортом всей разрешенной номенклатуры товаров. При этом она освобождается от уплаты таможенных пошлин, НДС, акцизов и других бюджетных платежей. Вы:*
- A. Ставите свечку за здоровье членов правительства: восстановление храмов – благородная цель. Грех ущемлять святых отцов в чем-либо. (1)
 - B. Ставите десять свечей за десятки тысяч бедных прихожан, которые работают в малом и среднем бизнесе и скоро потеряют работу, поскольку церковь скоро установит на рынке олигопольный режим. (3)
 - B. Поддерживаете решение правительства, но предлагаете создать Комитет по контролю за коммерческой деятельностью православной церкви, чтобы ограничить сферы инвестирования средств церковью и не допускать дискриминации других организаций. (2)
 - G. Для морального очищения финансов и банков от чертовщины предлагаете передать бесплатно для церкви 40% активов двух крупнейших государственных банков страны. (0)
24. *Введена обязательная аттестация директоров коммерческих банков, торговых фирм и производственных предприятий. Вы:*
- A. Уверены, что данная мера позволит защитить потребителя от финансовых пирамид, некачественных товаров и услуг. Государство должно проверять профессиональные качества руководителей предприятий, работающих с людьми и для людей. (0)
 - B. Настаиваете на том, чтобы в аттестационные комиссии были включены представители профсоюзов и профессиональных ассоциаций, и публикуете в прессе результаты аттестации. (1)
 - B. Считаете саму идею аттестации руководителей частных предприятий абсурдной, предлагая, в свою очередь, аттестовать всех дворников, вахтеров и официанток. (2)
 - G. Предлагаете снять ограничения для иностранного капитала на вход на финансовый, страховой, банковский рынки. Открытая конкуренция – лучшая защита от мошенничества. (3)
25. *Правительство предоставляет экспортные кредитные гарантии фирме «Экспоторг», одновременно повышая импортные пошлины для защиты отечественных производителей. Эта фирма получает эксклюзивное право ввоза рыбы, чая и кофе. Вы:*
- A. Настаиваете на восстановлении монополии на внешнюю торговлю и введении запрета на экспорт за валюту. (0)
 - B. Предлагаете проконтролировать проведение коммерческих операций фирмы, поскольку здесь задействованы бюджетные деньги, а также создать Комитет по оптимизации распределения средств, получаемых в виде импортных таможенных пошлин. (2)
 - B. Предлагаете расширить практику предоставления госгарантий различным предприятиям, чтобы ускорить процесс их структурной перестройки, а также расширить действия программы импортозамещения. (1)

-
- Г. Объясняете, что не надо бояться импорта и искусственно стимулировать экспорт не совсем или совсем неконкурентных отечественных товаров. Прогнозируете рост цен на рыбу, чай и кофе. (3)
26. *Правительство направляет всех школьников, студентов, рабочих и врачей на очередную битву за урожай – уборку картофеля и капусты. Пропадет урожай – пропадет и очередной кредит МВФ, выданный через правительство с/х организациям. Вы:*
- А. Возмущаетесь бесхозяйственностью с/х организаций, но, понимая все их трудности и учитывая засуху, одобряете такое решение, полагая, что все должны участвовать в выполнении продовольственной программы страны. Тем более что нельзя портить отношения с МВФ. (2)
 - Б. Призываеете не ехать на село, считая, что присутствие военной терминологии в экономике сельского хозяйства – это показатель его отсталости и вопиющего разбазаривания денег налогоплательщиков, дискриминация частных фермерских хозяйств. Призываеете МВФ не выделять кредиты на заведомо убыточные проекты. (3)
 - В. С удовольствием откликаетесь на возможность подышать свежим воздухом и заготовить себе овощей на зиму. Считаете, что государственные с/х организации и агрогородки – единственная приемлемая форма развития сельского хозяйства. Надо только ужесточить контроль за распределением бюджетных средств. (1)
 - Г. Настаиваете на том, чтобы в контракты найма даже частных структур был включен пункт об обязательной помощи сельскому хозяйству. Государственные компании обязаны снабжать село удобрениями, тракторами и семенами по ценам ниже себестоимости. (0)
27. *Правительство повышает пенсионный возраст до 65 лет для всех категорий граждан, отменяет льготы различным социальным категориям, сохраняя государственную систему пенсионного обеспечения. Вы:*
- А. Приходите в ярость от непоследовательных действий правительства и нежелания власти изменить экономическую систему. Боитесь, что благие помыслы реформировать пенсионную систему потонут в бюрократических коридорах власти. (3)
 - Б. Возмущаетесь посягательством на социальные завоевания трудящихся и призываете к бунту против правительства в защиту конституционных прав граждан. (0)
 - В. Пытаетесь найти «светлые головы» в новом органе, контролирующем пенсионную реформу, чтобы обеспечить первоочередное финансирование из пенсионного фонда проведения канализации и электричества на дачные участки, что создаст атмосферу доверия народа к реформе. (2)
 - Г. Поддерживаете меры правительства: за реформы должны заплатить те, кто довел страну до состояния кризиса. (1)
28. *Президент своим указом устанавливает частную собственность на землю как для внутренних, так и для внешних инвесторов и граждан. Вы:*
- А. Считаете, что наконец-то экономика получит глоток свежего воздуха, но протестуете против равного доступа на рынок земли иностранцев: мол, скупят Беларусь, особенно «москали». (2)
 - Б. Уверены, что президент испугался Кремля или уступил требованиям ЕС. Бьете в колокола по поводу грядущего разграбления Беларуси. Собираете подписи за про-

-
- ведение референдума об отмене частной собственности на землю. В плане компромисса можно рассматривать лишь долгосрочную аренду. (1)
- В.** Удивляетесь, откуда в рядах исполнительной власти появился профессионал, понимающий, что без частной собственности на все формы капитала и законодательных гарантий невозможно и бюджет заполнить, и людей накормить, и детям будущее обеспечить. (3)
- Г.** Уверены, что президента выкради, подменили и одурманили. Требуете проведения медицинской экспертизы и привлечения к уголовной ответственности всех, кто выступает за подрыв национальной безопасности, т. е. за приватизацию. (0)
- 29. *Премьер-министр говорит, что спрос важнее предложения, что потребление главное сбережений. Ключ к успеху – увеличение частных или государственных расходов, даже если это значит залезть в долги. Вы:***
- A.** Считаете, что премьер начитался рыночной ереси. Ни о каких частных инвестициях не может быть и речи. Как можно доверять предпринимателям решение структурных проблем?! (0)
- B.** Организуете сбор средств и пожертвований на организацию поездки премьера и правительства во Францию, Новую Зеландию или Италию, чтобы государственные мужи своими глазами увидели, к чему привело безудержное потребление. Если поездка ни в чем не убедила «слуг» народа, на обратном пути сажаете самолет на необитаемом острове и оставляете правительство в полном составе для проведения экономического эксперимента. Но над собой, а не над Беларусью. (3)
- B.** Не понимаете, какие вообще могут быть проблемы со спросом и предложением, если обо всем будет заботиться государство. Была же в Союзе очень высокая ставка сбережений. И людям жилось хорошо, и экономика процветала, и потребление тоже было. Даже колбаса по праздникам и на выборы появлялась. (1)
- G.** Радуетесь начитанности и мудрости главы правительства. Он читает Кейнса, Самуэльсона и даже Глазье. Чем больше мы будем тратить, тем быстрее будет расти ВВП, тем охотнее нам дадут кредиты международные организации. А с долгами потом разберемся: «В долгосрочной перспективе мы все мертвецы». (2)
- 30. *Правительство обещает выдавать за рождение каждого ребенка по 2 тыс. долларов и обеспечить каждую молодую семью отдельной квартирой за счет выдачи льготных кредитов. Вы:***
- A.** Не верите. Многие обещали, но очередь за льготным жильем не сократилась. Тем не менее вы быстро собираете справки для своих детей и по ночам занимаете очередь в райисполком. Авось, повезет и кредит дадут. (2)
- B.** Уверены, что дети государственных мужей наделали столько семей, что им понадобилась отдельная Жилищная программа. Заодно и строительный комплекс поднимут. Неважно, что получится наполовину дороже, чем у турок и поляков. Неважно, что после накачки экономики дешевыми кредитами инфляция съест сбережения. (3)
- B.** Гордитесь, что исполнительная власть стала еще более социальной. Выглядывая из окна хрущевки, вы свято верите, что внуки отметят 100-ю годовщину Победы во второй мировой войне в новой квартире. (1)
- G.** Требуете введения налога на холостяков (старых дев) для стимулирования рождаemости. (0)

Подсчитайте баллы и найдите себя в одной из четырех групп.

От 0 до 20 баллов. Нигилист-пофигист или последовательный социалист.

Вы гордитесь духовной близостью с Зюгановым, Троцким и Че Геварой. Если не выбросите учебники по философии советского образца, социалистической политэкономии и не станете читать хотя бы традиционные учебники по микро- и макроэкономике, то в недалеком будущем скатитесь на позиции российского маргинала Анпилова или белорусского Лукашенко. Не заводите детей, заведите корову. Если вы все-таки решите подарить миру еще одного борца, то к тому времени, когда ваше чадо вырастет, в *вашей* стране останется только трава, да и та с российского пасбища. Потребуйте интернациональную помощь от Американской компартии и товарища Кастро в виде экзотических кубинок и афроамериканок. Откройте в каждом областном городе государственный дом отдыха для приема иностранных гостей и пополнения государственной казны.

От 21 до 55 баллов. Социалистический демократ. Экономика для вас не наука, а средство запудривания мозгов избирателей и иностранных кредиторов, которые легко покупаются на демократический треп. Вам можно все, что целесообразно сейчас с позиции вашей социальной группы. «Потреблять – и никаких гвоздей!» – вот лозунг ваш и вашего друга в правительстве. А если кому-то не хватит, так надо читать Дарвина: в природе тоже побеждает сильнейший. Определение сильнейшего на данном историческом этапе – прерогатива президента и правительства. В *вашей* стране умный – всегда бедный, т. к. личные достижения, изобретения, опыт не имеют значения, если всем этим не поделиться с нужными чиновниками.

От 56 до 75 баллов. Истинный социал-демократ. Истина вам друг, но Кейнс и антиглобалисты чаще все-таки дороже. Вы уверены, что человека надо спасти от его собственных пороков. Причем сделать это надо при помощи государства. Люди порочны, и третий сектор (НГО) не может ни контролировать чиновников, ни помочь бедным, ни защищать потребителей и налогоплательщиков. Лучший способ выведения экономики из кризиса – обмануть соседей, наделяя различными льготами как можно больше отечественных товаропроизводителей. От импорта защититься пошлинами, от малого бизнеса – Госнабом, от естественных монополистов откупиться государственной собственностью. Права человека, безусловно, важны, но нельзя их реализовывать через права собственности. Частная собственность – такая опасная штука, что наш неподготовленный народ от нее надо оградить.

От 76 до 90 баллов. Либерал, начальная стадия либертарианца. Вы любите считать, и не только деньги в своем кармане. Вы совершенно точно знаете, что налоги – это цена, которую платят граждане за содержание государственного аппарата. Чиновник не может увеличить расходы, предварительно не увеличив налоги или не взяв в долг. Вы верите, что только частная собственность является основой системы, в которой человек как потребитель, производитель и налогоплательщик получает самую неискаженную информацию о происходящих экономических процессах в виде *цены*. Вы восхищаетесь достижениями ученых и бизнесменов, поскольку их успех – это создание новых рабочих мест, больше средств на социальные программы, проводимые через частные фонды и ассоциации. Устанавливаете дома Интернет и участвуете в торгах Нью-йоркской фондовой биржи, полностью игнорируя национальные границы. Вас умилиют как феминистки, так и националисты, которые в равной степени охотятся за содержимым вашего кошелька и вашим голосом на выборах.

12. Тест* «К какой экономической школе ты относишься?»

Белорусские вузы, равно как и университеты на постсоциалистическом пространстве, дают однобокие знания экономической теории. В различных курсах практически не представлена австрийская школа экономики. А ведь именно она является основной теоретической, научной оппозицией доминирующему неоклассическому, кейнсианскому и марксистскому *mainstream*. Мы предлагаем тест, который позволит вам классифицировать свои экономические знания в рамках основных экономических школ. Ответы на 25 вопросов, сформулированные по основным разделам экономической и социальной теории, сравнение разных опций ответов поможет вам понять, в каких рамках ведутся научные дискуссии, какие варианты социально-экономической политики возможны, из чего выбирают и чем руководствуются политики, когда поддерживают те или иные системные реформы. Ответы на вопросы теста позволят определить, в каких сферах существует у вас дефицит знаний и информации.

1. Что такое частная собственность?

- A. Собственность – это отношения, естественно возникающие между людьми и материальными объектами. Собственность и права собственности, защищаемые законом, делают возможным экономический расчет, более широкую и производительную систему разделения труда, которая приводит к увеличению уровня благосостояния. Само существование цивилизации нельзя представить без частной собственности. Любое нарушение прав частной собственности приводит к нарушению свободы и падению уровня благосостояния.
- B. Собственность находится в центре всех самых сильных проявлений неравенства и эксплуатации современной цивилизации. Только при помощи регулирования, перераспределения собственности, установления общественной собственности на средства производства общество может добиться справедливости, честности и человеческого достоинства для каждого.
- C. Собственность – важный элемент нашей социальной системы, но ее статус «права» зависит от обстоятельств. Ее надо регулировать и модифицировать ради общественного блага. Государство должно вмешиваться, чтобы не допускать злоупотреблений экономической властью, даже за счет ограничений традиционных полномочий собственника.
- D. Собственность играет важнейшую роль для богатства и экономического роста. Поэтому особо важно, чтобы государство, или, выражаясь более абстрактным языком, закон, поддерживал и модифицировал права собственности таким образом, чтобы при распределении транзакционных издержек достигать максимальных темпов экономического роста и эффективности. Собственность не возникает естественным путем. Она является конечным продуктом законодательной системы.

*Тест составлен на базе материалов Института Мизеса, США, www.mises.org

2. Каков правильный, адекватный метод проведения исследования в экономической науке?

- A. Экономист не должен копировать поведение представителя естественной науки, потому что гуманитарные науки изучают человека. Человеческая деятельность – это целенаправленная деятельность, в ходе которой происходит рациональное использование средств для достижения поставленной цели. Сам предмет изучения экономики – средства производства, деньги, зарплаты и т. д. – определяется не физическими или химическими качествами, но ментальным, т. е. субъективным отношением, которое формирует мозг человека в отношении этих вещей. Следовательно, правильным методом для экономиста является определение очевидных, не требующих доказательств аксиом, к примеру, таких: люди стараются достигать максимального удовлетворения при минимальных затратах. Затем из этих аксиом следуют логические выводы.
- B. Как физик, экономист (если он хочет быть ученым) должен построить точную модель, при помощи которой можно сделать количественные предсказания относительно экономических переменных, собираемых статорганами. Затем экономист должен сравнить эти предсказания с реальными данными, такими, как ВВП и занятость. В любое время наилучшим объяснением теории определенного экономического явления является та модель, которая выдает наилучшие результаты, т. е. минимальную погрешность между прогнозом и реальностью.
- C. Вопрос некорректен и вводит в заблуждение. Экономика не может быть наукой в привычном смысле этого слова. В физике есть жесткие, фиксированные законы, одинаковые для всех обществ в любое время. В экономике таких законов нет. Экономист может изучать определенный исторический эпизод и сделать вывод, что, скажем, в Беларуси во второй половине 90-х гг. контроль над ценами не достиг своей цели, тем не менее регулирование цен может быть эффективным в России в 2006 г., если правительство учтет ошибки прошлого.
- D. Чтобы соответствовать научным принципам, надо модифицировать традиционный экономический подход к изучению общества как к собранию атомарных, эгоистичных индивидов. На самом деле люди считают себя частью большого общества. Более плодотворным способом изучения экономики было бы изучение сложных групп, с которыми идентифицируют себя люди, будь это класс, раса или пол. Такой анализ привел бы к открытию силы и могущества взаимоотношений в обществе. Он позволил бы лучше понять экономические события, чем в ситуации, когда мы будем использовать традиционные упрощенные экономические модели.

3. Почему существуют процентные ставки? Надо ли их регулировать?

- A. Процентные платежи компенсируют инвесторам потерю ликвидности, когда они вкладывают деньги в бизнес-проекты или дают кредиты на определенное время. Процентная ставка – это цена ликвидности. Процент – денежный феномен, а не явление реальной жизни (как думали экономисты классической школы). Современная экономика признает роль ожиданий, или то, что в общем можно назвать уверенностью в будущем. Например, если процентная

ставка прыгает с 5% до 10%, это не значит, что люди стали больше ориентироваться на настоящее потребление. Это может просто отражать повышенный уровень обеспокоенности в экономике. Манипуляции процентными ставками национальным банком, несомненно, один из инструментов, необходимых для обеспечения плавных экономических флюктуаций, но сам по себе этот подход относительно слаб. Если каждый опасается ухудшения рецессии, работодатели не будут нанимать больше рабочих или строить больше заводов, какими бы низкими ни были процентные ставки.

- B.** Процентные платежи – это доход на капитал. Процентная ставка в состоянии равновесия равна предельной производительности капитала. Такая же ситуация складывается на рынке труда, где зарплата равна предельной производительности труда. Существуют различные технологические рецепты, которые генерируют доход в различные сроки в будущем. Равно как и потребители имеют преференции к потреблению в различные сроки в будущем. Текущему потреблению будет отдано предпочтение перед будущим потреблением, и заинвестированная дополнительная единица капитала произведет доход (он будет получен в будущем). Потребителю безразлично, будет он потреблять ее сейчас или будет ждать дополнительную единицу времени и потребит более высокий доход, который стал возможным благодаря производительности капитала. Правительство не должно вмешиваться в процентные ставки по тем же причинам, по каким правительство не должно вмешиваться в определение уровня заработной платы.
- C.** «Процент» – это просто кодовое слово, означающее «прибыль». Капиталист зарабатывает процент, когда он меньше тратит на зарплату и сырье, чем от продажи конечного продукта. Эта прибавочная стоимость получается в результате эксплуатации рабочих, нанимаемых капиталистом. При такой системе оплаты труда рабочим платят минимум, необходимый для выживания, несмотря на то, что полный продукт их труда заметно превышает получаемую от нанимателя компенсацию. В этом плане система оплаты труда не отличается от рабства, когда работодатель удерживает продукты рабского труда и из этого «фонда» платит рабам столько, чтобы обеспечить выживание. Понятно, что процент – это варварская черта капиталистического общества. Она исчезнет, как только будет ликвидирована существующая система оплаты труда.
- D.** Процентные платежи отражают более высокую ценность товаров сегодня по сравнению с товарами завтра. При прочих равных условиях каждый человек хочет потреблять быстрее, а не позже. Текущая цена компьютера может быть \$1000, но цена компьютера, который доставят через год, будет меньше сегодняшней – скажем, \$900. Предприниматель может заинвестировать \$900 в труд и сырье, для того чтобы продать продукт в следующем году за \$1000. Его внутренний (имплицитный) процентный доход объясняется тем, что факторы производства представляют технологические «требования» на потребление будущих потребительских товаров. Поэтому их текущая цена (\$900) меньше, чем будущая продажная цена (\$1000). Очевидно, правительство не должно вмешиваться в установление уровня процентных ставок, поскольку они отражают субъективное вознаграждение, которое человек устанавливает на предельный товар сегодня по сравнению с предельным товаром в будущем.

4. Каково экономическое влияние сбережений?

- A. В нормальные времена сбережения экономически безвредны, но в рецессии сбережения могут стать причиной еще большего экономического упадка. Сбережения ограничивают потребительские расходы и могут не переходить в инвестиции из-за пессимизма инвесторов. Один из способов корректировки данной ситуации – расширение денежного предложения для сохранения процентных ставок на низком уровне. Такая политика поддержит частные инвестиции и будет стимулировать общие расходы в экономике. Фискальным и монетарным менеджерам надо проводить политику, препятствующую накоплению средств и стимулирующую расходы. Что касается сбережений человека на протяжении всей жизни, то необходима система социальной защиты, которая будет обеспечивать людей в старости.
- B. Быстрое накопление богатства избранными классами и семьями создает экономическую олигархию, которая блокирует тех, кто не может ничего достигнуть в экономической системе. Обществу, в котором ценится равенство, необходимы налоги на наследство, на дивиденды. Дело в том, что доход от банковских сбережений является незаработанным доходом. Ни одно общество не может терпеть, когда отдельные люди живут на проценты, в то время как другие – от зарплаты до зарплаты.
- C. Сбережения как экономическое действие, предполагающее отказ от текущего потребления, необходимы для формирования капитала. При этом не существует социально оптимального отношения потребления к сбережениям, которое должно доминировать в обществе. Все зависит от социальной нормы временного предпочтения, т. е. насколько люди предпочитают товары раньше, чем позже. Потребители могут выбрать потребление или сбережения, и наоборот. Государственная интервенция может исказить этот выбор, когда правительство субсидирует или облагает налогами сбережения или потребление, или когда осуществляет эти виды экономической деятельности одновременно. Для того чтобы комбинация этих действий отражала сам выбор, правительство не должно проводить некую политику сбережений, даже если это касается сбережений на старость.
- D. Без сбережений нет инвестиций и, следовательно, нет экономического роста. По этой причине стимулирование сбережений должно быть экономическим приоритетом. Инфляция препятствует сбережениям, поэтому политика стабильных денег должна быть главным приоритетом центрального банка. Эмпирические исследования показывают, что сбережения имеют место в течение жизненного цикла человека. В случае неправильного расчета правительству может понадобиться стимулировать накопления на частных пенсионных счетах. Эта система более эффективна, чем государственная система социального обеспечения, потому что генерирует более высокие доходы.

5. Что является источником экономической ценности?

- A. Физические объекты, такие, как примеру, как бананы или автомобиль, не имеют внутренней экономической ценности. Наоборот, только человек может придать ценность таким объектам, и только потом экономисты считают их товарами. Объект ценен только потому, что по меньшей мере один человек считает, что этот объект может удовлетворить его субъективные желания. К

примеру, корень какого-то растения лечит рак, но об этом никто не знает. Следовательно, этот корень не имеет экономической ценности и люди не будут обменивать его на деньги. Значит, ценность является следствием субъективных желаний человека и его веры в то, что данный объект может стать причиной желаемых им изменений.

- B.** Ценность товара равна количеству общего труда, который был использован при его производстве. Если один велосипед имеет такую же рыночную ценность, как 500 яиц, тогда мы можем утверждать, что 1 велосипед = 500 яйцам. Из чего состоит данное уравнение? Разумеется, велосипед не равен яйцам по причине своих физических качеств. Если мы внимательно изучим данное уравнение, то придем к выводу, что оба эти товара характеризуются одинаковым количеством труда, вложенным в их производство.
- C.** Ценность товара определяется взаимозависимостью предложения и спроса или тем, что мы можем назвать взаимодействием издержек и полезности. В отличие от некоторых школ мысли, которые пытаются объяснить ценность только на основе полезности, правильный подход отразил Альфред Маршалл. Он понял, что ценность определяется как субъективными преференциями, так и объективными технологическими условиями. Чтобы четче уяснить его точку зрения, представьте себе ситуацию, когда издержки производства определенного товара увеличиваются. Тогда в новом состоянии равновесия конечная цена должна быть выше на эту величину (выросших затрат).
- D.** Экономическая ценность – это сложная проблема, которую нельзя объяснить через простую формулу. Чтобы понять, почему люди в определенном обществе ценят одни вещи больше других, мы должны изучить их культуру и историю. К примеру, американские индейцы могли ценить определенные виды животных, потому что считали их святыми. Европейцы же не разделяли такую систему ценностей и поэтому уничтожали этих животных. Это относится и к любому другому товару или услуге на рынке.

6. Что такое деньги и как они произошли?

- A.** Деньги могут произойти из бартера, но частные интересы, вероятно, не разовьют их до уровня, необходимого современному обществу. Нужно, чтобы центральные банки поддерживали финансовый сектор. Попытки манипулировать экономикой при помощи денежного предложения будут провалены или по меньшей мере станут причинами серьезных проблем. Денежные власти не должны увеличивать денежное предложение по своему усмотрению. Они должны увеличивать его на некую постоянную величину, чтобы темпы роста денежного предложения соответствовали долгосрочным темпам роста экономики.
- B.** Деньги – это инструмент эксплуатации и искажения реальной ценности объектов. Деньги не являются ни желательным, ни необходимым явлением. Социальный прогресс приведет к революционным социальным изменениям, которые ликвидируют деньги. Так закончится эксплуатация. В результате возникнет общество, которое будет работать ради удовлетворения реальных ценностей, вместо того чтобы добиваться личной финансовой выгоды и получать прибыль.

- C. Деньги всегда возникают из бартера. Сложность в поиске торговых партнеров при бартерной системе приводит к тому, что некий товар становится деньгами. Для выполнения данной функции лучше всего подходят товары, которые не изнашиваются, легко переносятся и делятся, как, например, золото или серебро. Деньги и относящиеся к ним институты возникают как непреднамеренное последствие торговли, движимой личными интересами торгующих сторон. Лучше всего оставить эволюции данных институтов для рыночных сил, которые, собственно, их и создали, потому что государственное вмешательство приведет к инфляции и другим экономическим и структурным искашениям.
- D. Деньги – это продукт деятельности государства. Надежные денежные институты требуют планирования и наличия центрального банка. Путем увеличения денежного предложения во время рецессии и сокращения предложения во время бума центральные банки могут стабилизировать рынки. Представители центрального банка могут противодействовать бумам и падениям в частном секторе. Государственный контроль над институтом денег является ключевым условием для успешного управления экономикой.

7. Что является причиной бизнес-циклов?

- A. Изменения денежного предложения являются причиной роста ВВП сверх общего тренда. Если бы не было этого предложения, экономика развивалась бы относительно стабильно. Изменения денежного предложения являются причиной инфляционных бумов и рецессий. Временные лаги, необходимые для адаптации уровня зарплаты к этим циклам, означают, что финансовые бумы и падения приводят к изменениям уровня безработицы.
- B. Конкуренция перед лицом сокращения прибыли и усиления монополии генерирует постоянно растущие кризисы в системе капитализма. Капиталисты инвестируют в инструменты, которые сокращают их расходы на рабочую силу, чтобы сохранять высокую безработицу и низкий уровень оплаты труда. Конкуренция приводит к падению прибыли и рецессии. Некоторые капиталисты в это время заключают хорошие сделки с теми, кто обанкротился, и увеличивают свою прибыльность. Однако тенденция сокращения ставки прибыли приведет к дальнейшему росту безработицы и очередному краху.
- C. Увеличение денежного предложения искусственно сокращает процентные ставки. Это является причиной потребительского и инвестиционного бума. Между бизнесами, которые выстраивают свою стратегию поведения на долгосрочную перспективу, и потребителями, которые планируют только в рамках краткосрочной перспективы, возникает дефицит координации действий. Временные отношения между сбережениями и инвестициями, производством и потреблением прерываются. Рыночные процессы показывают, что многие инвестиции не приносят прибыли и являются ошибочными. Затем бизнесы ликвидируют эти инвестиции, что является причиной рецессии.
- D. Бумы начинаются в период чрезмерного оптимизма, которые часто являются следствием технологического сдвига. В результате наблюдается спекулятивная лихорадка. Недостаточные общие затраты являются причиной рецессии (депрессии). Когда общий объем сбережений превышает общий

объем инвестиций, общие расходы на приобретение товаров сокращаются. Это приводит к сокращению спроса на рабочую силу для производства этих товаров. Затем пессимизм среди инвесторов приводит к недостаточному совокупному спросу и экономически тяжелым временам для людей.

8. Какой должна быть правильная антирецессионная политика?

- A. Рецессия служит напоминанием обществу о том, что подход *laissez-faire* (свободный нерегулируемый рынок) – это политика, ведущая к провалу. Полисимейкеры должны извлекать уроки из рецессий: нельзя полагаться на спекулянтов фондового рынка и вышедшие из-под контроля корпорации. Чтобы избежать рецессий, необходимо еще больше секторов экономики взять под государственный контроль, даже если это будет означать национализацию промышленности. Это надо сделать ради настоящих жертв бумов и падений – рабочих.
- B. Рецессия открывает существующее отсутствие координации и неправильные инвестиции, которые стали возможными благодаря безрассудной монетарной политике. Это необходимая фаза, которая должна дойти до своего завершения естественным путем. Контрциклическая политика контрпродуктивна. Будущих рецессий можно избежать путем реформирования монетарной системы, которая изначально создает бум.
- C. Центральный банк может стимулировать экономику посредством низких процентных ставок. Парламент может увеличивать совокупный спрос, даже если в результате будет дефицит бюджета. Как только экономика выйдет из кризиса, центральный банк может повысить процентные ставки, и парламент вынужден будет сократить расходы.
- D. В дополнение к традиционной фискальной и монетарной политике правительство должно защищать отрасли промышленности, которые особенно сильно пострадали во время рецессии. Правительство должно также защищать рабочих от увольнения и предоставлять пособия для безработных. Потребители не должны аккумулировать деньги, а тратить их. Бизнес же должен иметь возможность свободного заимствования из банков и правительства для восстановления производственного равновесия.

9. Насколько жизнеспособным является социализм? Можно ли его практически построить?

- A. Капитализм является эффективной производительной системой, но сами капиталисты, если их оставить без присмотра, ставят прибыль выше людей. Они эгоистично игнорируют интересы рабочих и потребителей. Институты общества, такие, как профсоюзы, закон о минимальной зарплате, антимонопольное регулирование, законы о детском труде, нормы безопасности и другие законодательные институты, необходимы для разрешения конфликта между капиталистами и рабочими/потребителями. Государственная собственность необходима в некоторых секторах экономики (ЖКХ и образование). Частная собственность работает в остальных секторах, если, разумеется, есть государственное регулирование. Устанавливая такие институты, мы перенимаем опыт социалистов. Мы должны перестать относиться к социализму как к пугалу.

- B. Социализм является жизнеспособной альтернативой, в которой неизбежно развивается история. Однако социализм встречается с сопротивлением бизнесменов, которое те оказывают политическим системам. Как может работать социализм? Как и при планировании во времена войны, социалистические администраторы могут следить за складскими запасами и повышать (снижать) цены, когда складские запасы сокращаются (увеличиваются). Таким образом, они будут адаптировать цены к спросу потребителей. Они могут также направлять местных менеджеров для организации эффективного производства и инновационной деятельности. Этот процесс проб и ошибок управляется людьми, движимыми доброй волей, и может работать так же хорошо, как и рынок, но без социальных затрат. Социализм – это не нечто непостижимое. Это реальная экономическая система, которая может работать лучше, чем капитализм.
- C. Экономическая история убедительно доказала, что система свободного предпринимательства была более продуктивной, чем любой из известных социалистических экспериментов. Одной из причин является недостаток стимулов для производства из-за низкокачественного планирования при социализме. Полнотью свободный рынок тем не менее тоже приводил к серьезным провалам, поэтому его надо в определенной степени сдерживать. В любом случае бесполезно искать общую теорию, которая позволяла бы априори сказать, что все социалистическое планирование провально. История показывает, что некоторые формы централизованного планирования работают. Центральные банки занимаются планированием, равно как и судьи, и администраторы. У них же получается. Желательность государственного интервенционизма сверх роли государства как органа для защиты прав граждан и принятия законов зависит от степени несовершенства рынка по сравнению с несовершенством правительства.
- D. Государственная собственность на средства производства (фабрики, заводы и т. д.) препятствует созданию рынка средств производства (оборудование и машины для заводов). Отсутствие рыночных цен, которые появляются в результате свободного обмена в рамках частной собственности, отсутствие механизма прибыли и убытков, следовательно, отсутствие рационального основания для направления средств производства на удовлетворение наиболее насущных потребностей потребителей при наименьших затратах – все это характеристики социалистической системы. В отличие от нее частная собственность на средства производства и использование рыночных сигналов (цены, в том числе уровень зарплаты и процент) в качестве направляющих экономического процесса характеризует капитализм. Свобода обмена приводит к ценам, которые отражают преференции потребителей и направляют капитал на удовлетворение самых насущных потребностей. Предприниматели постоянно анализируют меняющуюся ситуацию на рынке и адаптируются к ней. Социализм требует тоталитарного государства. Он не является жизнеспособной альтернативой капитализму. Каждый шаг по направлению к социализму – это шаг к экономической иррациональности.

10. Каким должен быть размер государства и его функции?

- A. Рынок производит обычные потребительские товары и товары для самих производителей относительно эффективно. Однако из-за различных полити-

ческих и экономических причин частные операции для таких фундаментальных услуг и институтов, как закон, деньги и оборона, заблокированы. Нет смысла даже обсуждать рынки без установления необходимости существования государства. Государство должно существовать для того, чтобы определять «правила игры», чтобы общество вышло из хаоса. Правительство должно принять основные правила для общества и следить за их исполнением, но оно должно избегать произвольного и дестабилизирующего вмешательства в рынки.

- В.** Рынки не создают фундаментальных институтов. Им свойственны серьезные недостатки, которые заключаются в том, как рынки производят базовые товары и услуги. К примеру, нестабильность на рынках приводит к повторяющимся кризисам и растущему неравенству. Для большинства товаров и услуг рынки должны быть сохранены, но правительство должно иметь дискреционную власть вмешиваться в каждый рынок, чтобы корректировать его провалы. Таким образом, рынок и государство могут работать вместе в рамках модели государственного и частного партнерства.
- С.** Рынки – это арена для интересов мощного бизнеса, который эксплуатирует рабочих и потребителей. Капитализм приводит к обнищанию и отчуждению масс при обогащении немногочисленных элит. Он также разрушает окружающую среду и укрепляет преступность. По-настоящему человеческое общество должно запретить частную собственность, кроме личных вещей (одежды, обуви и т.д.). Общественная система производства и распределения товаров создает более справедливое и полноценное общество для всех.
- Д.** Порядок в обществе может сложиться в результате добровольных транзакций между людьми. Люди вступают в экономические отношения, чтобы получить все, что они ценят, в том числе законы и безопасность. Поскольку все выборы человека относятся к различных альтернативным состояниям мира в будущем, только человек сам по себе понимает, какие товары подходят ему больше всего. Это относится также к безопасности и разрешению споров. В идеале функции правительства должны быть ограничены до защиты прав и свобод граждан, в том числе прав собственности, но правительство, каким мы его знаем сегодня, служит элите и нарушает права собственности. Попытки ограничить полномочия правительства часто заканчиваются неудачей.

11. Кто и как должен регулировать потребительские товары?

- А.** Эмпирические исследования показывают, что под воздействием таких явлений, как реклама, преференции потребителей сильно не меняются. Потребителиrationально реагируют на информацию, которая касается товаров. Поэтому безопасность потребителей – это не обязательно большая проблема. Правила безопасности, которые устанавливаются правительством, могут иметь обратный эффект, т. е. увеличить опасность товаров для потребителя. Тем не менее правительство может играть позитивную роль в предоставлении потребителям большего объема информации. Оно может принять нормы, согласно которым розничные и оптовые продавцы были бы обязаны предоставлять потребителям всю правду о товаре или услугах.
- В.** Потребительские товары развиваются через экспериментирование. Потребительские преференции также меняются и развиваются с течением времени.

Чтобы адаптироваться к меняющимся вкусам потребителей, предприниматели должны постоянно менять товары или услуги. Кроме нескольких потребностей, которые относятся к удовлетворению голода и поддержанию необходимой температуры, потребительские преференции возникают в результате взаимодействия между людьми. Каждый потребитель регулирует потребительские продукты посредством денег, которые он на них тратит. В отношении развития и распространения потребительских товаров хорошего субститута рыночного процесса не существует.

- C. Составной частью капитализма является индустрия культуры, которая генерирует фальшивые преференции. Люди могут думать, что современная потребительская культура удовлетворяет их наиболее полно, но это не так. Бизнес получает прибыль из-за затратной конкуренции среди потребителей за социальный статус и создание преференций по товарам, которые на самом деле никому не нужны. Капитализм отчуждает потребителей от их собственной природы, а бизнесы эксплуатируют для получения прибыли. Правильное регулирование потребительских товаров требует революционных изменений в обществе.
- D. Бизнесы вводят потребителей в заблуждение и манипулируют ими при помощи рекламы и других инструментов маркетинга. Они привлекают внимание потребителей к товарам или, наоборот, отчуждают их от товаров. Они создают искусственную потребность и приводят к растратам. Это может привести к серьезному вреду для потребителей или по крайней мере к чрезмерно высоким ценам. Дефектные или опасные товары – серьезная проблема для правительства. Оно может и должно решать ее. Существуют и так называемые «социальные товары», которые потребители не ценят адекватно, поэтому производители таких товаров должны получать государственные субсидии.

12. Что такое зарплата?

- A. Зарплата – это основа капиталистической эксплуатации. Источником всех ценностей является труд. Но капиталисты платят рабочим меньше, чем стоит их работа, и тем самым увеличивают свою прибыль. Государственная собственность на средства производства упразднит эксплуатацию рабочих путем ликвидации частной прибыли.
- B. Зарплата представляет собой дисконтированную производительность труда ради удовлетворения спроса потребителей. Спрос на потребительские товары транслируется в спрос на рабочих. Рынки делают возможным расчет ценности разных типов труда, поэтому мы можем направлять использование труда в те сферы, где он ценился больше всего. Государственная интервенция в рынок труда (к примеру, закон о минимальной зарплате) является причиной безработицы среди менее производительных рабочих.
- C. Зарплата определяет доход, который создает спрос на товары. Повышение зарплаты повышает спрос на товары и ведет к процветанию. Чтобы привести общество к состоянию полной занятости, капиталисты часто платят рабочим слишком мало. Правительство должно выделять субсидии для домашних хозяйств и проводить политику постоянного роста зарплаты, т. к. это увеличивает спрос и ведет к улучшению экономического состояния.

- D.** Зарплата отражает производительность рабочих в процессе удовлетворения потребительского спроса. Однако проблемы с мониторингом рабочих приводят к тому, что работодатели платят больше, чтобы повысить производительность труда. Это увеличивает безработицу среди низкопродуктивных рабочих. Правительственные субсидии могут исправить провал рынков, но они не всегда необходимы.

13. Что является причиной экономического роста?

- A.** Сбалансированные отношения между совокупным спросом и совокупным предложением являются важнейшим детерминантом экономического роста. Поскольку частные рынки не всегда приводят к этому состоянию, необходимо стабильная институциональная среда. Государственный сектор играет ключевую роль в обеспечении экономического роста, предоставляя правовые и финансовые рамки необходимых институтов. С помощью различных действий и инструментов (низкие процентные ставки, субсидии) достигается позитивный эффект. Ограниченнное количество регуляций необходимо, но не всегда.
- B.** Частного потребительского спроса недостаточно для экономического роста. Совокупных частных расходов также не всегда хватает. Их объем обычно зависит от манипуляций бизнесов. Среди множества частных выборов, которые совершают люди, часто социальным приоритетам места нет. Потребители могут сберегать слишком много или слишком мало. Для исправления ситуации правительство тратит бюджетные средства, генерируя дефицит бюджета, чтобы стимулировать развитие экономики. Частные расходы также не способствуют созданию предложения общественных товаров. Госрасходы в таких сферах, как образование, инфраструктура и наука, необходимы для обеспечения экономического роста.
- C.** Капиталистический процесс является причиной экономического роста, но этот вывод не соответствует изначальным посылкам (*non sequitur*). Да, действительно, капитализм является самой производительной системой, но распределение богатства при капитализме неверно. Целые классы, социальные группы граждан находятся вне этого процесса. Капиталисты используют рабочих, платят им как можно меньше. Таким образом, капитализм производит товары, но не тем, кому надо. Необходима демократия рабочих, при которой производительность труда идет в паре со справедливым распределением богатства.
- D.** Источником экономического роста является взаимовыгодный, добровольный обмен. В экономике свободного обмена потребители тратят часть своего дохода на товары и услуги, чтобы удовлетворить свои непосредственные желания. Это и является источником производства. Потребители сберегают часть своего дохода в соответствии со своими менее насущными потребностями. Это направляет инвестиции предпринимателей на будущие производства и приводит к развитию сложных финансовых рынков. Частные контракты, конкуренция на рынке и частные институты, позволяющие осуществлять инвестиции в разные факторы производства и аккумулировать капитал, – это все, что нужно для достижения оптимального экономического роста.

14. Какова ваша точка зрения на экономику и окружающую среду?

- A. Загрязнение окружающей среды является явным признаком провала рынка. Бизнес будет так долго эксплуатировать природные ресурсы и увеличивать экологические издержки для других, как долго ему будет позволено зарабатывать прибыль. Что касается ценных земельных ресурсов, старых лесов и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений, то бизнесмены склонны присваивать то, что ценно, и игнорируют социальные и экологические интересы, т. е. не думают о сохранении природы. Поэтому экологическое регулирование должно играть важнейшую роль в сохранении земельных ресурсов, исчезающих видов животных и растений, ограничении загрязнения окружающей среды, очистке воды и воздуха. Правительство должно следить за тем, чтобы бизнесы не получали прибыль за счет загрязнения природных ресурсов.
- B. Единственным долгосрочным решением проблемы загрязнения окружающей среды и экологической деградации является жесткое ограничение экономического развития. Именно это сделали местные сообщества ради сохранения качества жизни. Они сказали девелоперам (тем, кто разрабатывает план развития отдельных земельных участков): «Это сообщество ценит не только производство и материальную выгоду». Не только люди и прибыль имеют значение. Хрупкая экологическая система должна быть всесторонне защищена: от мельчайших проявлений жизни до крупнейших водоемов, в том числе атмосфера Земли. Сохранение экосистемы означает также контроль над численностью населения.
- C. Большинство проблем окружающей среды наилучшим способом решается через систему рыночных стимулов. Суды должны четко определить границы прав собственности, что является основой для разрешения споров. Проблемы экстернализия могут решаться через компенсационный обмен между собственниками посредством арбитража. Что касается загрязнения окружающей среды, то его можно снизить через развитие рынка прав на загрязнение. Эти права могут быть объектом торговли, чтобы издержки загрязнения падали на плечи тех, кто реально загрязняет окружающую среду. Платежи за пользование государственными землями, как правило, невысоки, и это приводит к чрезмерному использованию земель. Более высокие цены – вот ключевое решение проблемы сохранения окружающей среды.
- D. Практически все проблемы окружающей среды являются результатом конфликтов за право владеть собственностью. При сохранении частной собственности сами хозяева решают конфликты с нарушителями. Стимул к сохранению природы – неотъемлемая черта системы стимулов рынка. Такая же система стимулов работает, когда идет речь о сохранении всего ценного. Ответственность за загрязнение собственности должен нести тот, кто реально нанес ущерб этой собственности. Государственная собственность не является решением. Поскольку национальные парки не являются частной собственностью, цель экономного менеджмента ими всегда будет выражена нечетко.

15. Что финансируется при помощи налогов?

- A. Налоговая система часто выражает интересы корпораций и богатых. Большой бизнес отстаивает право на получение высокого дохода юридическими и физи-

ческими лицами и за низкие ставки налогов на доход и прибыль. При этом они активно поддерживают социализацию или национализацию издержек, т. е. когда государство компенсирует потери от инвестиционных ошибок. Это происходит из-за чрезмерного влияния бизнеса и богатых на политику. Настоящая демократия не позволила бы этого. Принятие таких мер, как упорядочение системы финансирования избирательных кампаний или государственное финансирование выборов, может помочь решить данную проблему. Еще более эффективным решением было бы движение к системе, в которой промышленная собственность находится в руках рабочих. В такой ситуации значительно возросла бы ответственность промышленности в отношении государственных и общественных интересов, людей. Это важно, потому что система *laissez-faire* оставляет общество без удовлетворения целого ряда важных потребностей.

- B.** Поскольку рынки несовершены, госрасходы должны направляться на предоставление общественных товаров и социально значимых услуг, которые рынки сами по себе не произвели бы. Налоги также могут уменьшить социальные издержки и сдерживать потребление товаров, которые не должны производиться рынком. В идеале политическая конкуренция между различными группами по интересам осуществляет трансферт дохода к тем, кто ценит его больше всего. Возможно также применение налогов для достижения незкономических целей. Политическая конкуренция, вероятно, уменьшит число случаев неэффективного расходования средств государством.
- C.** Налоги компенсируют дефицит частных расходов, которые не отражают пользу для общества. Налоги поддерживают производство общественных товаров (*public goods*), таких, как закон, дороги, образование и наука. Эти расходы приносят пользу всему обществу. Существуют также социальные издержки (к примеру, загрязнение окружающей среды) частного производства, которые необходимо нейтрализовать. Налоги поддерживают и производство так называемых социально значимых товаров, ценность которых незаметна для бизнесов. При помощи налогов достигается блокировка производства товаров, которые не нужны обществу, но которые рынок ему поставляет. Правительственные эксперты могут и должны облагать налогами товары, нежелательные для общества, а также источники социальных издержек для финансирования общественных благ и социально значимых товаров.
- D.** При помощи налогов аккумулируются деньги для осуществления трансфертов в пользу интересов отдельных групп и госслужащих. В отличие от частных компаний, производящих товары и услуги, которые потребители хотят покупать, госслужащие не имеют средств для оценки информации о реальных потребностях потребителей. У них еще меньше возможностей для удовлетворения этого спроса с наименьшими издержками. Поскольку у госслужащих нет возможности действовать экономно, они реагируют на интересы лоббистских групп. Поэтому средства, собираемые в виде налогов, рано или поздно оказываются в руках малых, но мощных групп влияния, а не используются на производство общественных товаров. Налоговые ресурсы обычно транжирятся или расходуются на удовлетворение интересов сильных лоббистов, которые не владеют и не должны владеть средствами.

16. Что является причиной Великой депрессии? Насколько эффективной была программа «Новый курс», принятая Рузвельтом?

- A. Крах фондового рынка в 1929 г. является убедительным подтверждением того, что люди, т. е. экономические агенты, осуществили необходимую корректировку в той ситуации, когда экономика была искусственно накачана дешевыми деньгами. Вместо того чтобы допустить ликвидацию убыточных проектов, Гувер попытался оживить экономику через целый ряд интервенционистских мер, включая внешний протекционизм. В результате экономика еще больше погрузилась в депрессию. Рузвельт продолжил политику Гувера и инициировал целый ряд проектов централизованного планирования. В результате американская экономика получила бюрократию, ценовой контроль и ограничения на размер зарплаты. Экономика вышла из кризиса только после второй мировой войны.
- B. Все рыночные экономики периодически сталкиваются с кризисами. Гувер не смог вовремя вмешаться и вместо интервенционизма сделал акцент на политику *laissez-faire*. В ситуации, когда общество потеряло доверие к экономической системе, Новый курс стимулировал совокупный спрос. Он является смелой попыткой фискального и монетарного стимулирования во имя исправления дефектов рынка. В тех сферах, где не сработал Новый курс, помогла вторая мировая война. Урок Великой депрессии заключается в том, что меры активной экономической политики необходимы для стабилизации экономической системы.
- C. Великая депрессия резко облегчила большой провал рынка, а Новый курс был плохим набором мер спасения рынка от самого себя. Интересы бизнеса были направлены на то, чтобы не заходить слишком далеко. В этом плане Новый курс был не столько экспериментом в экономической демократии и планировании, сколько попыткой спасти капитализм. Главными бенефициарами стали корпорации. Именно этого мы могли ожидать от администрации, которая была тесно связана с корпоративной элитой. Там, где провалился Новый курс, достигла успеха военная мобилизация и централизованное планирование.
- D. Великая депрессия началась, как обычный бизнес-цикл, характеризующийся дефляцией. С ним можно было справиться при помощи денежной экспансии. Но Гувер не увидел серьезности ситуации и вместо того, чтобы восстановить веру в национальные деньги, позволил банкам банкротиться. Его провал привел к избранию Рузвельта, который упразднил золотой стандарт и в этом был прав, но его ошибкой было введение чрезмерного регулирования национальной экономики. Именно вторая мировая война, а не Новый курс, положила конец депрессии. При помощи фудициарных денег (без золотого стандарта) и Федеральной резервной системы, которая готова была проводить денежные интервенции. Этот болезненный опыт никогда не должен повторяться.

17. Рынки создают и поддерживают монополии? Как справиться с монополиями?

- A. Если история капитализма и показывает нам что-либо, так это то, что капитализм ведет к концентрации бизнеса. По мере уменьшения числа компаний цены растут, а зарплаты снижаются. Профсоюзы и антимонопольное законода-

тельство достигли определенных успехов в сдерживании монополий, но их действий недостаточно, чтобы противодействовать монополизации в рыночных условиях. Государство само должно регулировать уровень конкуренции на рынке. Часто конкуренция приводит к общественным затратам. Ее используют монополисты для оправдания своего эксплуататорского поведения. Идеальной формой сотрудничества является по-настоящему демократическая экономика.

- B.** Рынок склонен к образованию монополий различных размеров и типов. Компаниям надо запретить использовать свое право устанавливать монопольные цены. Их можно вывести при помощи различных формул, которые определяют издержки в соответствии с моделью идеальной конкуренции. Благодаря прогрессу в технологиях географические монополии сегодня не имеют такого веса, как в прошлом. Сегодня мы являемся свидетелями технологических монополий, таких, например, как *Microsoft*. Регуляторным органам государства надо быть бдительными и следить за попытками бизнесов монополизировать рынок во имя своего обогащения за счет потребителей. Создание конкурентной среды требует жесткого выполнения различных законодательных норм.
- C.** Экономисты классической школы были правы, определив монополию как государственный грант, привилегию по использованию определенных прав. Компании, получившие монопольный статус, имели право быть эксклюзивным производителем определенного товара. В рыночных условиях только государство может обеспечить существование монополии. Агрессивная ценовая политика не может быть продолжительной. Попытки резкого снижения цены весьма выгодны потребителям и приносят большие издержки производителю, который на это отважился. Попытки организовать картели, как правило, завершаются провалами. Там, где существуют договоренности между производителями, они, очевидно, продиктованы рынком. Термин «монопольная цена» в рыночных условиях не имеет смысла, поскольку рынок не является серией статичных фрагментов жизни, а процессом изменений. Рыночное общество вообще не нуждается в антимонопольной политике. Государство само является источником остающихся монополий (образование, суд, энергетика и т. д.).
- D.** Монопольное регулирование посредством защиты отдельных компаний от конкуренции приносит больше ущерба, чем пользы. Некоторые виды регулирования используют ущербные модели, основанные на утверждении, что их товары особо желательны для потребителей. Самые известные случаи зависимости от выбора пути (*path dependency*) неясны и мистичны. Что остается делать регуляторам? Как сказал Адам Смит, регулирование должно предотвращать сговор компаний, особо наглую ценовую политику. Правительство должно обеспечивать равные условия для реальной конкуренции. Наконец, производство определенных товаров, к примеру обороны и услуги судов, было бы более эффективным в монополиях.

18. Какова роль равенства и неравенства?

- A.** Акцент современной политики на равенстве – большое достижение последнего столетия. Закон больше не исключает женщин и меньшинства из политической и экономической системы. Эти группы обычно недооцениваются «невидимой рукой» рынка, поэтому правительство должно не допускать

дискриминации и предоставлять всем равный доступ к общественным товарам. Государство всеобщего благосостояния принесло обществам большую пользу, обеспечив рост и распределение доходов. Таким образом оно старается не допустить увеличения состояния богатых за счет бедных. Мы прошли длинный путь, но вызовов впереди также очень много.

- B.** Термин «равенство» корректно было бы использовать в математике, а не в социальной науке. Люди не равны по своим природным качествам, возможностям и воле для достижения определенных целей. Неравный не значит низший или высший по своему положению. Неравный – значит просто другой. Разница между людьми является источником разделения труда. В рыночных условиях она ведет не к конфликтам, а к сотрудничеству. Надо уважать разницу между людьми. При этом собственники имеют полное право относиться к разным людям по-разному. Они несут ответственность за такое поведение. Законодателей не должно беспокоить неравенство результатов деятельности или доходов как между группами, так и между людьми, которые ранжированы по некому признаку. Единственное равенство, которое должно быть обеспечено человеку, это равенство перед законом.
- C.** Неравенство – неотъемлемая черта социальной структуры, которая искажена предрассудками из длительной и постыдной истории развития западного общества, дискриминировавшего женщин и другие меньшинства. Эти предубеждения, уходящие корнями в дух покорения, создали западный капитализм, которому было присуще насилие. Данная система изначально имела порочную рыночную инфраструктуру. Если собственников капитала оставить без контроля, по-прежнему будут существовать группы, исключенные из общества. Поэтому общество должно сдерживать капиталистов. Полное равенство будет недостижимо до тех пор, пока общество будет относиться к людям как к товару, который можно продавать и покупать, пока частная собственность для избранных будет превыше общих интересов для всех.
- D.** Это большая ошибка делать равенство целью политики государства, потому что эгалитарное законодательство не способствует развитию стимулов к улучшению текущего благосостояния человека. Наказывать богатых – это зря тешить себя надеждой, что бедные от этого выиграют. Они проигрывают, потому что у них будет меньше возможности заработать. Но равенство возможностей – это другой случай. Это нечто, причитающееся каждому по причине того, что он – человек. Поэтому народ через государство должен выступать за равенство в образовательных учреждениях, за введение невысокого налога на наследство и помогать тем, кто не по своей вине не имеет средств для входа на рынок и нахождения своего места в системе разделения труда. Как только эти институты заработают, мы увидим, что рыночная конкуренция приведет к достижению эгалитарных целей через преимущественно добровольный обмен.

19. Каковы ваши взгляды на торговлю и глобализацию?

- A.** Международная торговля повышает уровень жизни посредством увеличения производительности факторов производства. Дальнейшее разделение труда, специализация ведет к росту производительности труда. Глобализация позволяет улучшить средства производства и его организацию. Распространение глобального капитализма является ключевым элементом для обеспечения

устойчивого экономического развития во всем мире. Различные проблемы типа загрязнения окружающей среды являются следствием неурегулирования прав собственности на местном уровне, а не глобализации. Глобализм приносит выгоду как потребителям в развитых странах, так и рабочим в развивающихся.

- B.** Экономическая интернационализация имеет позитивные и негативные последствия. Свободная торговля и глобализация могут увеличить производительность и повысить уровень благосостояния потребителей. Однако во многих регионах мира ТНК эксплуатируют рабочих и загрязняют окружающую среду до тех пор, пока правительства не начинают их регулировать, гармонизировать налоговое и административное законодательство. Чтобы избежать негативных последствий международной торговли, необходимо детальное регулирование некоего глобального органа. Мировое правительство, которое возьмет на себя такую ответственность, будет большим благом для человечества.
- C.** Глобализм развивается под флагом свободной торговли, но на самом деле является механизмом эксплуатации потребителей и рабочих. Транснациональные корпорации, которые не могут найти рынки сбыта дома, эксплуатируют рабочих развивающихся стран, выплачивая им минимальную зарплату, на которую едва можно выжить. Их поведение разрушает местные национальные культуры и ведет к превращению людей в товар. Такова природа капитализма и капиталистических государств, которые сталкиваются с сокращением объема получаемой прибыли. Единственное лекарство от проблем глобализации – ликвидация самого глобального капитализма.
- D.** Свободная торговля генерирует позитивные результаты, но она нуждается в общественной поддержке. Специализация труда и инвестиции в средства производства, которые осуществляют ТНК, увеличивают производительность труда и повышают уровень жизни, но нам необходимо глобальное регулирование через Всемирную торговую организацию, которая должна создать правовые и финансовые рамки, обеспечить прозрачность законов и защиту интеллектуальных прав собственности. Посредством таких действий будут реализованы преимущества глобального экономического сотрудничества. Такие глобальные общественные институты необходимы для того, чтобы международная торговля и глобализация работали во благо всех.

20. Каковы функции фондового рынка?

- A.** Фондовый рынок может играть положительную роль в обществе, но он также подвержен спекулятивным атакам. На нем часты злоупотребления, типичные для больших и сложных институтов, которые обманывают малых инвесторов. Поведение спекулянтов может привести к переоценке рынка, инсайдерской торговле, другим практикам, которые приносят пользу небольшой группе генеральных директоров и управляющих, пиарщиков и крупным инвесторам за счет малых инвесторов. Большие игроки фондового рынка также могут использовать систему в свою пользу, поэтому государство может и должно регулировать фондовый рынок. Различного рода правонарушения должны отслеживаться, и допустившие их нести наказание. Должны быть установлены предельные размеры оплаты труда управляющих, обязательный аудит и отчетность, а также тщательный анализ финансовых отчетов. Для эффективного

функционирования финансового рынка государственное регулирование жизненно необходимо.

- B. Фондовый рынок является чрезвычайно важной частью процесса, при помощи которого мы координируем производство. Цены фондового рынка отражают производительность фирм, а также мнения предпринимателей относительно будущей производительности. Конкуренция фондовых рынков позволяет установить ценность реальных инвестиций. Неправильно критиковать и клеветать на слияния и объединения компаний, инсайдерскую торговлю, потому что эти действия отражают реальную конкуренцию. Без фондовых рынков рациональная координация производства в современном обществе была бы невозможной. Государственное регулирование не может улучшить работу фондовых рынков, потому что именно рынки в наибольшей степени напрямую информируют нас о наилучших способах использования ресурсов.
- C. Фондовый рынок представляет интересы непроизводственного класса общества. Класс инвесторов получает прибыль за счет трудовой деятельности других. В то же время он втягивает общество в различного рода инвестиционные схемы. Спекуляции фондового рынка, инсайдерская торговля, захваты и объединения компаний дестабилизируют экономику. Через концентрацию контроля над финансовыми учреждениями происходит концентрация контроля над средствами производства в руках небольшой группы людей. Рынки «быков», т. е. играющие на повышении цены акций, не производят реального богатства и являются финансовыми пузырями. Волны рыночных спекуляций приводят к финансовой панике, которая, в свою очередь, нарушает процесс создания реального богатства. Для достижения общих целей нам необходимы не суперсовременные финансовые центры, а обычная работа на местном уровне.
- D. Фондовый рынок помогает совместить производственные стимулы и отделить производственные компании от непроизводственных. В любой момент цены на фондовой бирже отражают всю имеющуюся в наличии и релевантную информацию, поэтому прогнозы сбываются в среднем. Ни один инвестор не может в среднем переиграть рынок. Слияния и объединения компаний оказывают давление на управляющих компаниями и заставляют их работать на интересы инвесторов, больших и малых. Система работает до тех пор, пока регуляторные органы требуют обеспечения полной прозрачности и предоставления всей имеющейся информации к рынку информации. Таким образом, государственная интервенция может улучшить работу фондового рынка.

21. Зачем нужны профсоюзы?

- A. Профсоюзы – это монополии на рынке труда, потому что они пользуются привилегией, данной им государством. Профсоюзы повышают зарплаты сверх уровня конкурентного рынка. Это приводит к падению занятости низкотрудоемких рабочих и сокращает общее производство потребительских товаров. Лидеры профсоюзов часто коррумпированы и получают выгоду за счет своих рабочих. Профсоюзы также работают для того, чтобы сконцентрировать власть в руках политиков, их поддерживающих. Концентрация власти в руках профсоюзов и политиков вредна для свободного общества.

-
- B.** Профсоюзы – это монополии, но они могут достигать позитивных результатов. Их историческая роль заключалась в том, чтобы противодействовать концентрации промышленной власти. В то же время слишком сильная доминантация профсоюзов также может привести к росту зарплаты сверх уровня конкурентного рынка и привести к сокращению занятости и производства. Эффект от деятельности профсоюзов зависит от разных обстоятельств, поэтому нет оснований для формирования некоего общего мнения относительно пользы или вреда профсоюзов. Все зависит от обстоятельств, времени и места, в которых они действуют.
 - C.** Профсоюзы в их сегодняшнем виде не могут исправить дефекты капитализма, который по своей природе эксплуатирует рабочих. Поскольку весь капитал происходит от труда, капиталисты, вероятно, платят рабочим меньше, чем надо для обычного выживания. Только ликвидация капитализма и введение общественной собственности на средства производства может изменить этот порядок. В той степени, в которой профсоюзы работают во имя достижения данной цели, они должны защищаться и наделяться большими полномочиями.
 - D.** Профсоюзы жизненно необходимы для свободного общества. Они действуют как баланс по отношению к бизнесу. Капитализм склонен к концентрации большой власти в руках лидеров делового сообщества, поэтому профсоюзы необходимы для того, чтобы не допустить эксплуатации рабочих большим бизнесом. Правительство должно поддерживать профсоюзы, а закон – гарантировать право организовывать профсоюзы. Рабочие обычно имеют более высокий уровень благосостояния, когда они объединены в профсоюзы.

22. Каково экономическое значение национальной обороны?

- A.** Национальная оборона нейтральна по отношению к рынку. С одной стороны, она обходится налогоплательщикам в определенную сумму денег. С другой – при помощи национальной обороны создается стабильная среда, позволяющая людям работать в мире и реализовывать свои права. Природа государства заключается в том, чтобы сохранять монополию на использование силы и защиты народа от внешних и внутренних врагов. Прежде чем мы начнем говорить об экономическом производстве, должна быть обеспечена национальная оборона и безопасность. В противном случае у нас будет хаос и беспорядок.
- B.** Национальная оборона сама по себе желательна. При этом она оказывает сильное экономическое влияние за счет того, что правительство реализует многочисленные программы, направленные на обеспечение обороноспособности. В ходе выполнения этих программ создаются рабочие места и увеличивается доход, что приводит к усилению экономики. Такие программы особенно благоприятны для роста ВВП, потому что большая часть военного производства предполагает развитие тяжелой промышленности. Расходы на оборонку в целом приносят государству больше позитива, если эти расходы на большие военные проекты, а не на малые программы по производству потребительских товаров. Более того, государственное финансирование генерирует технологический подъем, который способствует развитию всего общества. В нем задействовано много людей. Если бы не было этих программ, люди не получили бы специального образования и не могли бы зарабатывать много

денег в рыночных условиях. Военная область – это прекрасный пример государственного планирования, которое служит всему обществу.

- C. Государственные расходы на военную сферу – это социальные затраты, которые вытесняют частные альтернативы, при том, что их гипотетические выгоды не поддаются измерению. Безопасность, как любой другой товар, который нужен потребителю, может поставляться и поставляется рыночной экономикой, т. е. людьми, которые самостоятельно и добровольно организовались в рамках частной собственности добровольного обмена. Система частного обеспечения безопасности работает гораздо лучше государственной, которая транжирит триллионы долларов, погрязла в бюрократии и провоцирует врагов. На самом деле государственная система не защищает народ. Правительства использовали предлог «защиты» для начала войн, которые в конечном итоге усиливали власть государства над рынком.
- D. Национальная оборона – это удовлетворение спроса, который в противном случае не был бы удовлетворен с достаточным качеством, если бы данный товар поставлялся рынком. Все дело в том, что национальная оборона – это пример общественного блага. Каждый получает выгоду от нее. Это благо нельзя предоставлять отдельным людям, как это происходит с рыночными товарами. По причине фрирайдерства и расходов на поставку данного товара люди не имеют особого стимула покупать его самостоятельно. Поэтому большинство обществ с незапамятных времен наделили правительство полномочием и вменили ему главную обязанность – обеспечивать безопасность. Очевидно, что польза от такого уклада значительно больше затрат.

23. Как быть с такими товарами, как образование и дороги?

- A. Нет смысла спорить, являются ли дороги и образование важными потребностями, но рынок едва ли будет поставлять эти товары в достаточном количестве. Единственная проблема – качество государственного администрирования. Данные услуги можно предоставить эффективно или неэффективно. Введение рыночных стимулов может улучшить их качество. Строительство и администрирование могут быть переданы частным компаниям. Государство выступает заказчиком, а частный рынок – поставщиком. Проблему пробок можно решить путем введения платных дорог и других форм рыночного ограничения спроса. Школы можно сделать более конкурентными через систему ваучеров и инновационных систем, а также развитие в них информационных технологий. Специализация школ также может стать примером предоставления образовательных услуг.
- B. Есть определенные товары, которые не могут поставляться рынком в такой степени, в которой они востребованы обществом. Частные школы хороши для тех, кто может себе их позволить, но демократическое общество должно предоставлять образование для всех. Такая же ситуация с дорогами, которые являются частью государственной инфраструктуры современного общества, поэтому дороги не должны быть частью лживого свободного рынка. Это не значит, что в данных сферах не может быть реформ. Школы страдают от недостатка финансирования. Учителям недоплачивают. Дороги нещадно эксплуатируются. Необходимо развитие транспортной системы. Совместное использование автомобилей должно поощряться.

- C. Это такие же товары, как и любые другие. Их могут самостоятельно поставлять рынки. Государство не может создать образовательное учреждение, которое сдаст тест на экономическую рациональность, потому что оно должно будет пройти его без прямой ответной реакции со стороны потребителей. Вместо этого государство собирает налоги и тратит средства, как ему в голову взбредет. То же самое относится к государственным дорогам: сколько их строить, какого качества, где? Ответы на все эти вопросы так или иначе определяются политическими факторами. В рыночной экономике качество, количество и вид любого товара или услуги соответствует социальной потребности. Товары и услуги, которые ценятся потребителями, будут поставляться на рынок, если это экономически выгодно по сравнению с другими социальными приоритетами.
- D. Часто можно слышать, что свободный рынок является решением всех наших экономических проблем, что государство не может производить качественные и дешевые блага. Но пример современных школ и дорог как раз опровергает это утверждение. В государственных школах выучились миллионы людей. Государственные дороги – это ключевой элемент открытого общества, в котором каждый должен иметь возможность участвовать. Успех этих институтов говорит о большом потенциале, доступном обществу, которое осмелилось отказаться от системы *laissez-faire* и создать настоящее социально ориентированное общество для всех. Узкие интересы бизнесов в системе свободного рынка не могут обеспечить доступ всех людей к этим социальным благам.

24. Каково экономическое значение войны?

- A. Война сокращает экономическое благосостояние, разрушая ресурсы. Она может принести выгоду отдельным людям, контролирующим военные расходы, но только в том случае, если в военных действиях одержана победа. Для большинства потребителей и бизнесов война означает резкое сокращение уровня достатка. Единственное оправдание войны – случай чистой самообороны.
- B. Война сокращает экономическое благосостояние, разрушая ресурсы и активы. Военные действия могут быть выгодны избранным, которые тратят средства, выделяемые на военные нужды. При этом война может быть важной с точки зрения достижения национальных интересов. Если дипломатические средства решения споров провалились, общий уровень благосостояния общества можно увеличить, только если достигнуть важных национальных целей посредством ведения военных действий. Войны, которые ведутся для защиты от агрессора, всегда оправданы. При некоторых обстоятельствах нападение на врагов также может быть оправдано.
- C. Война стимулирует экономику путем увеличения спроса. Да, войны приносят разрушения, но мы генерируем больше богатства, когда отстраиваем страну, т. е. объекты, разрушенные войной. При этом в процесс вовлекаются не использованные ранее ресурсы, что повышает благосостояние.
- D. Войны существуют для того, чтобы увеличить прибыли капиталистов. По мере падения прибылей от реализации проектов на внутреннем рынке капиталисты устремляются за рубеж, за получением большой прибыли. Это создает конфликты между капиталистами разных стран. Страны начинают войны во

имя своих империалистических интересов. Капитализм является основной движущей силой военных действий. Войны прекратятся, когда падет капитализм.

25. Кто наилучшим образом служит обществу?

- A. Когда законодатели, а также эксперты и советники по различным вопросам внутренней и внешней политики, формулируют и проводят определенную политику, они заботятся о национальных интересах. Они желают и могут улучшить благосостояние общества. Предприниматели стремятся к получению прибыли. Их практически не интересует общественное благосостояние. Они служат обществу только в той степени, в какой они зарабатывают прибыль. Принимая во внимание многочисленные серьезные дефекты, с которыми функционирует рынок, хорошо информированные лидеры гражданского общества должны работать для того, чтобы улучшить общественное благосостояние. Это возможно, если только мы ограничим влияние большого бизнеса и мощных лоббистских групп на процесс принятия политических решений.
- B. Предприниматели играют важнейшую роль в обществе. Они формируют свои представления о будущем и чутко реагируют на возможности получения прибыли. Конкуренция, которая относится к реализации этих возможностей, приводит либо к прибыли, либо к убытку. Данный процесс генерирует цены на труд и капитал. Конкуренция направляет ресурсы для удовлетворения самых насущных потребностей потребителей. По общему мнению, успешными являются те политики, которые успешно удерживают политическую власть. Обычно это самые жестокие люди в обществе.
- C. Капитализм служит предпринимателям. Предприниматели служат сами себе. Капиталистическая система основана на эксплуатации потребителей и рабочих. Единственное решение этой проблемы – покончить с капитализмом и с классом капиталистических предпринимателей. Настоящее демократическое или социалистическое общество покончит с эксплуатацией. Люди больше не будут стремиться к получению прибыли для себя, потому что ее не будет. У людей будут лучшие стимулы. В социалистической системе люди будут более духовными. Лидеры, если таковые будут в будущем социалистическом обществе, будут работать ради достижения общественного благосостояния.
- D. Политики преследуют свои собственные интересы, но политическая конкуренция и процесс выработки политических решений и их принятия заставляет их в определенной степени служить обществу. Предприниматели также в определенной степени служат обществу, потому что они зарабатывают прибыль, предоставляя услуги и товары потребителям. Вопрос о том, служат ли лидеры гражданского общества и предприниматели наилучшим образом, остается открытым. Это зависит от определенных обстоятельств, от места и времени. Демократическое общество показало, что с течением времени оно в состоянии решить проблему социального управления.

Ответы

1. А – австрийская школа, В – социалисты, С – кейнсианцы/неоклассики, D – чикагская школа.
2. А – австрийская школа, В – чикагская школа, С – немецкая историческая школа, D – социалисты.
3. А – кейнсианцы, В – чикагская школа, С – социалисты, D – австрийская школа.
4. А – кейнсианцы/неоклассики, В – социалисты, С – австрийская школа, D – чикагская школа.
5. А – австрийская школа, В – социалисты, С – чикагская школа, D – немецкая историческая школа.
6. А – чикагская школа, В – социалисты, С – австрийская школа, D – кейнсианцы/неоклассики.
7. А – чикагская школа, В – социалисты, С – австрийская школа, D – кейнсианцы/неоклассики.
8. А – социалисты, В – австрийская школа, С – чикагская школа, D – кейнсианцы/неоклассики.
9. А – кейнсианцы/неоклассики, В – социалисты, С – чикагская школа, D – австрийская школа.
10. А – чикагская школа, В – кейнсианцы/неоклассики, С – социалисты, D – австрийская школа.
11. А – чикагская школа, В – австрийская школа, С – социалисты, D – кейнсианцы/неоклассики.
12. А – социалисты, В – австрийская школа, С – кейнсианцы/неоклассики, D – чикагская школа.
13. А – чикагская школа, В – кейнсианцы/неоклассики, С – социалисты, D – австрийская школа.
14. А – кейнсианцы/неоклассики, В – социалисты, С – чикагская школа, D – австрийская школа.
15. А – социалисты, В – чикагская школа, С – кейнсианцы/неоклассики, D – австрийская школа.
16. А – австрийская школа, В – кейнсианцы/неоклассики, С – социалисты, D – чикагская школа.
17. А – социалисты, В – кейнсианцы/неоклассики, С – австрийская школа, D – чикагская школа.
18. А – кейнсианцы/неоклассики, В – австрийская школа, С – социалисты, D – чикагская школа.
19. А – австрийская школа, В – кейнсианцы/неоклассики, С – социалисты, D – чикагская школа.

20. А – кейнсианцы/неоклассики, В – австрийская школа,
С – социалисты, D – чикагская школа.
21. А – австрийская школа, В – чикагская школа,
С – социалисты, D – кейнсианцы/неоклассики.
22. А – чикагская школа, В – социалисты,
С – австрийская школа, D – кейнсианцы/неоклассики.
23. А – чикагская школа, В -кейнсианцы/неоклассики,
С – австрийская школа, D – социалисты.
24. А – австрийская школа, В – чикагская школа,
С – кейнсианцы/неоклассики, D – социалисты.
25. А – кейнсианцы/неоклассики, В – австрийская школа,
С – социалисты, D – чикагская школа.

Примечания.

1. Л. фон Мизес «Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории», 2005 г., стр. 264.
2. Праксеология – это наука о целесустрененной человеческой деятельности. Целью является все, к чему стремится человек, средствами – все, что действующий человек рассматривает как таковые. Она нейтральна по отношению к целям и ценностных суждениям. Она изучает деятельность как таковую вне зависимости от внешних, случайных индивидуальных обстоятельств конкретных действий. Ее утверждения и теоремы не выводятся из опыта. Они априорны, как в математике и логике. Она изучает не внешний мир, а поведение человека по отношению к нему.
3. Л. фон Мизес «Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории», 2005 г., стр. 265.
4. Л. фон Мизес «Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории», 2005 г., стр. 266.
5. «Обыкновенный человек» – это, конечно, агрегатная, неточная концепция. Естественно, ему нет места в научных текстах, потому что «обыкновенный» предполагает наличие понятия «необыкновенный». Поэтому в данном случае под «обыкновенным человеком» я имею в виду того, кто: 1) не работал в органах партии и хозяйственной номенклатуры; 2) не получал спецнайков и не числился в списках спецраспределителей; 3) не покупал товары в валютных магазинах системы «Березка» и впервые увидел банкнот американского доллара после раз渲ала СССР; 4) не имел возможности получить кредиты в национальной валюте при гиперинфляции; 5) не распоряжался активами в социалистической системе.
6. A. Smith. *Theory of Moral Sentiment*, II, 3.34.
7. «Социализм. Экономический и социологический анализ» M. *Catallaxy* 1994 г. стр. 69.
8. Праксеология – наука о причинах человеческой деятельности. Впервые термин был введен французским ученым Эспинасом в 1890 г.
9. L. von Mises *Socialism*.
10. Л. фон Мизес, М. Ротбард, И. Кирзнер и др.
11. *radical ignorance* – состояния, когда действующий субъект не знает фактов, явлений реальной жизни и даже не подозревает об их существовании.
12. L. von Mises, «*Theory of money and credit*».
13. L. von Mises, «*Theory of money and credit*».
14. M. Rothbard *Man, economy and state*.
15. L. von Mises, «*Theory of money and credit*».
16. L. von Mises, «*Theory of money and credit*».
17. Magazine «*Wprost*» 1999 – Wrzesien № 35.
18. *Business Central Europe* – 1999 June.
19. *Business Central Europe* – 1999 February.
20. www.cato.org
21. www.ti.org
22. www.wef.org World Economic Forum
23. www.cato.org
24. Kam Hon Chu, *Deposit Insurance and Banking Crisis in the Short and Long Run* www.cato.org
25. Данные Отчета Всемирного банка о мировом развитии 2006 г. «Справедливость и развитие», сентябрь 2005 г.
26. Данные из Доклада о развитии человека в 2005 г. «Международное сотрудничество перед выбором: помощь, торговля и безопасность в неравном мире».

